

КОРОЛЬ СЕРЫХ

Р И Ч А Р Д
КНАК

КОРОЛЬ СЕРЫХ

Р И Ч А Р Д
КНАК

РИЧАРД

КНААК

КОРОЛЬ СЕРЫХ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

ББК 84 (7США)
К53

Richard A. Knaak
KING OF THE GREY
1993

Перевод с английского К. С. Абрамова
Серийное оформление А. А. Манохина

Печатается с разрешения издательства
Warner Books Inc., New York, USA
с/o Andrew Nurnberg Associates Limited.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Кнаак Р.

К53 Король Серых: Роман / Пер. с англ. К.С. Абрамова. — М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. — 464 с.

ISBN 5-237-02904-3

Из тумана, из темных сумерек смерти, из небытия вылетел ворон. Ворон, рожденный в мире, где обитает народ призраков, в мире бестелесном и зыбком, в мире вампиров и монстров, чудовищ и привидений. В мире, где не живут, но жаждут жить. Он был Ворон. Он был — Голод. Он тоже хотел обрести жизнь, хотел так сильно, что понял: сила его — в боли и страдании других. Убивая, убивая и убивая, он становился все неуязвимее, все непобедимее. Так было, пока не встал на его пути Король — человек, которого звали Мертвец. И тогда схватились в смертельном бою тот, кто из смерти прорвался в мир жизни, и тот, кто из мира живых вырван был миром мертвых...

© Richard A. Knaak, 1993
© Перевод. К.С. Абрамов, 1999
© ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999

Возможно, и права пословица, что птицы одного пера держатся стаями, только, видимо, никто не удосужился известить об этом огромного черного ворона, который тем осенним утром восседал на шлагбауме возле Бартлет-стейшн, время от времени лениво переступая с лапы на лапу, чем привлек внимание некоего Джереми Тодтманна, стоявшего последним в напоминавшей массовую миграцию леммингов очереди к пригородному поезду. Служащий кредитно-ипотечной конторы Тодтманн, одетый в серый костюм мужчина лет тридцати—тридцати пяти с пепельными волосами, в глубокой задумчивости наблюдал за ужимками птицы. Не имея ни малейшего отношения к орнитологии, он тем не менее понимал, что перед ним не какой-нибудь заурядный дрозд, а самый что ни на есть настоящий черный ворон. Справедливости ради стоит заметить, что дрозды, которые, разумеется, ни в коем случае не считали себя птицами заурядными, в тот момент старались держаться подальше от этого одинокого скитальца, зале-

тевшего сюда из мрачной поэмы Эдгара По. Джеремиа, уже берясь затянутой в перчатку рукой за поручень и исчезая в чреве поезда, краем глаза видел, что другие птицы следили за вороном настороженно, словно это был какой-то пернатый пария. Сам же возмутитель спокойствия, не обращая внимания на косые взгляды собратьев, устремил взор на Джеремию.

Джеремиа не придавал этому ничтожному обстоятельству никакого значения — в самом деле, чем тщедушный, с ничем не примечательной внешностью обитатель суши вроде него мог заинтересовать существо, которому покорна воздушная стихия? Да решительно ничем. Этот мир был создан для воронов, дроздов и прочих пернатых, чтобы они летали, откладывали яйца, ловили мошкар и с удивлением взирали на странных двуногих сухопутных, которые изо дня в день жили, подчиняясь неумолимому циклу — утром уезжали на работу в город, вечером возвращались по домам. Возможно, запоздало подумал Джеремиа, уже когда за ним с шипением закрылись двери вагона, птиц даже забавляет эта странная тяга бескрылых к миграции.

Оглядывая обшарпанный, прокуренный салон с потрескавшимися сиденьями в поисках места, Джеремиа забыл о вороне. Не всякое место его устраивало. Джеремиа всегда садился у окна. Не то чтобы его волновал окрестный пейзаж, просто это давало возможность не видеть согбленных спин и малосимпатичных физиономий его попутчиков.

Поскольку это была одна из первых остановок поезда, перед Джеремией открывался широкий выбор: больше половины сидений пустовало. Он выбрал место у окна справа, которое, когда он повернулся по ходу поезда, оказалось слева. Джеремия устремился к заветному сиденью, чтобы сесть до того, как поезд рывком тронется с места.

Он припал к поцарапанному стеклу и рассеянным взором окинул открывшийся ему уголок города: кафе, которое будет уже закрыто, когда он вернется вечерним поездом; на другой стороне улицы, на углу, небольшой банк, построенный с тем расчетом, чтобы он выглядел в духе времени — каким бы оно ни было, — и в то же время по-домашнему уютным. Банк открывался рано, о чем свидетельствовали припаркованные тут же автомобили. К прибытию следующего поезда свободная стоянка здесь будет на вес золота, а воздух будут сотрясать проклятия неудачников, вынужденных оставить машину в четверти мили от вокзала.

Поезд ожил — точно какое-то доисторическое чудовище лениво пошевелилось, лязгнуло зубами и поползло. За окном, подернутым зеленоватой дымкой, потянулся знакомый пейзаж: изумрудное царство, в которое грубо и бесцеремонно вторгалась реальность. Чем ближе к городу, тем сильнее меркли и гасли живые краски в глазах Джеремии, сменяясь черной ночью, возвещавшей конец пути, тупик. В начале каждого туннеля по спине Джеремии неиз-

менно пробежал холодок. Он не смог бы объяснить, почему так происходит. Это была одна из тех загадок жизни, которые для многих людей так и остаются загадками.

Но сейчас эти загадки Джеремию не интересовали. И глаза его не уделяли внимания окружающему миру. Они смотрели лишь на себя: два холодных голубых кружка смотрели в две призрачно-зеленые радужки-отражения. Остались позади кафе и банк, промелькнули и исчезли из виду машины, дома, потом неухоженные поля. Ничего этого Джеремя не видел, хотя знал, что они там.

Едва успев разогнаться, поезд начал снова замедлять ход, жалобным гудком извещая пассажиров о том, что впереди очередная остановка, а стало быть, и новая партия таких же мигрантов.

Выводя Джеремию из прострации, вспыхнули и отчаянно замигали сигнальные огни на шлагбауме. Джеремя озадаченно наморщил лоб — ему вдруг показалось, что прервал его задумчивость вовсе не пронзительный звон, а что-то, сидевшее на сигнальном светофоре шлагбаума. Когда поезд, словно нехотя, остановился, чтобы впустить в свое чрево свежих пассажиров, Джеремя, изогнувшись всем телом, обернулся, стараясь высмотреть, что же промелькнуло у него перед глазами. Однако попытка его оказалась тщетной, поскольку виден был лишь самый кончик руки шлагбаума. Не поворачивая головы, Джеремя подался вперед.

Неужели ему только померещилось это черное пятно на шлагбауме? Решение этого вопроса так и не озарило его сознание, потому что в следующее мгновение поезд тронулся и шлагбаум скрылся из виду.

Злой на самого себя, клерк раздраженно отпрянул от окна и правой рукой машинально оперся о соседнее сиденье.

Пальцы его наткнулись на прохладную мягкую плоть.

Джеремия проворно — как если бы там сидел прокаженный — отдернул руку. Он был настолько поглощен мыслями о загадочном видении, что совершенно не заметил, как кто-то сел рядом с ним.

— Прошу прощения, — скороговоркой произнес он, в смущении от своей неловкости. Он повернулся, чтобы вторично принести извинения, и обнаружил... что рядом никого не было.

Соседнее сиденье по-прежнему пустовало.

Он снова протянул руку и провел пальцами по сиденью из какого-то искусственного полимера, который никак невозможно было спутать с мягкой живой тканью. Джеремия повернул руку ладонью вверх и подозрительно уставился на кончики пальцев, но они не могли пролить свет на загадку исчезнувшего попутчика. Очевидно, Джеремии следовало признать, что ему просто померещилось, однако он не верил, что его ощущения могли сыграть с ним такую шутку. Разве мог он, будучи в здравом уме, принять

шершавый, грубый материал за нежную, молодую кожу женщины? Тодтманн был человек тихий и нечасто общался с противоположным полом — разве что на работе, — но даже ему было знакомо простое удовольствие от прикосновения женщины. Как бы ни разыгралось воображение, такого ощущения не могла вызвать пластиковая скамейка. Однако вызвала.

— Должно быть, переутомился, — пробормотал он. Это было похоже на правду. Возможно, забытье его было чуть более глубоким, чем обычно, и он, сам того не сознавая, вступил в мир снов.

Пустых мест в вагоне становилось все меньше. Большинство пассажиров Тодтманн знал в лицо — он видел их почти каждое утро. Некоторых он даже знал по имени, однако у него и в мыслях не было завязать с ними знакомство — разве что с двумя или тремя из пассажирок. К сожалению, у них не было аналогичного желания относительно Джерсии, а он был не из тех, кто бросается вперед. Когда все новоприбывшие равномерно распределились по вагону, Тодтманн снова погрузился в созерцание туманно-изумрудного мира за окном и в свои мысли.

Поезд, точно почуявшая волпо лошадь, захрапел и рванулся вперед. Этот перегон не был отмечен никакими происшествиями. Мелькали старые, ветшающие строения, ускользящие ландшафты, которые он так хорошо знал и все же не мог бы описать, если бы его попросили. Наконец зе-

ленное пространство за окном стало вертеться медленнее — первый признак приближавшейся станции. Поезд снова вынуждали прервать свой беззаветный бег, и он горько заскрипел, разрушив блаженное состояние оцепенения, которого Тодтманн только-только достиг.

— Проклятие! — Джеремия расправил плечи. На этой станции не было шлагбаума, и семафор не оглашал станцию адскими воплями — другое бросилось Джереми в глаза. И на сей раз он точно знал, что.

Ворон. Он примостился на указателе, уверенно объявлявшем, что поезд прибыл на пригородную станцию Шомберг. Один птичий глаз был обращен в сторону поезда, а именно — если зрение не изменяло Джереми — прямо на него.

Тодтманн был почти абсолютно уверен — хоть эта мысль и представлялась ему безумной — что перед ним та же самая птица. Прижимаясь лбом к закопченному стеклу, он тщился как следует разглядеть свою пернатую тень.

К его изумлению, птица ему подмигнула.

«Не подмигнула, а моргнула, болван!» — отчитал он себя за столь нелепое предположение. Ну разумеется, этот эбеновый призрак и не думал подмигивать. Единственная причина, что ему так показалось, — в строении глаз птицы — она может смотреть на конкретный предмет только одним глазом. Другой при этом должен быть обращен в противоположную сторону.

И все же... это было похоже на действие скорее осознанное, чем рефлекторное.

Словно желая покончить с этим вопросом, ворон расправил широкие, лоснящиеся, как аспидная доска, крылья и взмыл ввысь. Когда Джеремиа, издав вздох облегчения, откинулся на спинку сиденья, он краем глаза увидел высокую и бледную женщину, и она, к его удивлению, пристально на него глядела, идя по вагону. Он решил, что слово «бледная» неточно. Оно подразумевает цвет, а по сравнению с кожей этой женщины, лишенной возраста и красивой совершенной красотой, бледность луны казалась бы калейдоскопом цветов. Джеремиа не успел и глазом моргнуть, как женщина скрылась из виду, однако весь ее облик, черты лица явственно запечатлелись в его памяти. Он проворно обернулся, надеясь еще раз увидеть это совершенство, пока она не села и не скрылась за чьей-нибудь серой, угрюмой спиной. Но ее уже и след простыл. Он лишь на секунду привлек к себе внимание нескольких пар равнодушных глаз. Женщины не было.

Джеремиа часто заморгал и стал лихорадочно озирать ту часть вагона, которая находилась у него за спиной, — перед его мысленным взором по-прежнему стоял образ таинственной чародейки: каскадом ниспадавшие волосы цвета воронова крыла, миндалевидной формы серебристые глаза, крутые дуги черных как смоль бровей, пухлые алые губы, которые, казалось, забрали всю ее кровь... Он не нашел ни одного лица, которое могло бы похвастаться хоть отда-

ленным с ней сходством. Какой-то неопрятного вида старик с крошечными карими глазками и застывшей в уголках губ презрительной ухмылкой — следствие долгих лет, проведенных в пригородных поездах, — вопрошающе вскинул брови, словно интересуясь, зачем Джереми потревожил его растительное прозябание. Тодтманн, сконфуженно улыбнувшись, отвернулся и, безуспешно стараясь придать беспечное выражение своему лицу, снова вперился в окно так напряженно, что со стороны могло показаться, будто у него на глазах разыгрывается сцена кровавого убийства. Заливший щеки Джереми пунцовый румянец придал его бледно-зеленому отражению в оконном стекле рождественский колорит — впрочем, сам он этого не заметил.

Сначала блуждающие вороны, теперь — женщины из сна. Джереми тряхнул головой — то ли от отвращения к своему жалкому состоянию, то ли пытаясь очистить собственные мысли. Все тщетно. Когда поезд тронулся, Тодтманн снова принялся смотреть в окно, но это не принесло ему облегчения. Черный ворон и таинственная незнакомка не выходили из головы банковского клерка, они точно гипнотизировали, требуя от него полного внимания. Она успела пройти в соседний вагон? А ворон действительно следил за ним? Почему он решил, что это одна и та же птица? Возможно ли, что эта женщина не более, чем плод его воображения? Почему от всего этого сердце его готово выскочить из груди,

а на лбу выступила испарина? Джеремия по природе не был ни особенно впечатлительным, ни нервным. Он взглянул на часы, хотя он и без того знал, что остается еще по меньшей мере полчаса пути, которые для него в тот момент означали целую вечность.

Когда в очередной раз лязгнули буфера и локомотив прогудел, объявляя о следующей станции, Джеремия буквально прилип к стеклу, выглядывая свою крылатую Немезиду. Напрасно он пытался себя убедить, что поведение его граничит с идиотизмом, — с таким же успехом он мог приказывать себе не дышать. Однако первый беглый осмотр перрона ничего не дал — лишь кучка сонных пассажиров, кое-кто из которых мельком взглянул на него, но тут же отвел взгляд, чтобы не привлекать к себе чужого внимания. К тому времени Джеремию уже мало заботило, как он выглядит со стороны, хотя, будь он в состоянии рассуждать здраво, он непременно снова задался бы вопросом: каким образом эти двое могли поколебать его душевное равновесие? Но теперь имело значение только одно: увидит он еще раз ворона или нет. Джеремия обвел взглядом скромное здание вокзала. Из груди у него вырвался вздох облегчения — ворона не было. Как он и предполагал, это было простое совпадение. Скорее всего, две разные птицы...

— Сукин сын! — прошептал он, вытаращив глаза. Эта тварь была тут как тут. Не на шлагбауме и не на крыше вокзала — чуть дальше, на

автостоянке. Ворон важно расхаживал по капоту новехонькой спортивной машины, нещадно царапая когтями краску. Джеремию почему-то показалось, что это занятие доставляет птице несказанное удовольствие.

Словно почувствовав на себе его взгляд, ворон уставился одним глазом на окончательно лишившегося присутствия духа человека. В глазу этом светились ум и понимание... и в больших количествах, чем было сейчас у самого Джереми.

Ворон снова подмигнул ему. Теперь Джеремиа был твердо уверен, хоть ворон и находился довольно далеко. Что-то в движениях ворона не позволяло усомниться в этом. Никогда еще он не видел, чтобы птица вела себя подобным образом. Может быть, ворон ученый и просто улетел от хозяина. Но этот эбеновый кошмар ходил не так, как животное, обученное подражать походке человека. Он топал по капоту с очевидным удовольствием от наносимых им разрушений.

Джеремиа откинулся на грязную спинку сиденья и крепко зажмурился. Он открыл глаза лишь тогда, когда поезд тронулся, и стал смотреть прямо перед собой — только бы не в окно. Куда угодно, только не туда. Лишь когда станция осталась далеко позади, он решился выглянуть.

Снова потянулся унылый пейзаж. Тодтманн не был человеком, у которого при мыслях о работе появлялся плотоядный блеск в глазах, но теперь он мечтал — нет, молил — об одном: поскорее оказаться в тесной коробке своего офиса в окру-

жении бесконечных папок с запутанными и незаконченными делами. Ибо если и было что-то, что могло вернуть его в безопасный мир обыденности, то это лишь ипотечная контора «Вечный залог», где все непознанное не пускали дальше порога. В «Залог» подобным вещам ходу не было — они нарушали трудовой ритм.

Дыша уже легче, Джереми тайком оглядел своих спутников, гадая, что они подумали о его странном поведении. Но, несмотря на его метания и вздохи, ни один из пассажиров на него не смотрел. Может быть, они намеренно его не замечали из страха, что он попытается завязать знакомство, но слишком уж обыкновенное отсутствие интереса читалось на их лицах, чтобы такое предположение было бы справедливо. Даже сидящий за ним человек с лицом язвенника, чье внимание он случайно привлек минуту назад, абсолютно перестал замечать его выходки. Есть неписаное правило: обычно те, кто притворяются, что кого-то не замечают, сильно переигрывают. У такого человека вид шахматиста на турнире, а не постороннего гражданина, которым он притворяется. С этими людьми было совсем не так: они *были* не заинтересованы... и даже очень.

Пока он обдумывал это любопытное наблюдение из жизни, поезд снова стал замедлять ход. Первая половина этого ежедневного путешествия была нашпигована паузами, которых Джереми Тодтманн обычно не замечал. Но сейчас

он дернулся и выглянул выпученными глазами, пытаясь вспомнить, *сколько еще станций* предстоит ему пережить до того, как его примет конечная.

«Черт побери, это просто птица, — шепнул он про себя, не в силах сосредоточиться на пейзаже за окном. — Просто птица!»

И почему этот ворон так его нервирует при каждом появлении? И почему он вообще появляется?

Постепенно его глаза оглядели все. Ожидающих пассажиров, сереющее за ними здание, ряды автомобилей, как привязанные собачки, ждущие возвращения хозяев. Здания и улицы за ними...

Ворона не было.

Он чуть не засмеялся вслух, но успел подавить смех, выдав наружу только что-то вроде «Хоп...». Ни интернированные только что, ни прежние узники вагона не обратили внимания на странное восклицание Тодтманна. Он подумал, что в столь ранний час нужно по меньшей мере крушение поезда, чтобы они обратили внимание хоть на что-нибудь. Все как обычно. И ничего в этом нет сверхъестественного.

Сверхъестественного? Почему, собственно, ему пришло в голову это слово?

Вопрос мелькнул и исчез. Джеремия впивал успокаивающий вид станции за окном, наслаждаясь каждой отпущенной ему секундой. Когда локомотив наконец выразил нетерпение и, под-

натужившись, потащил за собой состав, Джеремия резко обернулся, чтобы в последний раз насладиться остававшимся позади мирным пейзажем. Когда он откинулся на спинку, на устах его играла умиротворенная улыбка.

— Всего лишь птица, — довольный собой, констатировал он.

Последующие остановки прошли настолько без событий, что Джеремия даже подумал, уж не задремал ли он. Немного оживился он, лишь увидев знакомую картину Элмвудского кладбища. Он всегда считал, что кладбищу не помешало бы иметь один-два старомодных, солидного размера, склепа. Но и эта мысль мелькнула лениво и пропала. Все же два момента несколько омрачали безмятежное состояние его духа, пока поезд подходил все ближе к Чикаго и своей конечной станции — вокзалу Юнион-стейшн. Во-первых, он по-прежнему хотел бы бросить еще один взгляд — на самом деле он бы глазел вечно — на эту бледную красавицу из сна. Джеремия не мог понять, как ему удалось вообразить такую совершенную женщину. Ни одна из тех, что когда-либо встречались ему в жизни, не могла бы послужить прототипом этого эфирного величия.

Другое смущавшее Джеремию обстоятельство, возможно, существовало лишь в его воспаленном рассудке, однако уже тот факт, что он вообще думал об этом, заставлял его усомниться в собственном душевном здоровье.

А тревожило его пустовавшее место рядом с ним. К тому времени вагон был набит битком. Это повторялось каждый рабочий день. Вокруг на каждой скамейке располагалось по два-три хмурых пассажира. В этом не было ничего удивительного, тем более что некоторые вагоны были закрыты — их открывали только на более поздние маршруты. Удивительно было другое — пустое место рядом с Джеремией, место, мимо которого только на последней остановке прошли — и которого не заметили — человек десять, а то и больше. Джеремия мог только гадать, почему все они предпочли пройти в другой вагон.

Параноидальная подозрительность, таящаяся в каждом человеке, задавала навязчивый вопрос: что они такого знают?

Даже самые несимпатичные пассажиры — вроде того типа с лицом язвенника, — к тому времени обрели спутников. Рядом с Джеремией не садился никто. В другое время он, пожалуй, даже порадовался бы такой удаче, но теперь у него было глубокое, страстное желание убедить себя, что он — один из них, из тех, кто скучает в офисе с девяти до пяти и с кем не случается ничего необычного. Он хотел вновь обрести свое серое существование без событий.

Еще три станции остались позади, а Джеремия по-прежнему пребывал в одиночестве. Ворона, его назойливого спутника, не было и в помине, его призрачная мимолетная возлюбленная стала еще одной несбывшейся мечтой, о

которой остается лишь вздыхать. Джеремия теснее прижался к стене в безотчетном желании сделать место рядом более привлекательным, но все равно туда никто не сел. Сейчас он наверняка знал только одно: вновь входящие просто не обращают внимания на место рядом с ним, будто оно уже занято. Что могло померещиться им на этом вытертом, выцветшем пластике? Почему его не покидало нехорошее чувство, что они видят больше, чем он?

Джеремиа вытянул руку, но глаза не обманывали его — там была пустота. Он поморщился, скрестил руки на груди и опять крепко зажмурился.

Вскоре он погрузился в пески Гипноса, бога сна. Следующее, что он помнил — это как вставали его соседи и выстраивались к выходу чередой оживших трупов. За окнами было темно. Вокруг двигались едва различимые глазом тени, похожие на души умерших, ищущих освобождения. Джеремиа потянулся, он был немного озадачен: во-первых, собственным неадекватным поведением, а во-вторых, тем любопытным обстоятельством, что он действительно уснул... и тут он снова увидел ее.

Это было как мгновенное дразнящее наваждение. Он поймал на себе ее взгляд. Она выходила из вагона. Тодтманн вскочил как ошпаренный и попытался втиснуться в живую очередь, но очередь не поддавалась, и какие-то мрачные личности зашикали на него, призывая к порядку.

Джеремя всмотрелся в ползущую змеей по проходу людскую цепь, выискивая просвет. Как раз в этот момент какой-то мужчина замешкался — его портфель зацепился за металлический край сиденья — и Джеремя с тем же нахально-индифферентным лицом, что у и других, бросился вперед. За спиной у него кто-то недовольно фыркнул, но этим и ограничился.

Джеремя позволил себе легкую мимолетную улыбку... и она тут же исчезла с его губ — он споткнулся о чью-то подставленную ногу и завалился на спину стоявшего перед ним пассажира.

— Смотреть надо! — рявкнул тот, высокий, худой, с рылом вместо носа.

Тодтманн повернулся — чем вызвал еще очередную вспышку раздражения у напивавших на него сзади, — чтобы найти негодяя, который подставил ему ногу.

Все сиденья были уже пусты. Мусора на полу в проходе тоже не было. Зацепиться было *абсолютно* не за что — разве что кто-то забыл на полу свою ногу, а он, споткнувшись, отбил ее в сторону.

Сосредоточиться на этой мысли Джереми не дали.

— Прошу прощения! — прорычал у него за спиной человек с портфелем. — Если вы собираетесь здесь ночевать, позвольте мне пройти.

Джеремя судорожно схватил мужчину за рукав:

— Это вы подставили мне подножку?

— Вы в своем уме? — Мужчина был примерно одного с Тодтманном возраста и немного крупнее, а лицо у него было такое, будто кто-то долго месил его, как тесто. Он отчаянно пытался освободить свой рукав, однако газета, которую он держал в другой руке, сильно затрудняла этот маневр.

— Вы... вы случайно не видели красивую черноволосую женщину, как она выходила из поезда? — с внезапным вдохновением спросил Джереми. К своему удивлению, он поймал себя на том, что ему приятно хоть чье-то внимание. Пусть даже незадачливый визави сочтет его сумасшедшим.

Мужчина яростно затряс головой:

— Нет. Никого я не видел. Позвольте-ка пройти, дружище...

Было совершенно очевидно, что он отнес Джеремию к разряду тех подозрительных личностей, которые вечно, правда чаще всего ночью, околачиваются на Юнион-стейшн и докучают добропорядочным обывателям вроде него с самыми странными и дурными намерениями. Он часто говорил жене, как опасен большой город...

Джереми моргнул.

«Черт, откуда эти последние слова?»

Кажется, он просто читал мысли своего случайного собеседника.

Наконец он выпустил чужой рукав, развернулся и кинулся по успевшему опустеть проходу в начало вагона, к выходу.

— Под ноги смотрите, — машинально крикнул ему в спину проводник, когда Джеремия чуть не выпал из вагона на узкий перрон между двумя поездами.

Поезд, проводник, похожие на полчища мигрирующих леммингов людские потоки, устремлявшиеся туда, где в конце терминала брезжил свет, — все это Джеремия замечал только как препятствия на пути. Мелькали и стирались в памяти одно за другим хмурые, сосредоточенные лица, а глаза его высматривали волосы цвета воронова крыла, фигуру, которая в этой толпе пешеходов должна была выделяться, как роза среди бурьяна.

Из мрака полуосвещенного терминала он вышел в сияние вокзала, видя и не видя копошащуюся людскую орду, которая все равно увлекала его за собой. В сущности, он мог бы пройти эту дорогу и с завязанными глазами, как, впрочем, и все остальные. Поэтому он ни на секунду не прекращал своих поисков таинственной незнакомки — больше его ничего не интересовало. Он не задумывался, каким образом ей удалось так умопомрачительно быстро завладеть его воображением или почему на глаза ему то и дело попадались фигуры, на которых взгляд отказывался задерживаться, словно они были сотканы из воздуха. Если бы только ему посчастливилось найти свою мечту, он спросил бы у нее... то есть, разумеется, если бы смог, не заикаясь, произнести в ее присутствии хоть слово.

Да и снизойдет ли она до разговора с ним, если он найдет ее? — терзался он, вносимый толпой в сверкавший великолепием центральный зал. Или просто посмотрит на него как на сумасшедшего?

И почему он уверен, что она сможет ответить на все его вопросы?

Высоко над головой Джереми, сидя на козырьке под самым потолком достопочтенного чикагского вокзала Юнион-стейшн, озира́л толпу тот самый ворон, и один его глаз был направлен на одного конкретного пассажира.

— Славно, славно, — сказал он таким глубоким и модулированным голосом, что никакого пера птице, даже такой царственной, он принадлежать не мог. — Удача приходит к тому, кто умеет ждать.

Ворон смотрел вниз на толпу смертных душ и высматривал тех, кто не был смертным и уж точно не имел души, которую мог бы назвать своей. Как всегда, их темные фигуры — а их было много — мелькали между живыми, как незримые призраки. В углу за одной из гигантских колонн — естественно, совсем одну — он увидел бледный предмет обожания Джереми. Выражение ее лица крайне заинтересовало ворона и заставило принять решение.

— Удача приходит к тому, кто умеет ждать, — изрек он, расправляя крылья. — Но кто колеблется — погибнет, и это тоже правда.

И огромная птица улетела делать свою работу.

Король умер, да здравствует король!

Арос Агвилана знал того, которого они величали королем, хорошо знал. Томаса О'Райана отличало прекрасное чувство юмора — большая редкость для человека настолько... настолько уникального статуса, и Арос раньше считал — очень наивно, как он теперь понимал, — что это вместилище живой энергии послужит для Серых тем якорем, который они так долго искали, якорем, который обеспечит им заслуженное ими будущее.

И тут этот проклятый смертный погибает, пытаюсь сделать из себя героя.

— Увы, бедный Томас, — произнес Арос, стряхивая в пепельницу пепел с сигареты. На самом деле сигареты не было, был фантом ее, ибо — к великому сожалению Ароса, тосковавшего по вкусу настоящего табака, — только тень могли осязать Серые. В сущности, и сам он был столь же бесплотным, как дымок, спиралью поднимавшийся над угасающим пеплом. — Увы, бедный Томас. Я знал его, Горацио.

Сидевший за столом напротив него (в помещении, где собирались Серые) растерянно заморгал — красные глаза исчезали и вновь загорались во мраке наподобие огней семафора на железнодорожном переезде. Арос отметил про себя, что его собеседник был почти не виден,

поскольку ему не посчастливилось привлечь к себе внимания О'Райана и тем приобрести некоторую весомость в своем существовании.

Вокруг них танцевали призраки.

Эти двое, сидевшие за столом, представляли собой полную противоположность друг другу, хотя и были похожи. Те несчастные — или *счастливые*, как считал Арос, — которым доводилось встретиться с этим высоким, поджарым Серым, спешили ретироваться при первой же возможности, унося с собой образ холеного представителя старой европейской аристократии. Когда им позволялось, они могли убедиться в том, что зрение не обманывает их, что его белая, как слоновая кость, кожа, черные как смоль волосы, безукоризненно уложенные назад, кровавый очерк рта нё есть лишь плод их воображения. У Ароса Агвиланы было узкое, почти лисье лицо и черные газа, порождение самой ночи, из которой вышел он и ему подобные. Он вобрал в себя черты вампиров из фильмов и комиксов, хотя был чем-то куда большим и куда меньшим, чем они.

Его собеседник не обладал столь представительной внешностью, в нем присутствовало что-то приматоподобное. Он принадлежал к числу тех счастливцев, которые пользовались некоторым влиянием — именно поэтому он и удостоился чести ужинать в компании Ароса в окружении призрачных мужчин и женщин — и каких-то непонятных теней, — танцевавших друг с другом

под неслышную музыку, понятную только им, Серым. Таких, как он, имевших хоть какое-то влияние, было очень немного, особенно теперь, после смерти короля.

«Это было самое прекрасное время, это было самое ужасное время», — подумал Агвилана. Только теперь у него появилась возможность сделать что-то самому, изменить то, что было, на то, что должно было быть.

Собеседник Агвиланы неловко поерзал:

— Разве меня зовут Горацио?..

Презрительная гримаса исказила лицо Агвиланы. В иное время он нашел бы вопрос забавным, но теперь он не испытывал ничего, кроме глубокой печали. После смерти короля — вольно было О'Райану дурачить Небеса! — даже этот начинал терять себя.

— Нет, мой друг, у тебя нет имени. Никто из королей ни разу не приметил тебя.

«Все они таковы, эти люди», — подумал он. Никогда они не способны были понять своего места среди Серых, и потому он, Арос Агвилана, надежда Серых, и искал следующего. Новый король, новый *якорь*, будет служить их роду так, как ему положено.

На мгновение темная тень набежала на стол, оставив после себя два хрустальных бокала с темной жидкостью. Как сами бокалы, так и их содержимое были лишь воспоминаниями о вине. В них, в этих бокалах хранилась легкая дымка славного прошлого, позволяющая Серым по-

лучать от него тень удовлетворения. Никто из Серых не был взаправду *реален*, даже сам Арос Агвилана.

И это раздражало его больше всего.

— К этому времени чары Каллистры должны были подействовать, — сообщил он своему туманному собеседнику. — Он пойдет за ней, он склонится перед ней. Избранный наследник О'Райана будет таким, каким я... мы желаем видеть его.

Второму явно требовалось время, чтобы усвоить все сказанное. Наконец он со вздохом спросил:

— Но почему именно он? Почему О'Райан выбрал королем его? Он — *особенный*? Или это... *знак*?

— Едва ли. Шутнику просто понравилось его имя. Как-то услышал его, когда прислушивался к миру света. — Арос снова поморщился. — Король О'Райан сказал: «Вот, воронье пугало, человек, который будет твоим чертовым якорем! Имя ему Тодтманн, понятно? По-немецки значит «мертвец» или что-то вроде того». Мне трудно судить, что было у него на уме.

— Мне нравилось его чувство юмора, — заметил приматообразный, глаза на фантом бокала перед собой и тщаь вспомнить, что с ним нужно делать.

— Еще бы. — Бледный призрак воссоздал очередную сигарету. Будь он человеком, уже наверняка давно был бы покойником, потому что дымил, как труба. К счастью, и он сам, и сига-

рета являлись всего лишь отражением реальности. В клубе не чувствовалось даже запаха табачного дыма — пахло только затхлостью давно заброшенного жилища.

Тем не менее танцоры продолжали танцевать, музыканты играли, а Серые старались избегать мыслей о том, что уготовано им в будущем.

Время от времени Арос хотел заболеть раком легких, хотя бы для того, чтобы испытать хоть что-то из жизни. Но познать этого ему было не суждено, как бы старательно он ни играл живого.

— Он будет таким же, как О'Райан?

— Нет. — Арос выпустил еще одно облако фантомного дыма и посмотрел на фигуры танцующих, которые все вращались без всякой надежды, поскольку им не дано было постичь даже немудреную радость танца. Им оставалось только притворяться и надеяться хоть что-то из этого извлечь. Большинство из них являли собой не более чем силуэты, выпуклые тени людей и им подобных существ, которых в действительности не было. Это был его народ — такой, какой есть. — К тому времени, как его место будет готово, Джеремиа Тодтманн познает страх. Я сам позабочусь об этом. Этот смертный, он даст нам сущность, которой мы никогда не имели.

— И тогда мы станем реальными?

Арос пытался почувствовать радость предстоящего триумфа, однако не мог оставить без ответа вопрос собеседника:

— Настолько, насколько может быть реальным человеческое воображение.

— Значит, нет, — с нескрываемым сожалением изрек тот.

Есть момент, когда хватит — значит, хватит, и этот момент наступил. Больше здесь сидеть Арос не мог. Он поднялся и взял свою трость, бледную тень реального предмета, с рукояткой в виде волчьей головы. Надо было еще много сделать, и нельзя было доверить все Каллистре, хотя подозревать ее, конечно, было не в чем. Арос учитывал все обстоятельства, и — как говорил он иногда с гордостью тем, кто его слушал — имел планы на случай любого поворота событий. Он был дошным, этот Арос Агвилана, потому что больше ему не на что было тратить свое время. План дал ему цель существования.

Темные фигуры расступились, уступая ему дорогу. Многие и многие из Серых хотели бы быть на его месте, хотя бы потому, что он знал, кто он такой, у него было некое подобие личности. Обращаясь к приматообразному существу, которое теперь сосредоточенно чесало затылок, чтобы лучше думать, Арос сказал:

— Я должен идти. Но тебе не стоит бояться. Оставь это для смертного.

Он уже готов был покинуть тускло освещенное помещение клуба, с легкой руки О'Райана именовавшегося «Бесплодная земля», однако заметил, что его собеседник отчаянно старается облечь в слова некую мысль. Арос, как бы ни стремился он поскорее воплотить в жизнь свой

идеальный план, не мог не уважать умственно-го процесса, который происходил в голове его соратника по Сумраку.

В глазах друга мелькнуло радостное возбуждение — мысль, которую он хотел донести до Ароса, наконец оформилась. Он посмотрел на Агвилану, который терпеливо ждал, и наконец промолвил:

— Я видел ворона на луне.

И вдруг идеальный план Агвиланы оказался таким же бесплотным, как он сам.

Как только Джеремиа оказался в здании Юнион-стейшн, ему показалось, что народу на вокзале больше, чем обычно. Людской поток подхватил его с неожиданной силой, казалось, стихия задалась целью отправить Джеремию туда, куда ему не надо. Сперва он не встревожился, когда миновал свой выход, но мимо мелькали лифты и лестницы, он огибал какие-то углы, наконец очутился в центральном зале, неуклонно увлекаемый все дальше от своей работы.

А еще хуже было то, что ее нигде не было. Это беспокоило его больше, чем должно было бы, но справиться с забурлившими чувствами Джеремиа не мог. Он ощутил совершенно нелогичный страх. Чикагский вокзал Юнион-стейшн — это такое место, где два человека, на секунду потеряв друг друга из виду, могут больше не встретиться... по крайней мере в часы пик. Тревога Тодтманна насчет работы отступила на задний план. Сейчас были вещи поважнее — для него.

Притом что в здании вокзала всегда было довольно многолюдно, он никогда не казался заполненным до отказа. Возможно, такое впечатление складывалось благодаря высоченным потолкам — архитектурному реликту начала XX века, когда архитекторы строили, не задумываясь над тем, как оптимально выкроить пространство для офисов. Здесь ввысь вздымались огромные колонны — штрих романтизма, на который и намек не было в наружном облике этого почти сарая. Мраморные стены, резной орнамент, длинные ряды кресел в зале ожидания свидетельствовали о том, что люди, бывает, ездят не только на работу. Здесь всегда были ожидающие, даже глубокой ночью. Некоторым из этих людей даже было куда ехать. Иногда, украдкой наблюдая за ними, Джеремиа вдруг представлял себе, как прыгает в поезд и едет на север, в канадскую глушь, или на северо-запад, на Аляску. Это были мечты усталого, тоскующего человека... однако в тот день Джеремию Тодтманна едва ли можно было назвать таковым.

«Замотанный» — более точное слово. Он вдруг обнаружил, что толпа как будто не желает расступаться перед ним, даже его замутненное сознание зарегистрировало эту странность — прежде такого не случалось. Людская река? Нет, настоящее море...

— Простите, простите... — бормотал он, продираясь как сквозь плотный строй и озираясь по сторонам в надежде найти местечко, где

можно было бы перевести дух. Черноволосого видения он так больше и не увидел, и желание это начало тускнеть, хотя и не до конца. Здравый смысл, всегда имевший над ним огромную власть, подсказывал, что, если он будет искать ее, то никогда не увидит вновь. На самом деле он вообще никогда не увидит ее вновь. Точка. Но где-то в душе Джеремии, пусть очень глубоко, жил мечтатель, который не желал так быстро сдаваться и который просил лишь об одном — найти какое-нибудь подходящее место, чтобы осмотреться... «А вдруг?» — уговаривал он себя.

«Здесь чересчур много людей», — мелькнула внезапная и странная мысль. Это не была жалоба на то, что ему никак не пробиться туда, куда он хочет, скорее наблюдение на уровне подсознания, что здание вокзала заполняли те, кого там *не должно* быть. Но всякий раз, когда Джеремия пытался вычленить из толпы эти лишние тела, его глаза отказывались фокусироваться на них. Фигуры возникали из общей массы и ныряли обратно, как скользкие угри, и ни тела их, ни лица не удавалось рассмотреть. Только тени. Некоторые были настолько расплывчаты, что Джеремия подумал, не могут ли они быть обманом зрения.

— Очки... — пробормотал он. — Нет и сорока лет, а мне уже нужны очки.

И тут он увидел прямо перед собой колонну — спасительный остров в безбрежном океане. Локтями расталкивая толчею, он устремился туда.

Достигнув заветной колонны, прижался спиной к холодному мертвому камню. Людской поток продолжал свой бесконечный путь, не замечая утраты одной своей частицы — ведь их было так много. То здесь, то там среди настоящих людей мелькали одни и те же смутные силуэты, и они никуда не шли... просто мельтешили.

«Просто еще не проснулся. Надо было выпить больше кофе».

Нельзя столько вечеров в неделю поздно ложиться, даже если эти вечера потрачены на чтение. Джереми на секунду зажмурился, надеясь избавиться от призраков, но те не пошли ему навстречу и по-прежнему продолжали сновать среди стад хмурых леммингов, изрыгаемых чревами поездов. Джереми поморщился: что ж, если они не хотят исчезать, он просто не будет их замечать. В конце концов, они всего лишь фантазмы, порождение переутомленного мозга — в этом не могло быть сомнений.

А она — тоже фантом? Если так, то его воображение творило чудеса, потому что он увидел ее как раз в тот момент, когда уже был готов снова вступить в разлившийся перед ним океан душ. Всего лишь ее спину, но ее невозможно было спутать ни с чьей другой. У обыкновенной женщины такой спины быть не могло. С утроенным рвением Джереми принялся прокладывать путь в вязком потоке, не обращая внимания на гневные взгляды и терпеливо снося тычки, которыми награждали его те, у кого он посмел

отнять несколько драгоценных секунд. Джереми лишь машинально бормотал извинения, ни на мгновение не прекращая отчаянных попыток сократить расстояние между ним и черно-волосой чародейкой.

К несчастью, напор людского потока был сильнее, чем можно было предположить. Тодтманн обнаружил, что его унесло *слишком* далеко, к самым дверям с горящими над ними буквами «выход». Подсознание безуспешно пыталось ему сообщить, что выход должен быть в другом месте. Джереми воспринял этот знак как обещание конца, понимая, что и она тоже стремится к выходу. Если бы только удалось первым оказаться на улице, то — как знать — может, ему и посчастливится встретить свою мечту. С ожившей надеждой в сердце он приблизился к дверям.

Хрипло посмеиваясь над незадачливым смертным, на козырек над несуществующим выходом опустил ворон — впрочем, смеха его никто не услышал.

— «Добро пожаловать ко мне в гости», — говорил паук мухе. — Ворон даже подпрыгнул от удовольствия. — «Входи смело и... бойся».

«Как здесь очутился какой-то туннель? — вопрошал внутренний голос. — Откуда здесь такой темный и глубокий туннель?»

«Вовсе он не темный!» — молча спорил с ним Джереми. Что натолкнуло его на столь нелепое

предположение, когда от лившегося отовсюду света можно было ослепнуть? И все же *было* в этом свете что-то темное, если такое вообще возможно.

Он ступил в туннель и не заметил, что вслед за ним нырнула под потолок туннеля большая черная птица.

Свет должен освещать предметы, а не прятать их, но идти при этом свете было как в тяжелом и густеющем тумане. Не было и следа выхода, никаких признаков чего-нибудь вообще.

Джеремя не слышал собственных шагов, не слышал собственного дыхания. Тишина была осязаемой. Лишь когда он заговаривал, обращаясь сам к себе, тишина прерывалась, но и тогда голос его звучал приглушенно, словно, подчиняясь какому-то физическому капризу, существовал отдельно — вдалеке от него. Однако делать было нечего, и Тодтманн с тем усердием, которое нередко позволяло ему разбираться с проблемами клиентов в рекордное время, шел вперед с решительностью праведника. Здравый смысл подсказывал ему, что у выхода должен быть выход. Если силам, правящим жизнью вокзала Юнионстейшн, угодно было подтолкнуть его к выходу, значит у туннеля — видит Бог! — должен быть конец. Все выходы куда-то ведут, предположительно — *наружу*. Этот так же естественно и правильно, как работа по будням с девяти до пяти.

Будто склоняясь перед его неколебимой волей, туннель и в самом деле кончился... и почти

в ту же минуту. От разбитого носа или подвернутой ноги Джеремию спасла выставленная вперед рука, которой он уперся в дверь. Сперва чертыхнувшись, потом возблагодарив свою счастливую звезду, он толкнул дверь и нетвердой походкой вышел на улицу.

— Что за дьяволыщина! — Только это краткое суждение и смог высказать Джереми о том месте, в котором очутился. Собственно говоря, теперь становилось более-менее понятным, почему туннель показался ему таким странным... заброшенным. Вряд ли хотя бы один человек по собственной воле пожелал бы оказаться на улице, к которой он вел. Взору Джереми открылось зрелище, которое, не боясь преувеличения, можно было бы назвать гнусным. Улица, которую он не мог узнать, была окутана густой тенью, несмотря на лившийся сверху неяркий свет, еще вполне достаточный, чтобы рассеять сумерки. Трогуары кишели жирными, откормленными паразитами, которые и не думали спасаться бегством, завидев огромного пришельца, вторгшегося в их владения. Зато Тодтманн долго колебался, прежде чем сделать шаг вперед. Еще улица пахла — в данном случае это был эвфемизм — гниением и сыростью.

Когда Джереми наконец решился выйти на улицу, под ногами у него захлюпала зловонная жижа. Он хотел осмотреться и выяснить, как ему попасть на Джексон-стрит или на Эдамс-стрит. Все, что ему требовалось, чтобы выйти

на нормальную дорогу, — это найти одну из больших улиц в районе вокзала, к числу которых относились и две упомянутые. Смутные грезы о черноволосой красавице вновь оказались вытесненными на задворки сознания более насущными соображениями о том, как вернуть жизнь в привычное покойное русло. И первым шагом к этому — очень осторожным, учитывая невероятное количество омерзительных тварей, копошившихся у него под ногами, — было сделать первый шаг на улицу.

Джеремия поднял голову, чтобы посмотреть на таблички на ближайшем перекрестке, но в тот же самый момент сумерки, словно они решили действовать ему назло, сгустились еще больше. Рассудком Тодтманн понимал, что тени так себя не ведут, и все же...

Тодтманн был левша, поэтому повернул налево. Это выбор был не хуже всякого другого. «Она должна быть где-то там», — твердил он про себя. Если не она, так по крайней мере какое-нибудь знакомое место.

Что это за улица? Почему он раньше ее не видел? Виданное ли дело, чтобы улицы вырастали из-под земли? Тем более что было непохоже, что эта только недавно проросла — скорее, она уже разлагалась.

Пройдя несколько шагов, он увидел знакомый черный силуэт, столь резко очерченный в отличие от всего остального, что здесь было, освещенный на фоне почти не приметного улич-

ного указателя. Расправив крылья, он презрев опускавшийся на улицу мрак, обратил горящее око к Джереми, и невыносимо хорошо был виден этот пламенный круг.

— Нет! Нет-нет-нет! Только не ты опять...

Ворон степенно кивнул. То, что ворон кивнул, было так же верно, как и то, что, когда Джереми еще сидел в поезде, этот мрачный персонаж фильмов ужасов смотрел именно на него.

Тодтманн, ошалело вытаращив глаза, попятился, проклиная себя за то, что не прислушался к голосу разума, не далее как утром вызывавшего: «Оставайся в постели, не ходи сегодня на работу».

Тени вокруг становились все глубже. Джереми машинально отметил, что никогда прежде он не видел глубокую тень, тем не менее это определение подходило к ним как нельзя лучше. Тени были не просто темными; Джеремию преследовало странное ощущение, что чем чернее они становятся, тем более затягивают человека в глубь себя... быть может, даже сквозь стены, твердые прочные стены?

Ворон снова расправил крылья и крепко ими хлопнул, как будто готовился напасть. Тут Джереми, весь бледный от страха, оступился и одной ногой провалился в какую-то мерзкую грязь, до тех пор скрытую мраком.

Не сводя глаз с эбенового призрака, Тодтманн попытался вытащить ногу из грязи, но тут же выяснилось, что это не так просто. Он робко

опустил взгляд и увидел, что тень *ползет* вверх по его ноге, словно молчаливый, но настойчивый любовник.

Джереми удалось сдержать крик, но не подавить ужас. В смятении он ухватился за ногу руками и что было сил рванул на себя. Липкая тьма расступилась, недовольно чавкнув.

Молодого клерка пробрала дрожь, светлые волосы прилипли ко лбу; он вдруг отчетливо понял, что окружен этими тенями.

«Я ведь только направлялся на работу!»

Страх подсказывал единственное возможное решение.

Джереми развернулся и кинулся прочь от того места, где нес свою вахту глумливый любимчик Эдгара По. Джереми Тодтманн бежал что было мочи, далеко вперед выбрасывая ноги и отчаянно размахивая руками: со стороны он походил на взбесившееся пугало. Впрочем, его бессмысленные и нелепые движения неожиданно оказались весьма эффективны — не то чтобы они отпугивали тени, но не давали им прицепиться надолго. Они только успевали зацепиться за ноги и тут же с досадливым чавканьем отлетали. Уже был виден конец глухой улицы, но чем ближе было заветное освобождение, тем более удлинялись и уплотнялись тени.

За спиной у Джереми, раскатисто захохотав, ворон снялся с места. Ни одна птица в природе, как бы талантливо ни пародировала она человека, не способна была так смеяться. Это

был смех ребенка, но ребенка, не имеющего души.

— Беги, беги, от меня не убежишь! — услышал Джеремиа низкий бесшабашный голос. Тодтманну не было нужды оборачиваться, чтобы сказать, кому он принадлежит: он знал, что увидит ворона, хоть знал он и другое — что вороны не умеют разговаривать, по крайней мере настолько осмысленно.

Джеремиа даже не заметил, как на смену теням на улице появились многочисленные фигуры пешеходов, которые без восторга встретили летевшего сломя голову человека, грозившего сбить с ног всякого, кто попадется ему на пути. Они протестовали, некоторые даже весьма энергично и непечатно, но Джеремиа не обращал на это внимания. Он все оборачивался посмотреть, осмелилось ли это'исчадие зла пересечь вслед за ним невидимую границу.

Ворон исчез. Не было больше видно и теней. Справедливости ради надо признать, что не было и той самой улицы, хотя как могла исчезнуть целая улица — это очень интересный вопрос.

Перед Джеремией возвышалось административное здание, стоявшее в непосредственной близости от Юнион-стейшн. Если не относить все приключившееся с ним на счет обмана зрения, выходило, что он прошел сквозь стены обоих зданий, даже не заметив этого.

На какое-то мгновение несчастный клерк забыл о страхе, хотя по-прежнему пребывал в

смятении. Только теперь до него дошел смысл замечаний, которые отпускали окружающие.

— Боже мой! — вскричал тучный мужчина, лоб которого покрывала испарина, несмотря на то, что было довольно холодно. — Что с вами такое, черт побери? — Не дожидаясь ответа, он проворно ретировался, должно быть, резонно полагая, что кто-нибудь и без него займется этим психом. Никому, казалось, не было дела до того, что он только что прошел сквозь сплошную стену, вставшую на месте темной улицы, население которой составляли один ворон-маньяк и мириады обитателей городской почвы. Тодтманн подумал, что же окружающие могли видеть.

К нему оборачивались лица, и хотя на некоторых было написано сочувствие, на всех остальных застыло то же выражение, которое было бы и у него в подобных обстоятельствах. Эти взгляды, казалось, говорили: «Бедняга, может, его стукнули по голове и ограбили, а может, просто сумасшедший, так что лучше держаться от него подальше, и все же хорошо бы, чтобы кто-нибудь что-то предпринял, пока он не наломал дров, и почему здесь нет ни одного полицейского, интересно знать, на что уходят деньги налогоплательщиков...»

Шум города напомнил ему о том, что он наконец попал в реальный мир, к которому стремился. Все вокруг было основательно и стабильно, как и должно быть. Гудели автомобили, с видимой неохотой тормозившие перед самонадеянны-

ми пешеходами, которые свято верили в какую-то чушь, вроде права преимущественного прохода для того, кто первым вступил на перекресток, но зато предпочитали не замечать красного сигнала светофора. Люди были такими, какими им и положено было быть, и никакие бестелесные призраки не скользили в толпе. Разве что на небоскребе Сирс-тауэр*, в котором он, собственно, и работал, видны были какие-то лишние тени, но они, без сомнения, являлись отражением бегущих по небу облаков. Джеремиа был убежден в этом, хотя таким тонким облакам ни за что не создать столь глубоких теней.

Джеремиа поправил галстук и заправил выбившуюся рубашку в брюки, которые — странное дело! — выглядели так, словно их только что отутюжили. К его вящему изумлению, на ботинках его не осталось никакой грязи. Джеремиа подумал, что глубокие тени по крайней мере легко очищаются.

В результате своего головокружительного странствия Джеремиа оказался на стороне вокзала, противоположной от Сирс-тауэр, где располагалась его контора. Он еще не опаздывал, однако его начинали терзать сомнения — целесообразно ли появляться в офисе «Вечного залога» в таком состоянии?

Джеремиа живо представил, как будет забавляться, увидев его, Моргенстрём, его шеф, как

* небоскреб в Чикаго, самое высокое здание в мире: 110 этажей, высота 443 м. — *Примеч. пер.*

он склонит по-птичьи куполообразную голову и высоким, надтреснутым фальцетом осведомится: «Что, Джеремия, слишком много работаете? — Тодтманн предпочитал, чтобы его называли просто Джерри, но в конторе поощрялся формальный стиль, и к нему обращались исключительно по полному имени. При этом Джеремия неизменно чувствовал себя виноватым, словно все ждали от него, что он станет доктором философии или богословия, а он закончил всего лишь школу бизнеса. — Компания осуществляет отличную программу — «Реабилитация алкоголиков». Может, вам стоит записаться? Ведь вы *были* когда-то незаменимым сотрудником. Возможно, с их помощью, вам снова удастся стать им».

Джеремия тяжело вздохнул, и этим вздохом он словно подводил итог своего горестного существования. Манкировать работой не представлялось возможным. Но ведь он мог по крайней мере позвонить, сказать, что опоздал на поезд. Это позволило бы ему спокойно посидеть где-нибудь, выпить кофе, чтобы снять напряжение.

Он не помнил, как прошел по мосту, миновал улицу... он был слишком поглощен своими мыслями, и ноги — как это, впрочем, бывало всегда по утрам — сами несли его по направлению к офису. Пытаясь разобраться в событиях этого утра, он не замечал ни струящейся под мостом зловонной жидкости, ни выставшей на глазах окутанной тенью громадины Сирс-та-

уор. Лишь каким-то периферийным зрением регистрировал он свой маршрут.

Погруженный в себя, Тодтманн свернул за угол и пересек какую-то улицу. Этому незначительному событию он абсолютно не уделил внимания, как и двум следующим улицам, которые тоже пришлось перейти.

Только в третий раз повернув за угол, Джереми заметил неладное. Пройдя половину улицы, он вдруг подумал, что на пути ему попадалось никак не меньше десятка кафе.

Он поднял голову и в недоумении опешил: куда его, к черту, занесло?

Многочисленные магазинчики и лавки на любой вкус, однако в этот ранний час большинство из них были закрыты. Зияли темные витрины. Джереми растерянно озирался по сторонам: он не мог бы назвать даже названия улицы, на которую вышел. Не снимая с руки перчатки, он в досаде потер лицо ладонью и в этот момент краем глаза заметил знакомый силуэт. Действительно повезло, что в этот момент рука закрывала рот, поскольку только она сдержала вопль, который иначе сорвался бы с его уст.

Она снова, со свойственной ей внезапностью, появилась в его жизни. Она стояла в каких-нибудь десяти метрах от него. Только теперь Джереми понял, что на ней вовсе не темный костюм, как ему показалось вначале, а самая настоящая *мантилья*, кончавшаяся чуть ниже грациозной талии, дальше шла длинная черня

юбка из тонкого материала, раздувавшаяся на ветру, который, по всей видимости, вокруг нее был куда сильнее легкого ветерка, овевавшего Тодтманна. Она, казалось, парила по воздуху, чему в тот момент Джеремия ничуть не удивился бы. Несмотря на то что юбка доходила до самых щиколоток, то и дело взору его открывалась совершенной формы нога.

Она повернулась к нему боком, явив восхищенному Джереми идеальный точеный профиль. Длинные ее пальцы сомкнулись на дверной ручке. К изумлению Тодтманна, дверь оказалась открыта. Она легко скользнула внутрь, оставив его размышлять над тем, какое заведение могло быть открыто в этот час.

Теперь, снова обрета ее, Джереми не мог думать ни о чем другом, как только не потерять ее в очередной раз. Здравый смысл возмущался и протестовал, но Джереми уже не желал с ним считаться. Работа может и подождать. Он *должен* идти за ней.

Джереми бросился за ней, не обращая внимания на редких прохожих, которые в свою очередь старательно делали вид, что не замечают странного молодого человека с безумным взглядом. Мгновение, которое потребовалось, чтобы достичь заветной двери, показалось Джереми вечностью. Он взялся за дверную ручку и потянул на себя.

Дверь оказалась заперта.

Точнее сказать... все здание было заперто.

Джеремя в замешательстве отпрянул и растерянно уставился на дверь. Под самым косяком было приколочено объявление, которое гласило:

РЕКОНСТРУКЦИЯ! СТРОИМ ДЛЯ ВАС НОВЫЙ ЧИКАГО!

Он заглянул в окно. Взору его предстали голые, ободранные стены. Тодтманн не мог взять в толк, куда *она* могла подеваться. Он снова потянул за ручку и, лишний раз удостоверившись, что дверь закрыта, оставил бесплодные попытки. Отступив на несколько шагов, он смел здание пристальным взглядом, словно рассчитывал, что оно само объяснит ему смысл происходящего.

Боковым зрением он заметил какое-то движение, которое отпечаталось в его сознании в виде копны разметавшихся по ветру длинных черных волос. Джеремя в предвкушении чуда обернулся.

Он успел заметить, как закрылась дверь в соседнем доме.

— Черт! — Это вырвавшееся у него короткое восклицание как нельзя лучше отражало его эмоциональное состояние. В страхе, что в очередной раз опоздал, он бросился за ней.

За дверью оказалось небольшое кафе с плотными шторами на окнах, открытое, по-видимому, в слабой надежде на пассажиров утренних поездов. Однако толпа на улице стремительно редела.

Как только Джеремия открыл дверь, в нос ему ударил аромат свежего кофе, заставив на секунду почти забыть о своей цели. Что ж, можно начать с этого — выпить кофе между двумя такими же полусонными пригородными пассажирами, двумя рабами большого города. Джеремия тяжело вздохнул, вошел и посмотрел по сторонам. Да, с этого можно начать.

Заведение было крошечное: стойка да несколько кабинок. Оно видало и лучшие времена, но и сейчас было еще вполне ничего. За столиками сидели несколько завсегдатаев. Жизнь текла с подкупающей размеренностью и неторопливостью. Джеремия невольно улыбнулся.

Но в следующее мгновение улыбка слетела с его губ, когда он заметил, кого здесь *не было*.

Ее не было...

III

В душе Джеремии просыпалось что-то давно забытое, что дремало с самого детства. Это что-то впервые робко дало о себе знать, когда появился ворон, и усилило попытки быть услышанным, когда клерк Тодтманн, забыв о повседневной рутине, бросился в погоню за блуждающим огоньком. Это был редкий дар видеть мир не таким, каким он видится глазами большинства, особая впечатлительность и не-

посредственность восприятия, которые уже никогда не дадут ему вернуться в то бесчувствие, в котором он жил до сих пор.

Произошедшая в нем перемена осталась не замеченной им самим, заслоненная более насущными соображениями. Поскольку его поиски в очередной раз уперлись в досадный тупик, Джеремия принялся сосредоточенно изучать кафе и его посетителей. Вид человека, пьющего кофе, пробудил в нем страстное, неизведанное ранее желание отведать этого черного нектара. К тому же в кафе был телефон-автомат, и ему пришло в голову, что он может позвонить в офис и сказать, что задерживается, только надо придумать благовидный предлог.

Джеремиа закрыл за собой дверь. Склонившиеся над своими чашками посетители не обратили на него ни малейшего внимания. Только человек за стойкой смерил нового клиента оценивающим взглядом. Джеремиа застенчиво кашлянул. По какой-то совершенно непонятной причине ему вдруг стало важно соответствовать стандартам этого человека.

— Добро пожаловать, мой друг, — с зубастой улыбкой обратился к нему тот. Джеремиа подметил в его лице что-то волчье, хоть черты этого лица, как и всей его фигуры, в значительной мере были скрыты от глаз избыточным весом. *Волк с набитым брюхом.* — Вы желаете кофе? — спросил он, старательно выговаривая слова.

Говорил он без акцента, и все же скорее всего владелец — Джеремиа решил, что это владелец, — не был уроженцем этой страны, разве что вырос в одном из национальных кварталов, которые все еще сохранились в городе.

— Да, кофе. — Джеремиа поймал себя на том, что неприлично долго таращится на бармена, и, смущенно потупившись, полез в карман за мелочью. — Сколько с меня?

— Десять центов вполне хватит.

— Десять центов? — удивленно переспросил Джеремиа. Хотя он и пребывал в расстроенных чувствах, но не мог не отметить, что брать за чашку всего десять центов мог позволить себе только безумец. Странно, что в кафе еще не сбежался весь город, чтобы успеть выпить кофе по такой смехотворной цене, пока заведение не прогорело.

Но никто сюда не сбежался.

На губах бармена застыла плотоядная улыбка. Он был стар, но насколько стар, Джеремиа угадать не мог. В этой фигуре была сила, а улыбка выражала все, что угодно, кроме слабости.

— Специальная цена для новых клиентов.

— А-а... — растерянно протянул Джеремиа, бросая на стойку монету.

Бармен занялся кофе, а он направился к телефону. Сняв трубку, он опустил в щель двадцатипятицентовик и уже начал нажимать кнопки набора номера, как вдруг до него дошло, что в трубке нет гудка. На всякий случай он нажал

еще одну кнопку. Ничего. В досаде он повесил трубку. Уже привыкший к невезению, Джереми не удивился тому, что аппарат не вернул ему двадцатипятицентовик. Он снова снял трубку — молчание. Телефон не работал.

— Телефон сломан, не работает. — Под носом у Джереми появилась чашка с дымящимся кофе.

Бармен для своих внушительных размеров передвигался удивительно бесшумно.

— Он проглотил мой двадцатипятицентовик.

Джереми, которым вновь начинал овладевать страх, лихорадочно схватил чашку и одним глотком осушил ее наполовину.

— Я вам возмещу.

Джереми поставил чашку на стойку и безнадежно махнул рукой.

— Не стоит. А другой телефон у вас не работает?

— Нет.

— Может, ваш личный?

— Этот единственный. — С этими словами этот дюжий увалень повернулся и направился на свое место за стойкой. Передвигался он бесшумно, точно привидение.

— Где же можно позвонить?

Владелец волчьей улыбки пожал плечами:

— Не могу сказать.

— А что вы посоветуете?.. — Джереми повернулся, чтобы обратиться к одному из посетителей, который сидел ближе всех к нему, но... никого

не увидел. На столике не было даже чашки. Тодтманн посмотрел вокруг. Кроме него и владельца заведения, в помещении никого не было.

— Куда они подевались?

— Кто?

Джеремиа указал рукой на пустые столики.

— Люди, которые сидели здесь, когда я вошел.

Старик подозрительно прищурил желтоватые глазки, посмотрел по сторонам.

— Здесь никого нет, — наконец заключил он. — Они вышли, когда вы пытались позвонить.

— Но мимо меня никто не проходил.

— Этого не может быть. — Настал его черед указать Тодтманну на пустовавшее кафе. — Вы же видите, друг мой, здесь решительно никого нет.

Снова начинается. Джеремиа сокрушенно покачал головой и попятился к двери.

— Ладно. Я найду телефон где-нибудь на улице.

— Как вам будет угодно.

Нетвердо держась на ногах, Джеремиа вышел за дверь и подался обратно к перекрестку. Улица была совершенно пустынна — вещь совершенно невероятная для такого города, как Чикаго. Джеремиа закрыл глаза рукой: ему мучительно хотелось чего-нибудь выпить, он надеялся, что это поможет ему прояснить мысли.

Выпить? Он же в спешке оставил недопитую чашку! Какая бы чертовщина ни творилась в этом заведении, а кофе хочется. Просто войти и выйти, и тогда не надо будет иметь дело с этим

странным владельцем. Если же дородный бармен уже вылил остатки его кофе, он можно заказать еще и надеяться, что обойдется без инцидентов.

Проходя мимо заброшенного здания, куда он рванулся за своим прекрасным миражом — Джереми уже верил, что она существует лишь в его мозгу, который выдает желаемое за действительное, — он вдруг почувствовал, что его неудержимо туда влечет. Тодтманн на секунду остановился, подумав, что за странные игры играет с ним собственный рассудок. Все случившееся с ним было плодом его же воспаленного воображения, другого объяснения быть не могло. Что все это значило, оставалось только гадать. Некоторые из этих догадок были ему неприятны — они относились к его почти отшельническому образу жизни. Не сошел ли он с ума от одиночества? Лишь в раннем детстве, когда школа еще не вытравила в нем непосредственности восприятия, Джереми доводилось бывать в подобном зазеркалье. Теперь этот странный мир грозил обратить в хаос его спокойное, предсказуемое существование.

— От одиночества недолго и спянуть, — пробормотал он, возвращаясь к кафе. И все же заброшенное здание приковывало к себе его взгляд, даже когда он уже нащупывал дверную ручку. Измученный клерк втайне лелеял надежду, что она вот-вот появится снова, за это он готов был пожертвовать своим душевным покоем.

Когда дверь после второй попытки открыть ее не подалась, Джеремиа наконец обратил на нее внимание. Ему показалось, что дверь словно бы постарела с тех пор, как он видел ее впервые. «Очевидно, заело замок», — решил он и схватился за ручку двумя руками, но тщетно. Джеремиа в раздражении уставился на проклятую дверь. Почему старик не торопится ему на помощь? Неудивительно, что его кафе не пользовалось популярностью — люди просто не могут туда попасть.

Джеремиа вдруг замер и ошалело открыл рот. Он оставил попытки открыть дверь, хотя машинально продолжал сжимать ручку ладонями — от невероятных усилий костяшки пальцев у него побелели. Из груди у него вырвался какой-то утробный звук, почти стон.

Кафе *не было*. Дом был пуст. Судя по всему, в нем, как и в первом, шел капитальный ремонт. В углу валялись какие-то доски пополам со строительным мусором, телефон, правда, по-прежнему висел на том же месте, однако он был весь разбит и покрыт толстым слоем пыли, а трубка вообще отсутствовала.

«Я же заходил в это кафе. Заказывал кофе. Хотел позвонить, но телефон не работал. Оно точно было здесь...»

Потрясенный, он разглядывал грязные полы, потом внезапно отнял ладонь от дверной ручки, словно его ударило током.

Теперь Джеремиа знал наверное, что *был* в этом доме. На полу остались следы — свежие и пример-

но его размера, и вели они к тому месту, где, как он помнил, находилась стойка. Оттуда они шли к испорченному телефону-автомату. Он был внутри. Джеремиа был твердо уверен в этом. Но *где* это он был?

Нервная дрожь пробежала по его телу. Что-то случилось с окружающим миром — теперь он начинал отчетливо сознавать это. Джеремиа не исключал, что мог тронуться рассудком, но это лишь отчасти могло объяснить происходящее. Слишком много всего. В конце концов, не один же он на свете! Кто-то еще должен был заметить... должен был видеть.

Но никто не видел.

Он отпрянул от двери и, нетвердо держась на ногах, побрел прочь, полный решимости наконец-то дойти до работы. Не то чтобы в нем вдруг проснулось чувство ответственности — нет, просто ему хотелось оказаться среди людей, которые знали его и которые по крайней мере могли бы выслушать.

Не станут же они, в самом деле, вязать его полотенцами и звонить в полицию.

Джеремиа уже дошел до реки, когда в глаза ему бросилась разительная перемена, происшедшая с прохожими. Возможно, это был всего лишь обман зрения, однако в толпе попадались люди, которые как бы... выпадали из фокуса. Примерно так же, как это было с посетителями кафе — если таковое вообще существовало. Серые фигуры в серых костюмах, которые были

и которых не было — в зависимости от того, когда он поднимал взгляд. В его измученной памяти возникли смутные воспоминания о Юнион-стейшн. Джеремиа зябко поежился. Что это: очередная фикция? Еще один признак сумасшествия? Или нечто большее?

«Я отказываюсь от всех своих бредовых желаний, — мысленно взмолился он. — Я хочу, чтобы жизнь моя снова стала простой и спокойной».

Если там, наверху, и слышали его мольбу, то никак не отреагировали. Впрочем, если бы они сейчас ответили, Тодтманн несколько не удивился бы.

Проходя по мосту через реку, Джеремиа внезапно почувствовал нестерпимый иррациональный ужас. Он бросил взгляд вниз, туда, где под мостом струилась мутная жидкость. Внимание его привлек похожий на автомобильную покрывку черный предмет, который на мгновение показался над поверхностью и снова исчез в мутной глубине. Объятый страхом, Джеремиа перегнулся через ограждение и пристально взгляделся в темную воду.

«Всего лишь рыба, — успокаивал он себя, — или просто какой-нибудь мусор. Однако...»

— Ничего, — сказал он про себя. — Ничего. Но чувство страха не покидало его.

Опять же тени... их невозможно было игнорировать. По мере того как Джеремиа приближался к Сирс-тауэр, тени, как это уже было на той грязной улице, где он последний раз видел

ворона, сгущались, становились все более осязаемыми. Поблизости неизменно оказывались какие-то мрачные фигуры, которые, впрочем, ни разу не прошли сквозь тени, но все время словно пытались обогнуть их. Джеремиа искоса наблюдал за темными пятнами, которые отбрасывали высотные здания, потому что теперь он знал, что даже неподвижным теням нельзя доверять. Некоторые из них были голодны и охотились далеко не за крысами.

С каждым биением сердца в нем нарастал страх. Он никогда не видел, чтобы тени так льнули к зданиям. В нависавшей над ним громадине Сирс-тауэр теперь было что-то зловещее. Здание из стекла и стали походило на сказочный замок, с вершины которого злой демон зорко следил за своими подданными, оно было непривычно мрачным — даже в тех местах, где не было тени, казалось, таилась угроза.

Джеремиа остановился как вкопанный. Ему оставалось пройти всего квартал. Всего квартал отделял его от людей, которых он знал и которые, он надеялся, выслушают его. Но глядя сейчас на гигантскую башню, ему хотелось одного — свернуться калачиком и молить Бога о том, чтобы этот день наконец кончился. Тени скользили по поверхности здания, словно живые, наделенные разумом существа. Правда, по небу плыли облака, но ни одно из них по форме не походило на эти темные пятна, танцующие на фасаде небоскреба.

— Джеремя!

Вот оно! Тени пришли за ним. Смерть костлявой ладонью вцепилась в его плечо...

Но это была не Смерть. Человек, которому Тодтманн чуть не дал в челюсть, был его сослуживец, хороший знакомый.

Слегка лысеющий негр легко уклонился от оstanовленного удара. Примерно одного с Джеремией возраста, он был одет чуть лучше и по виду был доволен жизнью чуть больше. Костюм его был дороже и тщательно выглажен, и под ним угадывалась сильная мускулистая фигура — результат постоянных тренировок. В притворном страхе попятившись, он замахал руками и засмеялся:

— Джеремя, дружище, обещаю, что больше не буду подкрадываться к тебе сзади! Хотя бы и ради удовольствия видеть такую мину на твоей физиономии.

Опешивший Джеремя уставился на сослуживца полубезумным взглядом, мучительно пытаясь вспомнить, как того зовут.

— Гектор? — наконец произнес он.

Его приятель и коллега посмотрел на него не то с недоверием, не то с любопытством:

— Старина, что с тобой стряслось? Ты сам на себя не похож.

— Я... — проронил Джеремя и осекся, испугавшись, как бы Гектор действительно не счел его за сумасшедшего. Лучше, решил он, выждать. Пусть все немного утрясется. Они с Гектором работали вместе уже года два и даже дружили, на-

сколько это было возможно, учитывая нелюди-
мый характер Джереми, то есть время от време-
ни вместе обедали, иногда после службы посещали
бар, чтобы пропустить стаканчик-другой, и уж
совсем редко ходили на бейсбол на стадион «Риг-
ли-филд». Случалось, чернокожий приглашал его
и по другим поводам, но это, как правило, пред-
полагало шумную компанию, которая разбива-
лась на пары, а пары-то Джереми как раз и не
хватало. Гектор никогда не винил Джеремию за
его нелюдимость. Он ценил мужскую дружбу и с
ним не надо было притворяться — он принимал
людей такими, какие они есть.

— Я, видишь ли, поскользнулся... еще на вок-
зале.

— На Моргенстрёма вы произведете неизг-
ладимое впечатление, мистер Аккуратность.

Неужели Гектор всегда был таким? Он не мог
припомнить своего приятеля в таком игривом
расположении духа. Что это, еще одна переме-
на, или он просто никогда не обращал на это
внимания?

Гектор посмотрел на часы:

— Джеремиа, однако мы с тобой опаздыва-
ем. Тебе лучше сразу взяться за работу, а потом
улучи момент и зайди в туалет — тебе надо при-
вести себя в порядок.

— Опаздываем? Но ведь только... — Джере-
мия взглянул на свои часы и увидел, что ка-
ким-то образом умудрился не заметить, что

прошел уже целый час. Он прикусил губу и больше не произнес ни слова. Ему-то казалось — нет, он был уверен в этом, — что прошло минут пятнадцать, но никак не час.

Его чернокожий приятель, деликатно взяв Джеремию под руку, повел его по направлению к Сирс-тауэр, однако Тодтманн чувствовал, что ноги отказываются служить ему. Тени по-прежнему окутывали гигантское здание, и Джеремии казалось, что с каждой секундой они растут. Такая легкая облачность, как была сейчас в Чикаго, *никак* не могла породить такие глубокие тени.

— Старина, тебе надо выпить кофе, немного встряхнуться, — говорил Гектор, увлекая Джеремию за собой; тот нехотя повиновался. — Идем же! Не стоит расстраивать Моргенстрёма. Черт, вот и не верь после этого в существование зомби...

Вскоре они очутились в недрах черной громадины. Джеремиа Тодтманн похолодел: он уже приготовился к встрече с тенями, фантазмами, чудовищными порождениями его кошмаров. Однако когда за ними закрылись двери и они оказались в холле, их встретил лишь привычный рабочий шум и деловая суэта. Первая робкая улыбка озарила измученное лицо Джеремии. Он расправил плечи и ускорил шаг. Он был в безопасности. Здесь, на службе, ему ничто не угрожает. Ему надо было помнить об этом с самого начала. Не сбей *она* его с пути истинного, он бы теперь уже разбирал третье или четвертое дело.

Следуя за Гектором по пятам, Джеремия пересек огромный холл, прошел длинным узким коридором и слился с толпой, которая увлекла его к лифтам. Офис кредитно-ипотечной конторы располагался в самой сердцевине башни, однако в тот момент в воображении Джеремии это было вершиной мира. Ему казалось, что только в недрах «Вечного залога» он обретет долгожданный покой.

Поглощенный собственными мыслями, Джеремия занял свободное место перед одним из лифтов и стал ждать.

Рядом с ним возникла фигура Гектора.

— Старина, ты сегодня явно не в своей тарелке. Долго же тебе придется ждать, если ты решил прокатиться именно на этом лифте.

Тодтманн насупил брови, не в состоянии постичь смысла сказанного Гектором, затем подозрительно уставился на двери лифта.

Взгляд его тут же упал на лаконичную вывеску:

ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ

— Старик, тебе надо было остаться дома. — Гектор кивнул в сторону соседнего лифта. — Иди сюда — этот доставит нас куда нужно.

— Извини, — выдавил из себя Джеремия.

«Что со мной происходит?»

— Идем же, Джеремия! — С такими словами чернокожий протянул руку и втащил своего незадачливого сослуживца в кабину.

Если в том состоянии, в котором находился Джереми, и было какое-то преимущество, так это то, что он решительно не замечал недовольных взглядов, которыми награждали его другие пассажиры лифта, и сами опаздывавшие на службу, а потому пребывавшие в дурном расположении духа. Он стоял, вперившись невидящим взглядом в стену.

Только когда лифт наконец тронулся, он почувствовал некоторое облегчение.

Когда Джереми и его спутник уже скрылись в утробе лифта, на козырьке над той самой дверью, через которую они чуть раньше вошли в Сирс-тауэр, появилась знакомая крылатая фигура. Голуби мгновенно разлетелись кто куда, не доверяя столь сомнительному соседству. Впрочем, ворон не обращал на них внимания.

— Выше, выше и прочь... — гортанно прокричал он, слова его остались не услышанными людьми у входа в здание. — В дом свой из дома прочь летишь ты... Но многое случится в доме этом, увя тебе и ах.

Ворон расправил крылья и взлетел. Описав круг, он начал медленно подниматься. При виде его облюбовавшие здание тени шарахались, помня свое место. Ворон возносился все выше и выше, его взор был устремлен к одной точке на полпути к вершине стальной громадины.

Все это время он не прекращал хохотать.

* * *

Королев Сурейх

С противоположной стороны улицы она внимательно наблюдала за своим противником. Это была не та роль, которую желала бы Каллистра, потому что ее сила никак не могла бы сравниться с силой птицы. Несвоевременное появление ворона путало все карты, а у Каллистры не было дара инициативы, необходимой, чтобы изменить планы. Ее неземная красота омрачилась печатью задумчивости.

— Арос, что же мне делать? — шепнула она. Однако Ароса рядом не было, и она понимала, что ей и только ей самой придется снова вывести этого смертного на правильный путь.

Это если им обоим удастся пережить встречу с вороном.

Джеремя так обрадовался своему возвращению к привычной жизни, что утвердил первые четыре дела, практически не читая их. Утверждение документов по закладной не входило в круг обязанностей брокера, однако в «Вечном залоге» название должности имело тот смысл, который вкладывал в него Моргенстрём. Он считал компанию своей вотчиной и полагал, что его брокерам, в том числе и Тодтманну, полезно заниматься и этим аспектом дела. Никто не пытался оспаривать такое положение вещей; в конце концов, все они получали у него жалованье.

Окунувшись в рабочую атмосферу и совершенно преобразившись — Гектор находил произошедшую в нем перемену по меньшей мере забавной,

— Джереми не вспомнил бы о своем неприглядном внешнем виде, если бы рядом не оказался сам Моргенстрём. Ни единый волосок на голове Моргенстрёма не пережил его тридцатилетия — высказывалось предположение, что именно тогда у него окончательно испортился характер. На памяти сотрудников «Вечного залога» не было дня, чтобы его поведение хоть сколько-нибудь отвечало здравому смыслу.

Этот день не стал исключением. Обретенный Джереми́й душевный покой был нарушен длинной тирадой относительно репутации и облика компании, тирадой, которую было слышно во всех сорока рабочих боксах. Когда поток красноречия иссяк, Джереми́и было велено пройти в туалет и не показываться на рабочем месте, пока он не приведет себя в порядок.

Тодтманн проводил взглядом свирспого босса, который, должно быть, отправился искать очередную жертву, чей внешний вид не отвечал установленным им стандартам. Из соседнего бокса на кресле выкатился Гектор и, с сожалением глядя на Тодтманна, изрек:

— Ну, старик, он еще с тобой довольно мягко обошелся. Видно, стареет.

— Никогда еще не видел его в такой ярости. — Джереми́я чувствовал себя учеником воскресной школы, которого прилюдно высекли.

— Значит, ты несколько лет проспал. — Гектор был явно удивлен заявлением Джереми́и. — Сегодня у него один из лучших дней.

— Ну... просто он такой вспыльчивый...

— Ты и впрямь спишь. Когда почиштишь перышки, выпей кофе, старина. Проснись, пока он тебя не укусил. — Гектор улыбнулся улыбкой голодной акулы и вернулся в свой бокс.

Тодтманн сдвинул брови и задумался. Разумеется, он знал, что у Моргенстрёма паршивый характер, но чтобы *настолько*... Неужели так было всегда? Он вперился взглядом в переборку, за которой сидел Гектор. Дело было не только в Моргенстрёме. Еще раньше он обратил внимание, что Гектор — человек, которого он знал лучше других своих сослуживцев — какой-то не такой. На самом деле все, с кем бы он ни столкнулся с тех пор, как появился тем утром в офисе, казались ему другими. В приемной секретарша рывкнула на него так, как не смог бы даже сам Моргенстрём. Бен Уиллард, скупавший для них ипотечные займы, был мужчина видный, однако в тот день он показался Джереми выше, чем обычно. Все это было не просто...

Гектор сказал, что ему надо проснуться. Джереми уже начал думать, что он наконец проснулся, однако мысль эта не доставила ему большой радости.

Он выскользнул из своего закутка и по лабиринту коридорчиков мышью прошмыгнул в туалет. По дороге он миновал служебный буфет и уже хотел было завернуть туда, чтобы выпить кофе, но, представив, что за этим занятием его застукает Моргенстрём, передумал. Это соображение заставило его прибавить шагу.

В туалете никого не было. Это обстоятельство одновременно и радовало, и огорчало. Будь там хоть одна живая душа, Джереми было бы куда легче, но, с другой стороны, он понимал, что своим видом может испугать кого угодно.

Есть вещи, видеть которые простому смертному противопоказано. Достаточно было Джереми посмотреть на свое отражение в зеркале, как ему сделалось не по себе. «Неудивительно, что Моргенстрём готов был меня сожрать». Костюм его выглядел так, будто его переехал поезд, а волосы смахивали на ядерный гриб. Глаза запали, и под ними висели мешки. Он мог бы поклясться, что утром брился, однако его мертвенно-бледное лицо было покрыто щетиной. Поправить это было невозможно, но он по крайней мере мог попытаться привести в порядок волосы. Достав из кармана расческу, Джереми начал сражаться с непослушными, как пакля, торчащими в разные стороны кудрями, которые бы выглядели вполне уместно на голове старшего операциониста Хосе Рамиреса, но никак не на его, Тодтманна, голове.

Дуэль завершилась через несколько минут — ничьей. Джереми убрал расческу и мрачно уставился в зеркало. Едва ли в тот момент он мог предпринять какие-то кардинальные меры в отношении одежды, разве что попытаться слегка пригладить ее. Еще раз оглядев свое лицо, Джереми решил умыться холодной водой. Он в точности не знал, какой из этого выйдет прок, но

хорошо помнил, что в фильмах и романах герои, после того как попадают в сложные, драматические ситуации, всегда умываются. Ему просто хотелось что-то предпринять. Повернув кран, он склонился над раковиной и сложил ладони лодочкой.

— Уф! — Вода действительно оказалась холодной — куда более холодной, чем можно было ожидать. Пока Джереми держал ее в ладонях, она была терпимой, но, едва попав на лицо, обожгла лютой стужей, словно ему надели ледяную маску. Зябко поежившись — и теперь вполне проснувшись, — Джереми попятился от раковины. Он отряхнул руки и открыл глаза.

В зеркале отражались какие-то фигуры. Они больше походили на тени, и все же явственно угадывались выражения их лиц: лица были искаженные, умоляющие, требовательные. Среди них были люди и нелюди.

Лишенные душ.

Тодтманн опешил и, раскрыв рот, уставился в зеркало. Затем он машинально зажмурился, а когда снова открыл глаза, то увидел в зеркале лишь самого себя. Лица исчезли.

— Боже мой... — пролепетал он.

Джереми в страхе — и вместе с тем исполненный какой-то отчаянной решимости — принялся озираться по сторонам. Как он и ожидал, в туалете — за исключением его самого — никого не было. Он заглянул во все углы, желая убедиться, что притаившиеся там тени — про-

сто тени и ничего больше. Однако здешние тени выглядели вполне заурядными. Тодтманн глубоко вздохнул, но облегчения не почувствовал. Не обращая внимания ни на струйку воды, которая продолжала бежать из крана, ни на свои мокрые руки, он внимательно присмотрелся к зеркалу.

На поверхности зеркала была заметна мелкая рябь — должно быть, производственный дефект, — и можно было предположить, что, если смотреть на него под определенным углом — тем более когда вода застилает глаза, — отражение покажется искаженным.

Джеремию подобное объяснение не то чтобы удовлетворило, но он вынужден был смириться с ним, поскольку любое иное отдавало откровенной чертовщиной и вовсе его не устраивало.

Внезапно чей-то резкий хохот, раздавшийся за дверью, пронзил все его — и без того надломленное — существо, но он быстро оправился от потрясения, решив, что смеялся кто-то из его сослуживцев.

— Возьми себя в руки. — Джеремия поймал себя на том, что в последнее время довольно часто разговаривает сам с собой. Хотя Джеремия и прожил большую часть жизни один, но так и не приобрел привычки, которая зачастую вырабатывается у людей в аналогичном положении, а именно: рассуждать вслух. Он всегда подозревал, что у таких людей мозги чуть небекрень; теперь он был в этом уверен.

«Кофе. Мне надо выпить кофе». — Слова эти вертелись у него в голове подобно магическому заклинанию, но ему было уже все равно.

Джеремя завернул кран и вытер руки. В который раз он задавался одним и тем же вопросом: что с ним происходит? Однако все его попытки найти ответ оказывались бесплодными. Его здравый смысл, весь его предшествующий, пусть ограниченный, опыт, отказывались объяснить его галлюцинации чем-то иным, нежели прогрессирующим безумием, но от подобного объяснения он наотрез отказывался.

Однако ему становилось все труднее убедить себя в том, что с ним все в порядке. Что это, если не сумасшествие?

«Может, я просто переутомился». — Здесь была доля истины, но этого было явно недостаточно, чтобы объяснить все, что с ним случилось. Избегая смотреть в зеркало, Джеремя направился к двери. В этом проклятом зеркале словно сосредоточился весь его страх. Что если эти лики снова там?..

«Кофе. Мне надо выпить кофе».

Даже еще находясь за дверью, он ощущал восхитительный аромат, разливавшийся по коридору. Это был не тот сладкий букет, отличающийся сорт, который он покупал прежде — или ему только казалось, что покупал? И все же запах был соблазнительным. Раздувая ноздри, Джеремя поспешил в буфет. Да, да, чашка этого черного, как смола, крепчайшего напитка

положит конец злобному заговору темных сил против него.

Когда он подошел к двери буфета, оттуда выпорхнула молоденькая секретарша, в ладонях она бережно сжимала дымящуюся чашку. Джеремия точно зачарованный наблюдал, как мерно, в такт ее шагам, покачивается чашка, особенно завораживали поднимавшиеся над ней тонкие, словно резные, колечки дыма. Пораженный, он не мог двинуться с места до тех пор, пока женщина не повернулась к нему спиной, скрыв от его глаз заветную чашку.

Он зашел в буфет. Кофейник стоял на плите, наполовину полный. Не спуская с него глаз, Джеремия обогнул небольшой столик, вокруг которого стояли четыре пластиковых стула (должно быть, по мысли руководства, за счет сложных комбинаций со стульями буфет должен был вмещать пятьдесят с лишним человек), как вдруг вспомнил, что оставил свою кружку в боксе. Он посмотрел по сторонам, и взгляд его упал на термос с холодной питьевой водой. Рядом стояла стопка бумажных одноразовых стаканчиков и лежали салфетки. Бумажный стаканчик был не самой подходящей емкостью для горячего кофе, но Джеремия решил, что, если обмотает его салфеткой, то, может, и не обожжет пальцы.

Тодтманн подошел к плите. Он подумал, что есть какая-то странная ирония в том, что весь день мысли его вращались вокруг чашечки кофе. В этом было что-то похожее на его жизнь, кото-

рая вся строилась вокруг каких-то событий или обязанностей. Только не вокруг людей. Он слишком плохо знал людей, чтобы позволить им вторгаться в его размеренное существование. Когда он потянулся, чтобы снять кофейник с плитки, его содержимое еще булькало. Это означало, что кофе был свежий, только что сваренный. Он принюхался, ноздри зашевелились приятный аромат.

И тут кипящая, черная, как чернила, жидкость начала переливаться через край.

— Проклятие! — Он машинально отдернул руку.

«Только этого мне и не хватало! Моргенстрём меня повесит!»

Не важно, что Джереми был ни в чем не виноват: его боссу — этому церберу — важно одно: что он оказался рядом, когда это произошло. Для Моргенстрёма это был достаточный повод.

Выпустив из рук бумажный стаканчик, бедолага встал на колени, чтобы вытереть то, что успело пролиться на пол. Он уже хотел промокнуть мокрое место салфеткой, как вдруг лужица, которая все увеличивалась, отползла от него. Джереми потянулся, перекрывая ей путь к отступлению, но лужа метнулась в другую сторону.

Джереми выронил салфетку и на четвереньках попятился к двери, судорожно трясая головой и лопоча что-то вроде: «Только не это, только не это...»

Салфетка упала в лужу и мгновенно затонула, издав при этом неприятный чавкающий звук.

На пол вылилось уже столько кофе, что можно было бы наполнить добрых три кофейника, а он все бежал и бежал. Еще одно обстоятельство настораживало — короткого замыкания не произошло, хотя нагревательная плитка кофеварки была залита жидкостью.

Существует некий порог устойчивости рассудка, и хотя Джеремию давно казалось, что он уже достиг его, человеческое начало, то, которое — даже вопреки реальности — удерживает большинство людей от безумия, всякий раз не давало ему переступить этот порог.

На сей раз этого не случилось.

Джеремиа испустил вопль. Он закричал еще громче, когда увидел, что лужа пролитого кофе неумолимо подбирается к нему. Теперь она растеклась на четыре рукава, которые, преломившись в его воспаленном воображении, превратились в пальцы огромной ладони. Подползая все ближе и ближе, они расширялись, утолщались... Настоящее кофейное море уже заливало практически всю комнату, а из кофейника все лилась и лилась темная кипящая жидкость.

Джеремиа снова завопил. Только когда его вопль затих, он задумался, почему никто не бежит на крик. Уж кто-кто, а Моргенстрём уже должен был прибежать, чтобы выяснить, кто посмел нарушить покой в его владениях. Куда все подевались? Он что же — остался в конторе совсем один?

Пальцы постоянно меняли форму, они извивались и вытягивались и, наступая, как будто

поровили взять Джеремию в клещи. Одно из щупалец разлилось вокруг ножки стула и, к ужасу Джеремии, стул постигла та же участь, что и салфетку. Ножки начали быстро погружаться в пучину, хотя с виду лужа была глубиной не больше какой-нибудь доли дюйма.

Повинуясь первобытному инстинкту самосохранения, Джеремиа решил действовать. Когда щупальца оказались у самых его ног, он прыгнул на стул, единственное свободное место, до которого он еще был в состоянии добраться. Ступив одной ногой на пластиковую поверхность, которую еще не поглотила пучина, Джеремиа почувствовал, что под тяжестью его веса стул тонет еще быстрее. Тогда он перескочил на стол. Едва он обрел равновесие, стол стронулся с места. Та часть его, которая находилась ближе к разлившемуся по комнате бассейну, начала медленно опускаться. Перевалившись через стол, Джеремиа кубарем свалился на пол, ударившись плечом и лицом о линолеум. Боли Джеремиа не почувствовал, в тот момент все мысли его были сосредоточены на одном: как спастись от взбесившегося напитка.

Оглянувшись, он увидел, что страхи его не напрасны. Попытка спастись бегством пока не увенчалась успехом. Разлившийся кофе неумолимо следовал за ним по пятам. Старые щупальца исчезали, на их месте появлялись новые, и эта черная жижа все ползла и ползла вперед. Стул уже сгинул, вслед за ним готовы были отпра-

виться еще два. Стол опрокинулся, больше чем наполовину его уже затянула чудовищная лужа. Джеремя содрогнулся, представив, что было бы с ним, оставайся он на месте. Кофе явно был голоден.

Джеремя на четвереньках покинул буфет. Однако в помещении, в которое он попал, царила тишина. Не слышно было даже работы отопительных агрегатов. Время обеда еще не наступило, хотя гнавшейся за ним горячей жидкости едва ли было до этого дело, но даже если бы и наступило, кто-то все равно остался бы в конторе. Звонили бы телефоны, служащие ворчали бы, что у них обед, и Моргенстрём, который никогда не покидал конторы до конца рабочего дня, распекал бы кого-нибудь за халатное отношение к делу. Ничего подобного не было. Джеремя вдруг с ужасом подумал, что кофе оставил его напоследок. Ведь остальные уже давно наполнили свои кружки и попили.

Он как раз вовремя услышал грозное бульканье, раздававшееся у него за спиной. Мутная лужа буквально наступала ему на пятки. Джеремя поднялся и поспешил прочь. Но движения его были какие-то замедленные, каждый шаг давался с трудом, точно в лицо ему дул ураганной силы ветер — настолько тяжело он передвигался.

— Джеремя-а-а-а-а!

Это кричал Гектор. Он стоял в каких-нибудь нескольких метрах от него. Если Джеремию ка-

валось, что его собственные ноги налиты свинцом, то Гектор вообще будто прирос к месту.

— Гектор? — Голос Джереми звучал вполне нормально, но что можно было считать нормой в подобных обстоятельствах? Можно ли было счесть нормой разлившееся за ним кровавое кофейное море или сюрреалистические видения в зеркале?

— Джереми-а-а-а-а?

Чернокожий смотрел куда-то мимо него. Джереми испуганно оглянулся — лужи на полу не было, ни капли. Он снова повернулся к своему приятелю, тот как-то неловко переминался с ноги на ногу, по-прежнему избегая смотреть ему в глаза.

— Гектор?

Джереми сделал шаг вперед, но в ту же секунду какой-то смутный силуэт, очертаниями напоминавший человека, точно фурия, скользнул между ними. Деталей было не разобрать. Джереми не успел и глазом моргнуть, как это нечто стремительно пронеслось мимо него и исчезло за углом. Джереми вопросительно взглянул на своего чернокожего приятеля, однако было совершенно очевидно, что Гектор не видел не только эту поджарую тень, не видел он и самого Джеремию.

Краем глаза Джереми заметил еще одну, похожую тень, которая, как и первая, поспешно скрылась, словно испугавшись, что ее застали врасплох.

На глаза ему начали попадаться и другие, более расплывчатые, которые, казалось, стремились принять форму стен или мебели. Теперь он видел перед собой будто второй мир, который занял место реального. Это соображение крайне взволновало его, и не только потому, что он боялся, что это окажется правдой, но еще и потому, что подобное вообще пришло ему в голову.

Гектор открыл рот, явно собираясь что-то сказать. Движения его становились все более медленными, сомнамбулическими... Однако Джереми тревожился не столько за своего приятеля, сколько за самого себя. Он сильно подозревал, что для Гектора, как, впрочем, и для остальных, все шло своим чередом, и весь этот ужас касался только его. Только он видел мерзких тварей, которыми кишела контора.

Только он один обратил внимание на черного ворона, который в этот момент показался за одним из окон.

Даже сквозь двойные рамы он слышал его язвительный и вместе с тем по-детски простодушный смех... или он слышал лишь воспоминания об этом смехе? Этого Джереми не знал, зато он знал другое: если ворон добрался даже сюда, значит, дело плохо.

Джереми бросился к выходу, туда, где были лифты и лестница. По дороге он толкнул плечом Гектора, но тот даже не шелохнулся, словно это был не он, а его мраморное изваяние.

Он едва не налетел на одну из теней, но никак не желавшая принимать более или менее отчетливое обличье тварь поспешно ретировалась, точно испугавшись его. Если бы Джереми видел это, он, наверное, не удержался бы от смеха. Однако внимание его было поглощено другим — взгляд его был устремлен в коридор, начинавшийся за стеклянными дверями конторы.

Казалось, удача наконец улыбалась ему. За стеклянными дверями его ждал лифт — дверь кабины была открыта. «Спасибо-спасибо-спасибо-спасибо...» — твердил он про себя в нелепой надежде, что лифт услышит эти невысказанные, но пылкие слова благодарности и не закроет перед ним свои двери. Мысль о том, что ему предстоит пешком спускаться по лестнице, была невыносима.

Сидевшая за стойкой секретарша болтала по телефону со своей мамашей, жалуясь на мизерное жалованье, не соответствующее ее исключительным заслугам, как вдруг двери, которые вели в помещения «Вечного залога», распахнулись будто сами собой, едва не слетев при этом с петель. Краем глаза она успела заметить какую-то фигуру, показавшуюся ей знакомой, но взглядевшись пристальнее, поняла, что никого нет. Инцидент этот мог послужить поводом для досужих разговоров, однако о нем вскорости и забыли бы, потому что в «Вечном залоге» на первом месте была работа.

Не обращая внимания на устроенный им не-
большой переполох, Джеремия пробежал пос-
ледние несколько футов, отделявших его от
заветной кабинки. Двери по-прежнему были от-
крыты, словно манили его, но он-то знал, что
они вот-вот...

В углу кабины стояла *она*, обольстительная и
загадочная. По крайней мере она показалась ему
более воздушной, чем та, которую сохранила его
память. Ее можно было бы назвать призраком, но
что-то подсказывало ему, что она живая. Джере-
мия Тодтманн остановился как вкопанный, не
зная, что сулит ему эта неожиданная встреча.

— Входи смело и ничего не бойся. — Голос
был подобен дуновению ветерка, от которого,
впрочем, бросало в дрожь. Такой ветер гуляет
на кладбищах или в заброшенных домах. — Я
пришла с миром.

— Я... я... — сдавленно залепетал Джеремиа.

До его слуха донесся шум могучих крыльев.
Бросив взгляд в сторону только что оставлен-
ной им конторы, он заметил — или это только
показалось ему — гигантскую крылатую тень,
распростертую над стойкой в приемной.

— Умоляю... иди... со мной! — Было очевид-
но, что каждое слово дается ей с огромным тру-
дом. Она протянула к нему руку. Чтобы принять
ее, Джеремии нужно было всего-то пересечь
линию, отделявшую коридор от кабинки лиф-
та, границу между реальным миром, хоть и съе-

жившимся в его сознании до крошечных размеров, и чем-то неведомым... Чем?

Однако выбирать ему было особенно не из чего. С одной стороны, эта женщина, с другой — ворон. Тодтманн, хотя бы отчасти, уже понял, зачем он нужен ворону, а потому, что бы ни задумала призрачная чародейка, склонялся к мысли, что с ней будет спокойнее.

Он вскочил в лифт. Женщина взяла его за руку и силой привлекла к себе, не давая ему обернуться. Взрыв хохота позади заставил его издрогнуть.

Двери лифта резко закрылись и издевательский смех оборвался.

Она продолжала удерживать его. Тодтманн не возражал, хотя находился отнюдь не в романтическом расположении духа. Кожа у нее была холодная, но удивительно мягкая. Она была такая хрупкая, что ему казалось, будто достаточно прикоснуться к ней, и она рассыплется. Невзирая на это, Джереми впервые с того момента, как сошел с поезда, почувствовал себя в безопасности.

Возможно, этого чувства не было бы, если бы он видел табличку, которая висела на внешней стороне двери лифта. Это была точная копия того объявления, которое он уже видел чуть раньше, и состояло оно из тех же трех слов:

ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ

— н с ней, — отрывисто произнес Арос Агвилана. Он хотел испустить вздох облегчения, но, поскольку дыхание как таковое было ему недоступно, он решил, что это напускное и только лишь лишний раз напомнит ему о его несовершенной сущности. Вместо этого элегантно одетый призрак поднес к тонким алым губам очередную сигарету. Это курение «понарошку» было таким же притворством, но Арос Агвилана, как и все Серые, не отличался последовательностью.

Он стоял на краю обширной свалки. Это было настоящее кладбище покореженных автомобильных кузовов и ходовых частей, пропахшее бензином и машинным маслом. Кладбище располагалось довольно далеко, но лучшего пустыря было не найти. Невзирая ни на какие обстоятельства, Арос старался следовать принципам, а поскольку такое аффектированное поведение было свойственно людям, оно же отличало и характер этого Серого. Это было слабое подобие оригинала, и все же оно выделяло его как личность.

Взгляд его задержался на ржавых останках автомобиля, единственной узнаваемой деталью которого была крылатая фигурка над решеткой радиатора. Арос обратил внимание, что когда-то машина была серебристой, вполне соответствуя имени «Серебряный призрак», которое

дала ей родная фирма «Роллс-Ройс». Это имя еще больше подходило ей теперь, когда несчастный остов нужен был Аросу для его собственных целей.

Арос вынул изо рта сигарету и бросил на землю. Больше не удерживаемая его волей, сигарета, не успев коснуться пропитанной жирной грязью земли, рассеялась дымом, которым была раньше. Осматривая облюбованную им вещь, призрак позволил себе улыбнуться одними уголками губ и проронил:

— Джентльмены, заводите моторы.

Джеремия наконец нашел в себе силы оторваться от своей спасительницы. По-прежнему стоя в углу кабинки, она не предпринимала попыток остановить его. Он не мог понять, о чем она думала в тот момент, ее лицо было окутано тенью и тайной. Время от времени ему казалось, что вся она словно готова раствориться в окружавшем их сумраке, что она ускользает от его взгляда.

Так или иначе, но она спасла его от крылатой твари.

— Полагаю... полагаю, мне следует поблагодарить вас...

Она молчала, теперь похожая на каменное изваяние.

— Вы так не считаете? — не отступался Джеремия.

— Возможно, — только и промолвила она. Она посмотрела на ряд кнопок. Джеремия проследил за её взглядом и обнаружил, что, не-

смотря на то что лифт двигался, ни одна из кнопок не горела.

— Куда мы направляемся? Куда вы везете меня?

— Куда-нибудь под радугу.

— Но этого не... — Джеремия осекся. Сладостная, с примесью горечи улыбка на ее устах могла означать лишь одно: она говорила только то, что имела в виду. Смахнув со лба мокрые от пота волосы, Джеремия наконец задал вопрос, задать который никак не решался.

— Кто вы?

Она не отрывала взгляда от панели с кнопками.

— Уистан назвал меня Каллистра. Вэйчел назвал меня Мунро. Но что такое имя?

— Каллистра Мунро, — машинально повторил он.

Теперь она произносила слова значительно быстрее, и все же речь ее казалась ему странной, во многом она напоминала ему речь ворона.

«Но она не может быть с ним заодно. С этим. С вороном».

Джеремия заметил, как она улыбнулась, когда он произнес вслух ее имя. Почти безотчетно он улыбнулся в ответ.

— Что вам от меня нужно?

Улыбка исчезла с ее губ.

— Арос все объяснит, но сначала мы должны покинуть это здание. Нет столько ярости во всем аду, как в вороне обманутом.

— Но как же?..

Лифт остановился. Створки дверей раздвинулись.

Впереди зияла темнота.

— Где мы?

— Птица не знала об этом лифте.

Ответ никак не удовлетворял любопытство Джереми, но было очевидно, что больше она сказать не может. Она легко шагнула во мрак и оттуда рукой поманила Джеремию. Джеремия попытался сделать шаг, но ноги не слушались его. Этот разверстый мрак впереди напоминал ему о злобном кофейном потоке. Он понимал, что Каллистра едва ли готовит ему такую же западню, вернее, надеялся, однако не мог избавиться от навязчивого видения.

— Прощу тебя, Джеремия Тодтманн, следуй за мной.

Собственно говоря, выбора у него не было. Разве что снова подняться наверх, где его с вождением поджидал ворон.

Джеремия вышел из лифта.

«В конце концов, не так уж и темно», — успокаивал он себя. Ему даже померещились первые проблески света, как бывает перед самым восходом солнца, в тот краткий миг, когда мир уже отчетливо зрим, но все краски его кажутся стертыми, размытыми.

Она коснулась его руки тонкой, идеальной формы ладонью.

— Не будет ворон медлить никогда. Спешу, иль станешь ты его орудьем навсегда.

И снова манера ее речи напомнила Джеремию о чертовой птице. Оба эти существа, ничуть не смущаясь, изъяснялись причудливыми клише, необычными по стилю и ритму. Откуда они взялись? Что им нужно от такого, как он?

Он едва не вскрикнул, когда какая-то зыбкая, почти бесформенная фигура юркнула между ними. Это была тень, похожая на те, что он видел в конторе. Однако эта, по всей видимости, решила остаться при нем. Джеремиа попятился, но тень приникла к нему, словно грудной младенец к материнской груди. От нее исходила такая же мольба, какая читалась на тех лицах в зеркале. Ей что-то было нужно от него, нечто такое, что только он, Джеремиа Тодтманн, способен был ей дать.

Почувствовав это, Джеремиа перестал бояться.

Каллистра взмахнула рукой, пробив в тени брешь. Тень изменила форму, но потом, точно объятая ужасом, панически ретировалась. Джеремиа хотел что-то возразить, но осекся, увидев скорбь в ее взоре. Она молча подала ему руку.

Джеремиа взял ее за руку, и эта высокая бледная женщина повела его за собой сквозь мрак. Он пробовал осмотреться, определить, где они находятся, но ничто не указывало на то, что они заключены в какое-то помещение, не было ни потолка, ни стен, он не видел даже почвы под ногами.

— Где мы? В подвале?

— Да, — скупой проронила она, но он почувствовал, что за этим кратким «да» кроется нечто большее. Он не стал надоедать ей расспросами.

Вокруг царила тишина, но это вовсе не означало, что они были одни. Джеремя ощущал чье-то присутствие рядом, теней или им подобных. Они окружали их со всех сторон, но предпочитали держаться на почтительном расстоянии. То и дело ему казалось, что краем глаза он видит какие-то фигуры, но едва он поворачивал голову, чтобы разглядеть получше, фигуры исчезали. Каллистра, если и видела их, то не подавала виду. Эти ускользающие тени, казалось, вызывают у нее целую гамму переживаний — тревогу, раздражение и грусть одновременно.

«Они похожи на заблудившихся детей, — подумал он и, вспомнив смех ворона, поправил себя: — На одичавших детей».

— Свобода зовет, — прошептала чародейка, указав рукой на что-то, что неясно маячило впереди.

Возможно, это действительно был путь к свободе, однако внешне он таковым не выглядел. Перед ним была высокая, закруглявшаяся вверху металлическая дверь, сама скорее принадлежавшая миру окружавших их бесплотных существ, нежели реальности. Подобные двери Джеремя видел когда-то в фильмах-сказках вроде «Приключений Робина Гуда». Сколько он помнил, они, как правило, вели в темницу, а не на свободу. «Что за странный каприз, — думал он, — подвигнул архитекторов Сирс-тауэр соорудить в подвале такую дверь?»

Тишину прорезал издевательский хохот, который Джеремя теперь узнавал безошибочно.

Тени бросились врассыпную. На лице Каллистры лежала печать смятения.

— Пустые лица, пустые вздохи, пустые ладони распростерты... — гремел под невидимыми сводами гортанный голос ворона. — Пустые места, пустые надежды!..

Если бы в тот момент Тодтманну сказали, что в подвал свалилось солнце, он бы не удивился. В мгновение ока тьма разверзлась, и без фанфар в образовавшуюся брешь хлынул поток ярчайшего света, и жгучего, и холодного. Каллистра не издала ни звука, она лишь крепче сжала его руку в своей. Станным образом оказалось, что теперь он защищает ее. Повернувшись, Каллистра уткнулась лицом ему в грудь. Она так же боялась света, как он — тьмы.

Когда глаза Джеремии постепенно привыкли к свету, оказалось, что он вовсе не такой ослепительно яркий, каким показался вначале. На самом деле в нем тоже была примесь серого.

И еще — свет двигался.

— И сказал я: «Да будет свет!» — чревовещал крылатый демон ада. — И стал свет.

— Каллистра? — прошептал Джеремиа.

Казалось, от шока она лишилась чувств.

Люди, как правило, тешат себя мыслью о своей беззаветной храбрости, однако Джеремиа никогда не принадлежал к их числу. В душе он всегда знал, что в случае опасности он, скорее всего, постарается задать деру. Что он и доказывал уже несколько раз в течение дня, спасаясь бегством

от ворона. Однако теперь, прижимая к себе Каллистру, он поймал себя на странных, несвойственных ему мыслях, которые сводились к тому, что он не должен оставить в беде женщину.

«Но что я могу сделать? — взывал к нему рассудок. — Даже будь у меня клинок и умей я обращаться с ним, разве можно этим победить свет? Не могу же я разрубить его на куски!»

Джеремиа пожалел, что они — скорее всего — находятся не в подвалах Сирс-тауэр (если таковые вообще имелись). Возможно, тогда можно было бы воспользоваться огнетушителем или включить автоматическую противопожарную систему. «Или могло бы случиться наводнение, как весной девяносто второго», — услужливо подсказала память. Сирс-тауэр, как и многие другие здания Чикаго, регулярно страдало от паводковых вод, когда городские власти по халатности своей не умели предупредить разлив реки. Случалось, что рыба плескалась прямо в холлах. Джеремиа не помнил, какой ущерб был причинен Сирс-тауэр, зато точно помнил, что его контора однажды целый день не работала.

Наводнение — это было бы чудесно. Но разве дождешься, когда что-нибудь нужно?..

Каллистра вдруг подняла голову, в глазах ее застыло выражение ужаса.

— Нет! Нет!

Свет замер. У Джеремиа возникло смутное предчувствие, что причина этой нерешительности именно в нем.

Где-то капала вода, словно забыли завернуть кран. Капель все усиливалась, звук стал больше похож на шум воды в душе, наконец, на проливной дождь. Джеремия принялся лихорадочно озираться по сторонам, но не видел даже и признаков воды.

Ослепительный свет постепенно мерк, но снова почувствовать себя в безопасности Джереми не позволил раскатистый хохот ворона и последовавшие затем злоеющие слова:

— Плыви, несясь потоком его мысли... но все ж акул, Каллистра, берегись!

И на них обрушился океан.

Сухая пустота сумрака внезапно превратилась в неистово ревущую волну, в центре которой отчаянно барахтались они двое. Не успел Джереми набрать в легкие побольше воздуха, как его накрыло с головой. Он не удержал Каллистру, но в последний момент она каким-то чудом успела схватить его за руку.

Голова Тодтманна показалась на поверхности, он стал судорожно хватать ртом пропитанный влагой воздух. Это было посильнее чикагского наводнения! Джереми нужна была вода, но не вся же река сразу! Ему вовсе не хотелось утонуть в чреве этой громадины из стекла и стали.

Что-то большое и твердое ткнулось ему в ноги.

«Берегись акул, — предупреждал стигийский соловей, — но ведь в реке нет акул? Или...» — И тут Джереми вспомнил о непонятном дви-

жущемся предмете под мостом. Что, если это был не *просто* мусор?

Его снова накрыло волной. Каллистра по-прежнему цепко держалась за его руку, однако стихия грозила положить этому конец. Все это напоминало кошмарный сон, и тем не менее это происходило. Джеремиа был уверен, что, кроме него, никто во всем здании ничего не подозревает, что точно так же никто не слышал его криков о помощи и не видел шнырявшие вокруг серые силуэты.

Голова его снова показалась над водой. В ту же секунду он почувствовал, что плечо его наткнулось на что-то твердое. Инстинктивно Джеремиа вытянул руку, чтобы ухватиться за это нечто. Он открыл глаза и, когда зрение его прояснилось, увидел, что перед ним та самая массивная дверь, которую показала ему Каллистра перед последним нападением ворона.

Каллистра! Только теперь Джеремиа вспомнил, что все это время она ни разу не появилась на поверхности. Ему стало страшно: а вдруг она так крепко держала его за руку потому, что была уже мертва? Ведь предсмертная судорога сильна, иногда куда сильнее, чем у живого.

— Каллистра! — Кричать было бесполезно, но крик вырывался из груди Джеремиа, почти помимо его воли. Свободной рукой он нащупал ладонь этой таинственной женщины. Его охватила дрожь. Она была холодна, как лед, однако он попытался убедить себя, что она просто очутилась в воде.

Ее вторая ладонь обхватила его запястье. Тодтманн, который только что едва не утонул, почувствовал такое облегчение, что вначале не заметил вздымавшуюся над водой исполинскую тень. Только когда она, окончательно обретя форму, издала грозный рык, Джереми увидел ее.

Продолжая инстинктивно прижимать к себе свою спутницу, он оглянулся... и не поверил своим глазам (состояние не столь уж непривычное для него в тот день): из воды торчали три огромных горба и миниатюрная головка, которая сидела на длинной змеиной шее.

«Лохнесское чудовище плавает в подвалах Сирс-тауэр».

Джереми видел достаточно фотографий — расплывчатых и нечетких — в газетах, достаточно телевизионных передач, чтобы узнать его. Оно выглядело в точности так же, как на той самой фотографии, вплоть до того, что было таким же расплывчатым и нечетким.

Над водой показалась голова Каллистры. Если бы Джереми Тодтманн в тот момент не был поглощен разглядыванием другого, более крупного — более зубастого — существа, он бы наверняка обратил внимание, что волосы и лицо Каллистры были совершенно сухие, несколько не тронутые влагой. Но Джереми этого не видел — раскрыв от изумления рот, он только бубнил что-то невнятное, пытаясь заставить ее оглянуться.

Но у Каллистры, видимо, имелись собственные соображения. Прижимаясь к нему всем телом, черноволосая женщина закричала:

— Ты должен открыть эту дверь!

Открыть дверь? Даже удержаться на одном месте стоило ему огромного труда. Если он попытается открыть дверь, их, скорее всего, снова увлечет течением и они попадут напрямик в пасть легендарного монстра, который сожрет их, не оставив ни косточки.

Расплывчатое чудовище с глухим урчанием приближалось к ним.

Набрав в грудь побольше воздуха, Джеремия прижал к себе Каллистру так, чтобы она могла обхватить его за талию. Убедившись, что она держится крепко, он резко повернулся лицом к двери. Однако вскоре он с ужасом обнаружил, что, по странной прихоти дизайнеров, на двери нет ручки. Имелось лишь какое-то подобие выступа, ухватившись за который, он и удерживался на поверхности. Но больше от него не было никакого прока.

— Откройся новому! — крикнула Каллистра.

Джеремия едва сдержал скептическую гримасу. Должно быть, посмотрелась фильмов или читалась старых романов, решил он. Во всяком случае, если она хотела ему помочь, у нее это плохо получалось. Джеремия снова провел ладонью по шероховатой поверхности в надежде нащупать ручку. Ничего. Чувство горечи от осознания собственной беспомощности усугублялось парализующим волю страхом, кото-

рый становился тем сильнее, чем острее он ощущал затылком дыхание монстра. В отчаянии Джеремия принялся колотить кулаком в дверь:

— Ну же, будь ты проклята! Что я должен сделать? Сказать: «Сезам, откройся?»

В следующее мгновение Джеремия вместе с Каллистрой, увлекаемые потоком воды, оказались за внезапно распахнувшейся дверью. Тодтманну показалось, будто он слышит, как за спиной у него недовольно ворчит Лохнесское чудище. Затем...

Он стоял на коленях на тротуаре перед зданием небоскреба. На него сразу нахлынули звуки и запахи большого города, но в тот момент он был несказанно рад им. Джеремия Тодтманн недоверчиво уставился на тротуар, который был совершенно сухим, как, впрочем, и он сам. Костюм на нем был помят, но нисколько не промок.

— Вставай, Джеремия Тодтманн. Бой не окончен. — Каллистра была рядом, однако ей каким-то образом удалось устоять на ногах. Глядя на безупречную внешность этой неземной женщины, можно было подумать, будто она только что вышла из дому и, как ни в чем не бывало, ждет такси.

Мимо них с обеих сторон проходили люди, но никто из них ничуть не был удивлен видом стоящего на коленях мужчины в помятом костюме. Потоки машин заполняли улицу, которую Джеремия наконец узнал — это была Эдамс-стрит. Он медленно, неуверенно поднялся, все еще не в силах поверить, что они в бе-

зопасности. Вода, которая вынесла их за дверь, куда-то исчезла. Оглядевшись, Джеремиа убедился, что нигде поблизости не было и самой двери. Джеремиа поймал себя на том, что нисколько не удивился последнему обстоятельству, и это было тревожным симптомом — ему не нравилось, что он начинает воспринимать тот мир, в котором обитал ворон, как что-то само собой разумеющееся.

Ворон... Резко повернувшись, Джеремиа задрал голову и принялся шарить взглядом по стене небоскреба. Как и тогда, когда он впервые спасался бегством, здесь не было никакого выхода. Здание с этой стороны вообще не имело дверей.

Но это, разумеется, не могло означать, что опасность осталась позади.

— А как же?..

— В тень, на свет, из... — начала говорить Каллистра, но он перебил ее.

— Я бы хотел получить более разумное объяснение, если не возражаешь. — Раздражение, с которым он произнес это, удивило его самого. Он думал, что никогда не смог бы рассердиться на нее.

Каллистра устремила на него взгляд, в котором, как ему показалось, мелькнула надежда. Она протянула к нему руку и ладонью коснулась его щеки.

— Ты... веришь в меня?

По крайней мере это был четко сформулированный вопрос, пусть и слегка туманный.

— Веришь в меня? — растерянно повторил он.

— Я... для тебя... реальна?

Учитывая, где ему только что пришлось побывать, вопрос не слишком понравился Джереми. В нем был подтекст, о котором Джереми не хотелось думать. Вместе с тем он чувствовал, что ответ ему ничем не грозит.

— Да, если что-то и представляется мне реальным, так это ты. — Он покачал головой. — Насчет остального я совсем не уверен.

Его слова вызвали у нее улыбку. Она задумчиво посмотрела вдаль и прошептала:

— Мечтать о несбыточном...

— А как же ворон?..

Каллистра снова перевела взгляд на него и кивнула в сторону проезжей части:

— Зловещий, страшный, древний ворон не выйдет против Ароса. Пока что...

Джереми подался вперед, вглядываясь в потоки машин, пытаясь разглядеть того, кого — или то, что — она имела в виду.

— Арос?

Каллистра указала рукой на двигавшуюся в транспортном потоке машину, которую нельзя было не заметить даже среди сотен других, заполнявших улицу. В Чикаго было не так уж много таких роскошных, сияющих «роллс-ройсов» — по крайней мере в деловом центре города возле Петли* такой встретишь не часто.

* Петля — деловой, торговый и культурный центр Чикаго. Назван так потому, что вокруг него разворачивается поезд надземной железной дороги. — *Примеч. пер.*

А элегантное серебристое авто, каким-то чудесным образом лавируя в сплошном потоке транспорта, быстро приближалось к ним.

— Арос, — повторила Каллистра, на сей раз с большей уверенностью в голосе.

В автомобиле было нечто мистическое, хотя это и не была одна из тех старых моделей, которые прославили почтенную фирму. Модель была примерно десятилетней давности, однако Джеремиа, сколько ни вглядывался, не смог обнаружить на кузове ни единого пятнышка. Можно было подумать, что владелец держал ее под замком с того самого дня, как она сошла с конвейера. Каким образом машину, на которой хотя бы день колесили по городским улицам, удастся сохранить с идеальной чистотой, оставалось загадкой. Это было так же непостижимо, как монстры, плавающие в подвале небоскреба. И еще одно странное обстоятельство почти подсознательно тревожило Джеремию: «роллс-ройс» ослепительно сверкал, точно озаряемый лучами солнца, хотя небо было затянуто тучами.

Стекла машины были зеркальными, не дававшими разглядеть ни водителя, ни пассажира, который сидел на заднем сиденье. Джеремиа, движимый безотчетным страхом, попятился, когда «роллс-ройс» резко вывернул вправо и лихо подкатил к тротуару, остановившись прямо напротив них.

— Цел и невредим, Джеремиа Тодтманн, — сказала Каллистра. — С Аросом ты будешь в хороших руках.

Задняя дверца открылась, но из машины никто не вышел. Джеремиа покосился на Каллистру, которая жестом пригласила его садиться. Джеремиа вздохнул и, последний раз оглянувшись на сумрачную громаду небоскреба, юркнул в машину. В салоне царил все тот же подвальный полумрак. Джеремиа опустил на плюшевое сиденье и огляделся. Впрочем, он мало что увидел.

— По правде говоря, «Серебряному призраку» я предпочитаю «Фантом VI», — услышал он интеллигентный голос.

Если бы не Каллистра, которая как раз села рядом, Джеремиа в тот же момент выскочил бы из машины. Только теперь он разглядел тощую, как жердь, фигуру, которая располагалась у него по левую руку. Чувствовался запах сигаретного дыма — должно быть, в машине недавно курили. В темноте мало что было видно, однако Джеремиа удалось разглядеть, что сидевший рядом с ним холеный субъект еще бледнее Каллистры.

— «Серебряный призрак», безусловно, превосходная машина, — продолжал человек из тени, пока машина вливалась обратно в поток (перегородка не позволяла рассмотреть, кто за рулем), — однако слишком уж напоминает продукцию Детройта. — Он наклонился к Джеремиа, и тот смог наконец разглядеть черты его лица. — Вы любите автомобили, Джеремиа Тодтманн? — вкрадчиво спросил он.

Джеремиа изумленно разинул рот, машинально подвинулся. Каллистра сочувственно похлопала его ладонью по колену:

— Арос твой друг.

— Друг?

Неужели он спасся от проклятой черной птицы лишь для того, чтобы попасть в объятия этого страдающего анорексией Дракулы? Почему, собственно, он решил, что, если одна сторона стремится причинить ему зло, то другая непременно желает ему блага? Возможно, Арос и ворон конкурируют между собой, преследуя сходные цели?

Белый как мел субъект поднес к губам зажженную сигарету. Джеремиа не видел ни как он ее доставал, ни тем более как прикуривал. Арос снова откинулся на спинку сиденья, но на сей раз, даже несмотря на почти сплошной мрак, глаза этого зловещего существа оставались видны.

— Простите и забудьте, Джеремиа Тодтманн. Позвольте мне представиться должным образом. Я Арос Агвилана. Я буду вашим проводником на этом непростом пути.

После невнятного бормотания ворона и таинственных объяснений Каллистры Джеремии было приятно услышать речь не только уверенную, но и внятную. Это обстоятельство несколько успокоило Джеремию, который чувствовал себя весьма неуютно, оказавшись в роли заложника в руках темной личности, напоминавшей героя не то

«Ночи живых мертвецов», не то «Дома Дракулы» — правда, в последнем фильме Джон Каррадайн все же был похож на живого человека. Арос же Агвилана выглядел как подогретый покойник. Особенно когда улыбался.

Арос наклонился к нему и осклабился.

— Прошу простить меня, что я не смог прибыть раньше. Я вынужден был заниматься поисками подходящего случая транспортного средства. В настоящее время большинство машин — это сущий хлам.

Что-то подсказывало Джереми, что последнее замечание было рассчитано на его улыбку. Возможно, когда-нибудь в будущем он действительно сможет, оглядываясь назад, посмеяться над всем этим. Однако в тот момент ему было не до смеха. Его голова была занята другим.

— Мистер Агвилана, скажите, что со мной происходит? — умоляющим тоном произнес он. — Ведь вам это известно? Что вам — и *ему* — от меня нужно?

Худощавое лицо Агвиланы приняло изумленное выражение. Он вынул изо рта сигарету и швырнул ее в окно. Краем глаза Джереми заметил, что она растворилась в воздухе, не успев коснуться земли.

— Каллистра! — Отличавшийся изысканными манерами вурдалак погрозил пальцем своей подчиненной. Он был похож на отца, поучающего свое нерадивое дитя. — Неведение — это благо, но потеря разума — это ужасно.

«Боже, неужели и этот туда же!»

И именно тогда, когда он надеялся получить ответ. Откуда же появились все эти странные персوناжи?

— У нас не было времени, Арос, — попыталась оправдаться Каллистра.

— Да-да, мне уже шепнули об этом по секрету. — Сухопарый субъект посмотрел на измученное лицо своего гостя. — Однако это не объяснение, коего наш друг, безусловно, заслуживает более всякого другого. Тем не менее придется подождать, пока мы не достигнем пункта нашего назначения. Чтобы судить о пунинге, надо его отведавать; то же самое можно сказать и о «Бесплодной земле». Лишь увидев наш клуб, вы окончательно убедитесь в истинности моих слов. Все, что я скажу до тех пор, покажется вам малоубедительным... Да, и *прошу* вас, называйте меня Арос. Я настаиваю.

Тодтманн при всем том, что пребывал в крайне смятенных чувствах, понял: его гость увильивает от ответа. Терять ему было нечего. Их доброжелательность не могла ввести его в заблуждение. Он знал, что является пленником.

— Я не хочу ждать, — заявил он. — Почему вы не можете сказать, что вам от меня нужно? Может, если я пойму, зачем я вам нужен, то стану более сговорчивым.

Арос шумно вздохнул, что, видимо, должно было означать, что он сдастся. Однако Джереми показалось, что этот вздох не вполне искренен.

— Вы меня убедили. Раз вы так хотите, я вам скажу. Для нас чрезвычайно важны ваша добрая воля и готовность к сотрудничеству.

Каллистра поерзала и смущенным голосом спросила:

— Арос, ты уверен?

Загадочный выходец с того света индифферентно передернул костлявыми плечами:

— Почему бы нет? Ведь не каждый день принимает человек мантию Озимандиаса?

Джеремя чувствовал, что ни на йоту не приблизился к истине.

— Этот, как вы его назвали, — кто это?

В руке Ароса Агвиланы появилась очередная сигарета. Казалось, они возникают из воздуха, как только ему захочется затянуться.

— Озимандиас, любезный Джеремя Тодтманн. Царь царей. — Он улыбнулся. — Каким вскоре предстоит стать и вам.

Голубь не замечал ничего вокруг себя, сосредоточив все свое внимание на конфетной обертке, которую обронил какой-нибудь нерадивый прохожий. Серо-белая птица усердно клевала обертку в надежде, что рано или поздно доклюется до чего-то съестного, не ведая, что труды ее в лучшем случае будут вознаграждены какими-нибудь крохами.

Внезапно на бедную птаху обрушился ворох черных перьев, острые когти и массивный клюв.

Голубь неистово захлопал крыльями, стремясь вырваться, и ему это удалось, несмотря на

когти, которым полагалось бы держать мертвой хваткой. Забыв о заветной обертке, он в панике взмыл в сумеречное небо и полетел прочь.

Ворон прошелся по тротуару, оставляя на асфальте следы когтей. Он было подумал о погоне, но отказался от этой мысли, зная, что результат будет тот же. Он еще недостаточно был силен, чтобы отнять жизнь. После неудачи с человеком он должен был сам понять. Эта птичка, ведь она не просто вырвалась из его когтей, она каким-то образом проскользнула *сквозь* них. «Обе птички», — поправился он.

— Изощренный демонизм жизни, — проворчала черная птица. — Видеть — *должно* значить верить! Верить — *должно* значить творить реальность! — Ворон захлопал крыльями, отчего поднялся порывистый ветер, на который, впрочем, мало кто из прохожих обратил внимание — здесь, в Городе Ветров. — Я буду *реальностью*, а не фикцией!

Человек попал в руки этого Ароса Агвиланы, который слишком много о себе понимает. Арос будет разыгрывать роль спасителя — в своих собственных целях. В целях, которые не слишком отличаются от целей ворона.

От его целей.

— У семи нянек дитя без глазу. — В голове ворона созрел план. — Пусть эта жердь ведет, король плетется следом. И все ж его мечты пребудут бредом.

Поблизости село несколько голубей, они стали суетливо обследовать окрестный тротуар в

поисках пропитания. Эбеновый призрак окинул стайку алчным взором — нет, его вовсе не мучило чувство голода! — но он знал, что и с этими его постигнет неудача. К тому же зачем ему опускаться до каких-то голубей, когда впереди его ждала поистине королевская трапеза?

Трапеза, где главным блюдом будет король.

Некоторые дети мечтают стать президентами. Другим все время внушают, что они *станут* президентами. Родители Джереми тоже так говорили. Как и большинство детей, он перерос эту мечту, осознав ее несбыточность. С тех пор он больше не вспоминал об этом.

Никто никогда не говорил ему, что однажды он может стать *королем*.

— Королем?.. — тупо повторил он, не веря своим ушам.

— Королем, — кратко подтвердил Арос Агвилана. Тощий отказался говорить что-либо еще, лишь пообещав, что Джереми все поймет, когда они прибудут в «Бесплодную землю».

Название заведения не могло развеять опасений новоиспеченного наследника престола. К сожалению, Арос счел свои объяснения вполне достаточными и был явно не склонен уступать настояниям Джереми.

Однако молчание тяготило Джеремию больше незнания и он попытался зайти с другого конца в надежде обрести хоть какую-то ясность.

— А как же моя служба? — спросил он. — Ведь меня хватают.

— Вы так думаете? — Арос усмехнулся.

С расспросами было покончено. Джеремия, к своей досаде, вынужден был признать, что мрачный скепсис Ароса вполне оправдан. Разумеется, найдутся такие, кому, подобно Гектору, будет недоставать его общества. Однако Тодтманн сознательно предпочел жизнь, в которой он был незаметным винтиком. До сих пор такая жизнь его устраивала, она позволяла существовать тихо, не привлекая к себе излишнего внимания. До этого злополучного дня Джеремия Тодтманн был доволен жизнью.

Каллистра положила ладонь на его руку. Она ничего не сказала, возможно, боялась, что слова ее вызовут у него раздражение. Джеремию тронула ее деликатность. Он стал вспоминать, что он почувствовал, когда впервые увидел ее. Хотя Джеремия и подозревал, что эта черноволосая женщина каким-то одним ей известным способом сознательно околдовала его, он точно знал, что теперешние его чувства неподдельны, что она нужна ему. Каллистра не хотела причинить ему боль, он был ей небезразличен, что еще мог он желать?

Конечно, она просто могла оказаться исключительно одаренной актрисой...

— Прибыли, — прервал его размышления Арос.

Джеремия, который только-только начал привыкать к новым обстоятельствам, нерешительно привстал. Насколько он мог судить, они

находились в пути всего ничего. Еще больше он удивился, взглянув на часы. Производитель гарантировал точный ход в течение долгих-долгих лет — теперь они показывали начало пятого.

Может, в них залилась вода? Но ведь сам он остался совершенно сух.

Арос поглядывал на него с нескрываемым любопытством. Тодтманн сконфуженно поправил манжету.

Дверца с той стороны, где сидел Арос Агвилана, распахнулась и он вышел. Скрепя сердце, Джеремиа последовал за ним. Арос готов был подать ему руку — на случай, если бы человеку, которому суждено было стать королем, потребовалась помощь. Джеремиа обошелся без посторонней помощи — уж очень ему не хотелось дотрагиваться до мертвенно-белой кожи этого долговязого типа. Почему-то он был уверен, что если руки Каллистры были просто холодны, то, коснувшись плоти Ароса Агвиланы, он обморозит пальцы. Избегая поднимать на него глаза, он суетливо посмотрел по сторонам, ища шофера или кого-то другого, кто открыл бы им дверь. Однако никого, кроме Ароса Агвиланы, на улице не было.

«Автоматические двери», — решил он. В конце концов, это же настоящий» роллс-ройс».

Куда сложнее оказалось найти объяснение всему остальному.

Чикаго, каким он предстал взору Джеремии, когда он вышел из машины, был совершенно

незнакомым ему городом. Первым делом он отметил, что на город опускается ночь — здания окутывала густая тень, небо потемнело. Поскольку была густая облачность, он не мог проверить по солнцу свои подозрения насчет того, правильное ли время показывают его часы, однако все больше склонялся к мысли, что часы здесь ни при чем.

Дело было в самом городе. Джеремия зажмурился, пытаясь прояснить свое зрение. Чуда не случилось.

Рядом с ним стояла Каллистра.

— Идем, Джеремия.

— Все... качается. — И он махнул рукой в сторону «Большого Джона*». Здание, некогда самое высокое в Чикаго, раскачивалось на ветру, точно тростинка. Джеремия знал, что небоскребы должны немного раскачиваться, но чтобы с такой чудовищной амплитудой?.. Пришлось бы привинчивать к полу всю мебель и снабжать всех обитателей ремнями безопасности. «Большой Джон» был словно сделан из каучука, а не из стали.

С другой стороны к Джеремии приблизился Арос.

— Вас ждут, Ваше Величество.

Человек-жердь взял Джеремию под руку. Опасения последнего относительно его прикоснове-

* Центр Джона Хэнкока — 100-этажный небоскреб на Мичиган-авеню в Чикаго, один из самых высоких в мире (344 м). Назван по имени одного из «отцов-основателей». — *Примеч. пер.*

ния оказались до некоторой степени верны, однако он уже не обращал на это внимания. Он все еще пытался как-то сфокусировать свое зрение, все еще надеялся, что огромный город прекратит раскачиваться, словно на него смотришь сквозь стенки аквариума, и к нему вернется степенная величавость, всегда отличавшая Чикаго.

— Вы просто переутомились, — участливо заметил Арос.

Джереми сдался.

— Отвезите меня обратно, — взмолился он. — Отвезите меня на работу.

Каллистра подняла руку, словно намереваясь закрыть его рот ладонью:

— О нет, Джереми, не говори...

Резко повернувшись, монарх поневоле Джереми Тодтманн направился к машине и... остановился как вкопанный. Элегантное авто по-прежнему стояло у бордюра, но оно... растворялось в воздухе!

Агвилана и его спутница поспешили схватить его за руки.

— И даже лучшие воспоминанья смывает времени безжалостный поток, — вкрадчивым тоном произнес Арос.

Они подошли к лестнице, которая вела к темному дверному проему. Это и в самом деле был некий клуб, только вот Джереми показалось, что на висевшей над входом вывеске значилось совсем не то название, о котором упомянул Арос. Вывеска была не освещена, а поднимались они

довольно быстро, так что Джеремиа не успел прочесть его. Несмотря на царивший кругом полумрак, он отметил, что фасад дома напоминает стиль двадцатых годов. Сам Джеремиа никогда не посещал подобных заведений и не мог припомнить, чтобы кто-нибудь из сослуживцев рассказывал о клубе с таким названием.

Швейцара в дверях не было. Арос разжал ладонь, однако если бы в тот момент Джеремиа решил спастись бегством, этому воспрепятствовала бы Каллистра, которая продолжала держать его за руку чуть выше локтя.

Распахнув перед Джеремией дверь, Арос отвесил поклон и изрек:

— Входи, о жаждущий знания.

Каллистра мягко подтолкнула Джеремию, и тому ничего другого не оставалось, как принять приглашение.

Когда Джеремиа миновал вырезанную из картона фигуру швейцара, в нос ему ударил сухой пыльный воздух, и он закашлялся. Он не ожидал оказаться в крошечной темноте. В отличие от подвала или автомобиля, где кругом сновали какие-нибудь тени, здесь было темно, хоть глаз выколи. Он уже порывался поинтересоваться у Каллистры, туда ли они попали, но они с Аросом, который снова занял место рядом с Джеремией, держались как ни в чем не бывало.

— Ну, вот мы и на месте, — минуту спустя сказал Арос. Зажглась тусклая лампочка, осветив незамысловатый интерьер.

Место показалось Джереми крайне неказистым, особенно после «роллс-ройса». Это был какой-то заброшенный бар, о существовании которого, очевидно, давно забыли все, включая тех, кто довел его до столь плачевного состояния. У дальней стены виднелась стойка, отделанная зеркальными панелями, на которую, впрочем, за неимением верхней крышки, невозможно было ничего поставить. Где когда-то были осветительные приборы, теперь торчали пустые, выпотрошенные патроны. Из-за того, что зеркала все были в грязноватых потеках и какие-то деформированные, отражавшиеся в них фигуры вошедших казались такими же зыбкими и ускользающими, как городские здания, какими они предстали недавно взору Джереми.

— Дом — это то место, где вы вешаете свою шляпу, — с усмешкой заметил Агвилана.

— Нет ничего лучше дома, — буркнул Джереми.

Они посмотрели на него так, точно он только что раскрыл для них тайну бытия. Смерив Джереми пристальным взглядом, Агвилана наконец отпустил его. Этот вампир из второсортного фильма ужасов пересек комнату, при этом он рассматривал какие-то вещи и предметы, видеть которые, очевидно, было дано только ему, поскольку от глаз Джереми Тодтманна они были скрыты. Дойдя до стойки, он повернулся и улыбнулся новому королю.

— Я бы рекомендовал вам обзавестись высокой, сдержанной спутницей, но рядом с вами уже есть прекрасная Каллистра с ее талантом.

Джеремиа хотел улыбнуться в ответ, но не смог, почувствовав, как напряглась рука Каллистры. Не обращая на нее внимания, Арос перегнулся через стойку и, к изумлению Джеремиа, извлек откуда-то бутылку виски и три высоких бокала. Установив бокалы в ряд на кромке стойки, он разлил виски, при этом ни один из бокалов даже не шелохнулся.

Бутылка исчезла. Арос подал знак Каллистре, и она, оставив Джеремиа одного, с видимой неохотой подошла к нему. Взяв из его рук бокалы с золотистой жидкостью, стройная женщина вернулась к Тодтманну. Арос поднял свой и пригубил из него.

— Возможно, оно покажется вам немного суховатым. — Он сдавленно хохотнул.

Каллистра протянула бокал Джеремиа. Приняв из ее рук бокал, Джеремиа не торопился выпить его содержимое. Вначале он внимательно взгляделся в лицо своей спутницы. Он вовсе не был телепатом, однако Каллистра явно не умела скрывать свои эмоции, а теперь на лице ее были написаны тревога и надежда, причем и то и другое было каким-то образом связано с содержимым бокала, который Джеремиа держал в руке. Тодтманн недоверчиво покосился на странного бармена, который потягивал из бокала с таким видом, будто там превосходное

шампанское. В глазах его можно было прочесть алчное нетерпение... и это тоже относилось к бокалу Джереми.

Джереми еще какое-то время сомневался, наконец напомнил себе, что эти двое уже давно могли разделаться с ним. Похоже, они не шутили насчет его избрания каким-то королем — интересно, какова будет реакция Моргенстрёма, когда Джереми расскажет, где пропадал все это время? «Мистер Моргенстрём, вы не знакомы с моими подданными? На первый взгляд они немного странные, но в сущности очень милая пара».

Джереми пожал плечами и осушил бокал. Он был не особенным любителем выпить — до него начало доходить, что он вообще *ничем* не был особенным, — однако Джереми был уверен, что это самое мягкое на вкус виски в мире. Не осталось даже привкуса горечи, из-за чего прежде он всегда в подобных случаях озирался по сторонам в поисках стакана воды.

Каллистра и Арос сияли.

Если бы наградой за пьянство неизменно служили объятия очаровательной женщины, у каждого алкоголика давно была бы белая горячка. Джереми заставил себя терпеть сладкую пытку так долго, как того желала Каллистра, даже рискуя быть облитым виски из ее бокала, который она прижимала к его измятому пиджаку. Единственным отрицательным моментом ситуации был Арос Агвилана, которого Джереми

видел сквозь волосы Каллистры. У тощего был очень довольный вид, но доволен он был прежде всего собой.

— Мои поздравления, Ваше Величество, — сказал он, в руке его вновь, откуда ни возьмись, появилась сигарета.

Каллистра, словно пораженная, отпрянула. Она не смотрела ни на одного из своих спутников. Тодтманн понял, что она снова смутилась. И причиной этого смущения был он. В прежние времена его присутствие вызывало у женщин в лучшем случае скуку.

Агвилана с наслаждением затянулся, после чего сигарета вновь растаяла в небытии, из которого за секунду до этого и материализовалась. Джереми зажмурил глаза. Либо Арос был классным фокусником, либо сигареты исчезали таким же образом, как исчез «роллс-ройс»... а он как исчез?

Как в Сирс-тауэр попали морские чудовища?

— Итак, как я уже говорил, чтобы понять вкус пудинга, надо его отведать. Теперь вы вполне, вполне готовы...

В этих словах прозвучали обертоны куда более зловещие, чем были в голосе Агвиланы до сих пор.

— Я не понимаю. Готов к чему?

— Они не хотели торопиться, давить на вас. Мы знаем, как это бывает. Переход для некоторых оказывается делом трудным, для других — невозможным. Если на вас навалится сразу все...

знаете, может найтись последняя соломинка, которая сломит спину короля.

Джеремя предпочел бы, чтобы Арос прибегнул к менее неприятным аллюзиям, чтобы там хотя бы не упоминались увечья и смерть.

— Кто это «они»?

— Кое-кого из них вам доводилось встречать — нижайших из них, бедные угнетенные массы, которых можно было бы назвать эфемерными. — С этими словами Арос Агвилана двинулся ему навстречу, и в тот же самый миг в помещении клуба разлилось серое предрассветное мерцание, которое Джеремя Тодтманн знал и которого страшился. За спиной у тощего как жердь живого мертвеца начали собираться неясные тени. Арос широко раскинул руки и продолжал: — Не более чем тени, не более чем скитальцы, не более чем докучные. Они здесь и не здесь... и несть им числа. — Он улыбнулся, обнажив страшные длинные клыки. — Но и другие тоже здесь, их много, как песчинок в мире, коль смею так сказать.

«Однажды встретил я того, кто не был там, не мог бывать. На завтра я вернулся — но его там не было опять».

В положении Джереми Тодтманна вспоминать старые стишки было по меньшей мере глупо, но эти очень точно подходили к моменту. То есть они точно подходили к Аросу Агвилане. Джеремя начал медленно, бочком, продвигаться к выходу. Если его подозрения верны, то без *этой* короны он обойдется.

— Прошу тебя, не надо, — услышал он шепот Каллистры, стоявшей у него за правым плечом. Джеремия вздрогнул. Как ей удалось подойти так, что он даже не заметил? Впрочем, чему тут было удивляться? Разве не она играла с ним в прятки сначала в поезде, а потом в городе?

— Ложится тяжестью корона на чело, Джеремиа Тодтманн, — продолжал ничего не упускавший из виду Арос. Серый свет заливал теперь всю комнату, кроме того места, где стоял монарх поневоле. — Ваше Величество, не следует страшиться ничего, но только страха следует страшиться. Мы всего лишь ваши смиренные слуги.

Каллистра отошла чуть в сторону и сделала реверанс. Арос склонил перед ним голову.

— Мы, — сказал он и театрально взмахнул рукой, — мы — Серые.

Помещение клуба мгновенно заполнили видения из всех кошмаров, которые когда-либо преследовали Джеремию и которые ему только предстояло увидеть... или не увидеть. По сравнению с ними морское чудище показалось ему просто примитивной тенью. То, что окружало Джеремию теперь, постепенно приближаясь и нарастая, давало новые оттенки слову «страх».

Это, если верить словам Ароса Агвиланы, и были его подданные.

Увидев то, что увидел, то, что жаждало стать отныне частью его существования навеки, новый король Серых сделал единственно возможное в его ситуации.

Он упал в обморок.

— У строился как мышь в сыре, — вполголоса произнес Арос Агвилана, глядя на умиротворенную фигуру нового монарха. Джеремиа Тодтманн, скрестив на груди руки, лежал на диване весьма замысловатого фасона, но сильно потрепанном, под головой у него была подушка.

— Он выглядит таким живым, что я почти хочу его коснуться — проснется ли?

Арос перевел взгляд на женщину, стоявшую у другого края дивана.

— Он проснется, Каллистра, и не желаю я пока что этого. Пусть отдыхает наш король, пока он не решит проснуться сам.

Каллистра надулась. Это было хорошо сделано — его школа.

— Я знаю тебя, как свои пять пальцев, дорогая, — продолжал Арос. — И я боюсь, что ты не вложила сердца в свою работу.

— Я хочу получить от жизни все, Арос. То, что мы с ним делаем... оправдывает ли цель средства?

Их взгляды встретились над безжизненным телом венценосной особы. За исключением пространства, занимаемого ими тремя, все помещение клуба было погружено в тень. Это не были Серые — просто темнота, которую решил на время впустить Арос Агвилана. Остальным Се-

рым придется подождать. В конце концов, все-
му свое время.

— Каллистра, ты хочешь видеть солнце, под-
ставлять лицо ветру, петь песни под дождем?
Ты хочешь уснуть и видеть сны, быть может? —
Глаза его сверкнули ледяным холодом. — Я хочу.

Каллистра протянула руку, но не стала касать-
ся Джереми. Она посмотрела на его безмятежное
лицо, перевела взгляд на мерно вздымавшуюся
грудь.

— Этого, и не только этого.

— В таком случае ты должна заставить его по-
верить в тебя так, чтобы для него не было жиз-
ни без тебя. Ты должна заставить его поверить,
что ты и есть сама жизнь.

— Поверь лишь очень сильно, и невозможное
возможно станет, — прошептала Каллистра с
надеждой в голосе. Сказать, что она вся свети-
лась, значило бы дать буквальное описание.

— Да... — Долговязая тень начала отступать в
темноту. — Жизнь, моя дорогая, такова, какой
делает ее король. Помни об этом.

Каллистра кивнула. Она встала возле дивана
так, чтобы новый монарх, когда проснется,
прежде всего увидел ее лицо. Неспособная уста-
вать, она могла стоять так бесконечно долго,
пока он ее не заметит. Это было одно из очень
немногих преимуществ — если можно их так
назвать, — которыми обладали Серые.

— Вера, Каллистра, — донесся до ее слуха
из тьмы голос Ароса. — Вера двигает горами.

Скрестив руки на груди, Каллистра, не сводя глаз с умиротворенного лица Джереми, снова кивнула.

— Но не Серыми, — шепнула она.

Какая-то часть существа Джереми Тодтманна желала проснуться, другая — не желала. Он слышал гул голосов, но не признавал, что они говорили. Мозг будто был закрыт тяжелым занавесом, и Джереми пытался его отодвинуть, и занавес поддавался, но очень туго.

Наконец Джереми удалось открыть глаза, и они тут же наполнились чудным образом испуганного, но заботливого лица Каллистры, склонившегося над ним. Он подумал, сколько это она так над ним нависает.

— Оправился ли ты?

— Что со мной было?

— Ты рухнул ниц, без чувств, поскольку Арос... — начала она.

— Если ты снова собираешься изъясняться стихами, лучше замолчи.

Он вздрогнул от острой боли в правом виске. Джереми принялся тереть висок ладонью, потом заметил, что Каллистра молчит. Когда он снова посмотрел на нее, то увидел, что она насупилась, точно капризный ребенок. Тодтманн пожалел о своих словах.

— Извини. Я вовсе не хотел тебя обидеть. Просто боюсь, что, учитывая мое состояние, я не смогу понять тебя. Понимаю, я могу пока-

заться тебе назойливым, и все же — почему ты так говоришь?

— Мои слова — лишь тень от слов людских... — Увидев, как исказила гримаса лицо Джереми, Каллистра осеклась, потом добавила: — От старых привычек трудно избавиться.

Это тоже был штамп, но хотя бы вразумительный. Не отнимая ладони от виска, Джереми огляделся, однако ничего, кроме дивана и склонившейся над ним женщины, не увидел. Их окружала сплошная тьма, но по крайней мере такая тьма, которую он привык видеть. Не было даже признака серости, где обитали тени.

— Мы еще в клубе?

— Да, — ответила Каллистра и улыбнулась. Казалось, ей самой понравилась краткость ответа.

Меж тем боль не унималась.

— Что у меня с головой?

Улыбка слетела с ее губ, и она, точно сделав над собой усилие, скованным голосом произнесла:

— Ты ударился, когда потерял сознание.

— Ну и великого же короля вы себе нашли.

— Да. — На сей раз ее улыбка не относилась к ее ответу. Джереми понял, что она просто соглашается с его словами и что она не слышала заключенного в них сарказма.

Боль начинала стихать, но теперь Джереми почувствовал во рту неприятный привкус пыли. Неудивительно при состоянии этой комнаты.

Ощущение было такое, будто у него во рту уже несколько недель не было ни капли воды.

— Здесь найдется немного воды? Я бы даже выпил еще чуть-чуть того виски.

Небесное создание пошевелилось, но не стало выполнять его просьбу. Кажется, она растерялась.

Джеремиа, который и сам пребывал в плачевном состоянии, добавил:

— Бутылка была за стойкой. — Он хотел показать рукой, но в темноте не смог угадать правильного направления. — Там где-то...

Каллистра наконец повернулась, сделала шаг вправо, и ее поглотила черная крошечная пустота. Поглотила так быстро, что в памяти Джеремиа снова ожили зловещие картины булькающего и переливающегося через край кофе. Тодтманн невольно съежился. Вслед за кофе потянулись другие нежелательные воспоминания — прежде всего о том, из-за чего он свалился без чувств.

Окружавшая Джеремиа темнота внезапно перестала действовать на него успокаивающе. Теням — или, как называл их Арос, Серым — может быть, вовсе не требовались для существования сумерки. Разве не было их на Юнионстейшн и в офисе? И сейчас они могли следить за ним...

Он вздрогнул, когда что-то возникло из тьмы, но это была Каллистра. Не обращая внимания на его испуг, она пристально разглядывала высокий бокал у себя в левой руке. В другой, слегка заведенной назад, была бутылка. Джеремиа

только теперь заметил, что одета она не так, как до того момента, когда он потерял сознание. Теперь ее гардероб был более современным — строгий черно-белый деловой костюм, но такого покроя, что лишь подчеркивал ее удивительную женственность. Беспокоило только одно: он был уверен, что на поиски бутылки она отправилась в своем старом облачении. Но в этом месте точность восприятия была понятием относительным.

И тут Джереми Тодтманну стало очевидным то, в чем он до сих пор отказывался признаться самому себе.

«Она действительно одна из Серых...»

Когда он принимал из ее рук бокал, его рука дрожала. Каллистра улыбалась, но взгляд ее был потуплен. Догадалась ли она, о чем он думает? Чувствуя себя виноватым, он, не глядя, проглотил содержимое бокала...

...и тут же принялся отплевываться, набрав полный рот пыли. На ум пришла вполне в духе Серых мысль о знаменитой пустыне Сахаре, но он подавил ее, не дав слететь с его языка.

Каллистра попятилась. Бутылка выскользнула из ее рук и разлетелась осколками по полу. Вместо лужи от давно пересохшего сосуда взлетело лишь облачко пыли.

«Оно покажется вам немного суховатым...»

— Почему это?..

— Каллистра! — От ровного голоса Ароса Агвиланы почему-то затихли все остальные звуки. Удрученная Каллистра отступила в пустоту. Ког-

да ее не стало, из той же пустоты соткалась долговязая фигура Ароса. Он поклонился Джереми, затем сокрушенно покачал головой:

— Вы должны простить ее. Ее сердце в... в том месте, где ему положено быть. Воображаю ужас тех терзаний, которые она на себя навлекла.

— Но зачем?.. — Тодтманн закашлялся. — Зачем ей было давать мне вместо виски этот стакан с пылью?

— Ей не хватило способности постигать суть вещей. Она лишь повторяет то, что делалось раньше, что среди нас совсем не редкое явление.

— Я не понимаю.

Арос жестом предложил ему встать.

— Чтобы понять Каллистру, вы должны понять Серых. Идемте со мной.

Джереми подошел к сухопарой фигуре. Арос протянул ему одну из своих магических сигарет. Джереми отказался. Ароса это, кажется, не огорчило.

— Позвольте мне показать вам кое-что. — Арос затянулся и выдохнул струю дыма прямо в лицо своего монарха. Будущий король тут же закашлялся и зачихал. Арос мимолетно улыбнулся и снова вынул изо рта горящую сигарету. — Возьмите это.

Джереми протянул руку и взял сигарету... вернее, попытался взять. Как он ни старался, *коснуться* ее он не мог. Даже когда кончики его пальцев должны были собраться на горящем конце, Джереми не чувствовал жара. Ничего.

Сигарета была более иллюзорной, чем поднимавшийся от нее дым.

— Как вы это делаете?

— Иллюзия.

— Так вы иллюзионист? — В душе у Джереми шевельнулась надежда. — Все это только иллюзия?

Арос улыбнулся, на этот раз в его улыбке был оттенок горечи.

— В каком-то смысле все это иллюзия, включая меня.

— Вас? — Рука Джереми, почти помимо его воли, потянулась вперед, к демонической фигуре Ароса. Пальцы коснулись материала, из которого был сшит сюртук Агвиланы, ощутили под ним упругую плоть. Вполне солидная иллюзия. — Вы вполне настоящий.

— Благодарю вас. — Арос был искренне польщен комплиментом. Он выронил сигарету, которая мгновенно растаяла в воздухе, и взял Джеремию под руку. — Я полагаю, пора начать экскурсию. Время мне перейти от слов к делу и слегка объяснить вам, как устроен мир Серых... и заодно то, почему избрали вас.

Джереми попытался высвободить руку.

— Я хочу вернуться на работу... если только еще не слишком поздно. А если поздно, просто верните меня на Юнион-стейшн.

— Позднее, чем вы полагаете. Вчерашний день не догонишь. — Меловое лицо Ароса исказилось гримасой досады от собственной банальности.

— Вчерашний день не... Вы хотите сказать, что я пролежал без сознания целые сутки?

— По вашему счету времени, — сказал Арос и более миролюбивым тоном добавил: — Решительно лучше будет, Ваше Величество, если вы позволите мне показать вам ваше королевство.

— Я... не... желаю... его... видеть!

Джеремия снова попытался высвободить свою руку, но хватке Ароса, несмотря на его худобу, могла бы позавидовать даже Каллистра.

— Я настаиваю. — Арос Агвилана щелкнул пальцами.

Перед ними соткалось кресло. Не какое-нибудь обыкновенное кресло, а высокий и тщательно украшенный трон вроде того, на котором, в представлении Джеремии, сидела королева Англии. Даже стоя, Джеремия не доставал до его спинки. Повсюду кроме тех деталей, которые скрывала мягкая обивка, была резьба, выгравированные драконы, рыцари, какие-то фантастические создания, которых Джеремия смутно припоминал по детским книжкам. Он не мог бы сказать точно, сделано ли кресло из твердого дерева или вырезано из камня, поскольку оно было окружено неким зыбким сиянием, аурой, на которую невозможно было долго смотреть пристально.

Из-за спинки трона выступила Каллистра. На лице ее теперь не было и следа бывшего смущения. Она была такая же, какой явилась ему в самый первый раз, разве что теперь показалась

ему более живой. Джеремиа, забыв о троне, не мог оторвать от нее глаз.

— Пройдемте сюда, — мягко, но настойчиво приказал Арос.

Он подвел Джеремию к трону. Каллистра повернула его, чтобы он ссел. Она не произнесла ни слова, однако на губах ее блуждала улыбка. Тодтманн невольно улыбнулся в ответ. Ему было трудно доверять такому, как Арос Агвилана, но в ней было нечто такое, что невозможно было не хотеть ей поверить.

— Трон, достойный короля! — воскликнул Арос и отвесил глубокий поклон. По другую сторону трона Каллистра сделала реверанс.

Джеремиа впервые почувствовал, что готов забыть о своих возражениях. Трон был будто сделан на заказ, а ослепительное сияние, казалось, отбрасывало лучи и на него. Что предстояло ему в прошлой жизни? Работа? Одиночество? Мало кого не соблазнила бы мысль стать королем, и Джеремиа Тодтманн был не из них.

— Ваше Величество, перед вами открываются необозримые горизонты, — с этими словами Арос Агвилана махнул рукой куда-то в темноту.

Откуда-то хлынули звуки музыки. Это была легкая камерная музыка, однако звучала она как-то траурно, словно оркестранты явились на концерт после тяжелой депрессии. Джеремии показалось, что играют что-то французское, но этим его познания и ограничивались.

— Вы можете быть там, где пожелаете, можете отправиться в любое место. Мир Серых не имеет границ.

Французскую музыку сменила восточная, затем — африканская, следом — испанская, и так далее, и так далее. Концерт был бы по-настоящему восхитительным, если бы не своеобразная игра оркестрантов, приводившая к прямо противоположному результату, нежели тот, которого, по-видимому, желал достичь Арос Агвилана. В итоге первоначальный порыв Джереми Тодтманна быстро развеялся.

Каллистра наклонилась к нему, и ее близость вновь пробудила сомнения в его душе.

— Как хорошо в Париже весной...

От тона, которым она произнесла эти слова, любого мужчину бросило бы в краску — то есть кроме Ароса Агвиланы.

Костлявый вампир ткнул пальцем в темноту, и перед ними возникла целая груда сокровищ, излучавших неземной свет, который мог бы соперничать по яркости с тем, что исходил от трона.

Там были бриллианты, золото, серебро, шедевры искусства, долларовые купюры, меха... с каждой секундой груда увеличивалась и менялась. В ней было все, что ценили (в денежном выражении) люди. Вина, ювелирные украшения, даже электронное оборудование, приобрести которое некогда мечтал Тодтманн. Это был суший рог изобилия материальных богатств.

Наконец он не выдержал и спросил:

— Но почему я? Почему все это мне?

Гора несметных сокровищ тут же растворилась. Арос привычно извлек из пустоты очередную сигарету.

— Потому что вы — король.

Едва он произнес это, мир стал Серым.

Джеремя Тодтманн внезапно обнаружил, что трон его стоит на каком-то возвышении, а вокруг разворачивается странный бал, подобного которому он не видел ни разу в жизни.

Кружились захваченные танцем тени, причудливые силуэты, напоминавшие мужчин и женщин. Они кружились с каким-то остервенением, не вполне согласуя свои движения с ритмом музыки, которая при своей кажущейся игривости тем не менее смахивала на ту, что Джеремя уже слышал раньше. Она не веселила, она напоминала о грусти.

Теперь в помещении клуба стояли столы и стулья, обстановка напоминала подпольный ночной бар времен сухого закона. Тодтманн видел такие в бесчисленных гангстерских фильмах. Было и освещение. Не то чтобы очень яркое, но уже не просто серые сумерки. Словом, освещение было достаточным, чтобы увидеть, что если само помещение клуба напоминает бандитский притон, то его обитатели скорее являются собой персонажи фильмов Рода Серлинга.

Хотя здесь, в клубе, не было тех кошмарных видений, с которыми Джеремя сталкивался

прежде, публику никак нельзя было назвать заурядной. Существо с длинной, как у жирафа, шеей и головой, похожей на человеческую, из угла наблюдало за танцующими. Рядом с возвышением за столиком одиноко сидела обезьяноподобная тварь, взирая на бокал с вином, который только что материализовался из ничего. Глаза ее плотно сверкали, однако она не пыталась взять бокал, только глядела во все глаза.

С потолочных балок свешивались какие-то гады, напоминавшие летучих мышей. Теперь в клубе была настоящая стойка, за которой угадывалась знакомая фигура бармена с волчьим лицом — того самого, которого Джереми видел в кафе. Были и другие, больше похожие на людей. Видимо, не все Серые были бесформенными тенями или фантастическими чудищами. Некоторые, похожие на сказочных эльфов, сидели за непонятно откуда появившимися столиками. Другие — коренастые или, наоборот, худые и поджарые, одетые на манер панков, — разгуливали по залу. Клуб стал похож на роман-фэнтези, где действие пошло в разнос.

Не все Серые были фантастическими чудищами, но некоторые были. Некто, напоминавший тролля, слонялся по залу без всякой видимой цели, что, судя по поведению других, было популярным времяпрепровождением среди народа теней. Что-то слишком похожее на смертельную кофейную лужу подползло к одной из нормальных теней, и та исчезла. Были и такие, которые

точно сошли с полотен Дали или Эшера. Чудовищные твари появлялись и в мгновение ока исчезали. Актеры менялись с такой быстротой, что Джеремиа вскоре оставил попытки за ними уследить. Он только надеялся, что никто из этой странной публики не будет проявлять излишнего любопытства к простому смертному.

Смертному, который оказался их королем.

По-прежнему играла музыка, и хотя она казалась живой, настоящей, оркестра нигде не было видно. Каждый мотив начинался весело, но всегда в нем были обертоны, из-за которых он выходил к концу траурным и лишенным надежды. Несмотря на это, танцоры продолжали танцевать, другие потягивали напитки или пристально взирали в никуда. Почти никто не разговаривал.

Это было гнетущее зрелище. Было не похоже, чтобы кто-то из участников праздника действительно получал удовольствие. Они двигались, словно не отдавая себе отчета в том, что же они делают.

— Добро пожаловать в «Бесплодную землю», нареченную так магистром Томасом О'Райаном... Что имя? Звук пустой! И клуб все так же темен, как...

— Почему вы все — вы, Каллистра, ворон — почему вы разговариваете вот так? — в который уже раз спросил свежеиспеченный монарх.

— Рифмы без смысла? Штампы без мысли? — Тень кадавра вышла вперед и показала на себя. —

Джеремиа Тодтманн, ведь мы почти полностью пародии. Мы ваши мысли, ваши мечты, ваши кошмары, вызванные к жизни. Мы ваши причуды и тайные фантазии. Мы ваши ид и эго. Бледные отражения тебя, такого, каков ты есть, каким ты был и каким будешь. — Он обвел зал рукой, указав на танцующих и остальных Серых. — Ваше племя создавало нас на протяжении тысячелетий, постоянно изменяя по мере того, как изменялись вы. Мы марионетки, а поскольку мы марионетки, на языке у нас лишь ваши слова. — Смертельная маска Ароса нависла над лицом Джеремии. — Мы — Серые, накопленное за тысячи и тысячи лет сознание и подсознание Человечества. — Арос улыбнулся и обнял Тодтманна за плечи. — Вы сделали нас такими, какие мы есть.

Джеремии потребовалось некоторое время, чтобы постичь смысл сказанного Аросом, но даже после того, как он перевел слова последнего на более простой язык, ему было трудно в них поверить.

— Вы хотите сказать, что все вы являетесь продуктом воображения людей, когда-либо живших и живущих сейчас?

— Дай человеку сигару, — мрачно произнес сидевший за столиком обезьяноподобный тип.

— Можно сказать, мы столь же реальны, сколь ваши сны.

Вокруг с монотонной настойчивостью продолжали вращаться в танце тени, не замедляя и не убыстряя шаг, они снова и снова механически

повторяли каждое па. Давно звучала другая музыка, однако танцующим, судя по всему, не было до этого никакого дела, пары сливались и делились, но ни одна тень не удостоивала своего партнера взглядом. Тодтманн кожей чуял, как отчаянно им хочется радоваться. И точно так же чуял, что это у них не выходит.

Несмотря на успокаивающее присутствие рядом Каллистры, Тодтманн чувствовал, что нервы его на пределе. Может быть, неплохо было бы снова потерять сознание. Наиболее жуткие представители народа Агвиланы постепенно исчезали, но само помещение клуба и его парадоксальные хозяева вызывали нервное напряжение и довольно заметный страх. Да и как ему было не бояться? Реальные ли субстанции или плод его фантазии — вопрос, в котором у Джереми не было полной ясности, — Серые будили в нем давние детские страхи.

Но странное дело: наряду со страхом он испытывал к этим существам нечто вроде жалости. Тени, которые встречались на его пути раньше, тоже были довольно жалкими, но теперь, наблюдая за этой тоскливой пародией карнавала, Джереми задавался одним и тем же вопросом, зачем влачить такое безрадостное существование?

— Мы только это и делаем — существуем, Джереми Тодтманн, — проронил Арос, окидывая взглядом свой народ. — В незапамятные времена вызванные к жизни общими мечтами

и верованиями вам подобных. Человеческий мозг куда сильнее, чем кажется многим. Ваши мысли, ваши восприятия формируют мир. Действуя в неосознаваемом согласии, ваши мысли вкупе с естественными силами природы создавали нас. Мы существуем с тех пор, как человек впервые начал осознавать себя. Менялись лишь формы и образ мыслей, но суть наша оставалась прежней.

Джеремиа посмотрел по сторонам, и взгляд его упал на бармена с волчьим лицом.

— А как же он? Или, скажем, вы? Вы оба кажетесь вполне... вполне...

— *Настоящими* — это слово, которое вы ищете. — Арос Агвилана выбросил сигарету. — Когда-то мы с Вульфгангом удостоились чести быть отмеченными королями. Это придает нам силы и — в определенной степени — личностность, и чем дольше мы заключены в эту оболочку идентичности, тем дольше мы можем сохранять ее. Мой бедный друг, который сидит за столом, никогда не получал больше случайного внимания короля. Томас О'Райан признал его, даровал ему немного материальной сущности, но в целом для блаженной памяти Фомы Крестителя* он всегда оставался кем-то вроде домашней кошки. — В последних словах можно было уловить оттенок горечи.

Джеремиа мельком посмотрел в сторону несчастных танцоров и подумал о том, как похожа его жизнь на их бесплодное прозябание.

* Томас (Thomas) — англоязычный вариант имени Фома.

— Кажется, ты уже упоминал имя этого О'Райана.

— Томас О'Райан! — воскликнул Арос, и Джеремя даже подпрыгнул от неожиданности. От этого крика замерли завсегдатаи «Бесплодной земли», и Арос Агвилана обратился к ним. — Томас О'Райан! Ешь, пей и веселись, потому что завтра начнешь все сначала! Таким был добрый Томас! Он был нашим другом, не так ли?

Музыка возобновилась. Серые стали возвращаться к своему притворному веселью.

— Сами видите, какое наследство он нам оставил, — фыркнул Арос. — В его глазах мы были феями, эльфами — малым народом. Именно Томас нашел для нас этот клуб. «Бесплодная земля» назвал он его, потому что любил поэзию разных веков и считал, что эта поэма подходит нам как нельзя лучше.

Поглощенный беседой с Аросом, Джеремя Тодтманн тем не менее время от времени невольно отвлекался и озирался вокруг. В какой-то момент ему показалось, что краем глаза он увидел очень знакомую фигуру. Продолжая слушать, что говорил ему Арос, он скосил глаза туда, куда направилась эта фигура в белом облачении. Там, конечно, никого не было видно — это вообще было свойственно Серым, как уже стало понятно, — но Джеремя был почти уверен, что только что увидел мелькнувшую фигуру... Элвиса?

«Мы ваши мысли, ваши мечты, ваши кошмары, вызванные к жизни. Мы ваши причуды и тайные фантазии...»

Такие слова изрек его зловещий хозяин, но только теперь до Джереми начал доходить их тайный смысл.

«Сколько же здесь еще есть видений Элвиса? Или Лохнесского чудовища? Или... НЛО?»

И все они — Серые?

— Так значит, О'Райан был королем?

— Всего, что у тебя перед глазами, властитель Томас был, он правил нами.

После этого рифмованного ответа Арос вздрогнул. Он грозно посмотрел на Каллистру, словно ожидая, что она засмеется, но она отвела взгляд.

Джереми предпочел не заметить рифмы.

— И что же с ним случилось? — спросил он.

— Почил, как и все короли. Мы не можем даровать бессмертия, Джереми Тодтманн. Мы можем лишь отсрочить дату кончины.

Кое-кто из Серых больше не мог скрывать интереса к своему новому монарху. Танцующие приближались к трону. Несколько теней продефилировали у самого подножия возвышения. Некоторые из наиболее похожих на людей стали всматриваться в него со своих кресел. Одна женщина, удивительно похожая на Мэрилин Монро, даже подмигнула ему. Джереми ощутил, как Каллистра рядом с ним пошевелилась. Женщина быстро отвела взгляд.

— Фаворитка господина Томаса, — равнодушно заметил Арос, давая понять, что особа эта малоинтересная и не заслуживающая вни-

мания. — В душе он был хороший человек, но во многом слишком легкомысленный. В конце концов он оставил единственное ценное наследство. Вас.

— Но почему я?

— Истинная сила — в глазах смотрящего, — подала голос Каллистра, опережая Ароса. Видно, ей наскучило быть безучастным слушателем. — Томас сказал: «Арос! Вот человек, который нужен вам!»

Угрюмый манекен какое-то время молчал, затем согласно кивнул и проронил:

— Да-а... так оно и было. Он искал кандидата по всему свету и наконец нашел вас.

Справедливости ради стоит отметить, что никто никогда еще не отзывался о Джереми Тодтмане как о человеке настолько ценном. Даже его родители. И уж, конечно, не Моргенстрём или женщины, с которыми он изредка общался. Он не мог не распухнуть слегка от гордости.

— А что значит быть королем?

— О, если бы я был королем мира сего... — В руке у Ароса снова возникла сигарета. Джереми обратил внимание, что иногда Агвилана даже не утруждал себя тем, чтобы делать вид, будто курит, — просто держал сигарету в руке. Он был рабом своих фантазмов, как многие люди являются рабами вредных привычек. На самом ли деле он ощущал себя более причастным к человечеству, притворяясь курящим, или ничем не отличался от окружавших его теней,

которые монотонно и безрадостно повторяли одни и те же движения, едва ли понимая, что делают?

— Хотя мы и есть не более, чем порождение людской фантазии, и у нас присутствует некое подобие воли, Джереми Тодтманн. Сформированные в виде эльфов и фей людских мифов, мы могли стать лишь тем, чем должны были стать. Наделенными умом и вековой мудростью. Во многом почти превосходящими своих создателей... *почти*. — Арос сделал затяжку. — *На самом деле* мы ведь не можем стать умнее их, верно? В конце концов, мы всего лишь несчастные копии.

В его голосе сквозила затаенная горечь, обида, однако сам Арос, видно, не заметил этого. Джереми была понятна эта горечь.

— Мы понимаем себя чуть лучше, чем понимают нас люди, и это наша заслуга. Кого-то человеческие мифы и поверья наделили собственным разумом, и эти немногие пришли к осознанию всего трагизма нашего существования. Люди менялись, и с ними менялись мы. Воспоминания о том, чем мы стали, оставались далеко в прошлом, на смену им приходили другие — о том, чем мы станем в будущем. Мы были в буквальном смысле летучими соединениями, меняющимися в соответствии с людскими верованиями. День за днем, ночь за ночью. Бессмертны были мы, но вечные рабы чужих капризов.

Кому понравится вечно менять обличье, повинувшись чужой фантазии? Джеремиа попробовал представить себе, как бы он себя при этом чувствовал. И все же, какое отношение это имело к нему? Что может изменить он, даже будучи избран королем? Джеремиа Тодтманн никогда не отличался особенно быстрой сообразительностью, однако в голове у него уже начинало складываться представление о здешних порядках. Но он молчал; он хотел получить ответ из уст Ароса.

— В мире куда больше силы, чем люди себе представляют. Силы, которую в дни древности твоего народа называли бы *магией*. Сегодня, в более просвещенные времена, вы склонны считать это альтернативной формой энергии, которую может черпать подготовленный разум.

По правде говоря, Тодтманн до сих пор предпочел бы назвать то, о чем говорил Арос, *магией*. В науке он не был особенно силен.

— Несколько Серых, объединившись, обнаружили, что они также могут управлять этой естественной силой. Мы способны творить собственную магию. Этого недостаточно, чтобы получить то, что мы хотим, но достаточно, чтобы привести к нам того, кто *может*.

— Вроде тебя, — шепнула Каллистра, склонившись к уху Джеремии.

Он оглядел мир Серых и увидел, как они из всех сил пытаются сохранить какое-то подобие «я». Даже самые страшные из них при такой точ-

ке зрения становились не такими страшными. Они не могли изменить свою природу. Но они пытались.

Последний фантазм Ароса Агвиланы растаял, обратившись в облачко дыма. Худощавый Серый сцепил на груди ладони, отчего сделался похожим на телепроповедника. Понимая, что даже Арос является созданием слабостей Человечества, Джеремиа не поставил такое позерство ему в вину.

— Да, вроде вас. Мы существуем в мире, который где-то перекрывается с вашим. Мир снов — мир теней. Не мир света, но и не мир тьмы. Один из первых живших на земле людей дал нам имя — одна из немногих вещей, что воистину наши. Он был одним из наших королей.

Люди пропадали во все времена. Большинство из них были просто жертвами коварства или несчастных случаев; в конечном итоге их находили мертвыми. Однако другие, умеющие воспринимать мир так, как было недоступно большинству, случайно натыкались на сумрачные места, где обитали Серые. Среди них были те, которых собратья знали потом как колдунов; других считали просто сумасшедшими. То, что случалось с людьми, пойманными миром Серых, дало решение для проблемы преодоления непостоянства духа и плоти. Люди, зная лишь пути мира своего, не понимали текучести Серых, а потому верили, что те обличья, в которых являются обитатели призрачного мира, даны им раз и навсегда. Серые же, к соб-

ственному удивлению, обнаружили, что люди, случайно попадавшие к ним в тенёта, оказывали большее воздействие на их форму, чем все, живущие только на истинной Земле, вместе взятые.

Разумеется, не всегда Серые были довольны вариантами, которые им навязывали. Потому они работали над магической формулой, которая позволила бы им защитить свое царство — для этого требовалось найти одного единственного человека — мужчину или женщину — с более или менее просвещенным умом, кто понимал и принимал бы их такими, какие они есть. Они не могли противостоять собственной текучести, изменчивости — здесь они были бессильны, но будь над ними избранный повелитель, они по крайней мере обрели бы большую устойчивость, возможность развиваться в направлениях, прежде для них заказанных.

Они могли стать почти реальными.

— Мы могли бы создать собственное общество, которое позаимствовало бы у человечества только самое лучшее, — продолжал Арос. — И положить конец пустой той пьесе, что видишь ты вокруг.

Но самые лучшие планы мышей, людей или Серых не всегда сбываются, как задумано. Заклинание вначале действовало — в определенной степени, призывая в мир теней избранных людей. Но каждый раз в избранном типе возникали все большие отклонения, так быстро растущие отклонения, что они выходили из-под

контроля. Бывали короли, равнодушные к судьбам Серых, короли, которые находили их отвратительными или видели в них лишь забавные игрушки... а народ теней никак не считал себя игрушками.

— Что было дальше? — спросил Джеремиа, когда Арос сделал слишком уж долгую паузу. На периферии его зрения продолжали двигаться тени: миниатюрные крысы с копьями и в доспехах, фигура в окровавленном комбинезоне и маске хоккейного вратаря (кажется, он пялился на Джеремию только что), ребенок с конусообразной головой, похожий на персонаж комиксов.

Розовый заяц, колотящий лапами по барабану?

Кажется, именно двадцатый век наградил Серых самыми немыслимыми из всех обличий.

— Разумеется, дело было в самих королях. Будучи людьми, они воздействовали на нас и на собственно заклинание. Магическая формула менялась, она становилась вещью в себе — но и вещью для тех, кого избирала сама. Снова от нас ничего не зависело: все было подчинено капризам королей и непредсказуемости чар, так что никогда нельзя было знать заранее, кто придет следующий. И так и повелось с тех пор.

Очевидно, больше рассказывать было нечего — Арос Агвилана почтительно склонил голову. Каллистра хлопнула в ладоши, сигнализируя окончание речи, но этого, похоже, никто не

заметил, если не считать сидевшего за столиком приматообразного, который едва заметно кивнул головой. Большинство, видимо, не заметили даже ее начала. Некоторые не замечали вообще ничего.

— Стало быть, я и есть тот самый избранник. О чем я подумаю, тем вы и станете?

Каллистра коснулась его плеча:

— В тебе есть то, что сделает нас большим, чем мы были. Ты можешь сделать нас всем, чем мы можем быть.

— Вот почему мы пришли к вам, вместо того чтобы дать вам случайно наткнуться на нас. — Арос склонил голову набок. — А вы бы наткнулись. Однажды испытав прикосновение силы, вы не могли бы к нам не прийти.

Как и раньше, Джеремия Тодтманн почувствовал, что его гостеприимный хозяин чего-то недоговаривает. Арос был таинственным созданием. С многими тайнами.

— А вы? Вы мой проводник?

— Да, я пришел, чтобы показать вам здешние пути. — Арос не скрывал, что ему нравится ход мыслей Джеремии. Он повернулся к бару: — Вульфганг! Налей-ка нам!

Тодтманн, вспомнив о своем последнем печальном опыте с виски, попробовал отказаться.

— Мой повелитель, вы должны простить Каллистре ее оплошность. Она сделала все, что могла, но не знала, как. Если правду сказать, то первый выпитый вами бокал... он был столь же сух.

Пусть Джеремиа и не был знатоком по части выпивки, однако виски от пыли он мог отличить. Виски было влажным.

Видя, что его терзают сомнения, Арос попробовал объяснить:

— Здесь нет настоящей пищи. Все, что мы едим, пьем — и курим, — всего лишь воспоминания о вещах, которых давно нет. Первый бокал был для вас испытанием: если вы видели виски, обоняли его и чувствовали его вкус, значит, вы вошли в наш мир.

— А второй раз?

— Каллистра переоценила свое умение. Она не столь сильна. Чтобы вызвать воспоминания, мы обращаемся к истории предмета, к *призраку* его прошлого, если хотите.

— Мне еще предстоит многому научиться, — промолвила бледная красавица.

У руки Ароса Агвиланы мелькнула тень, и в следующее мгновение в ладони его материализовался бокал, который он протянул Джеремии:

— Уверяю — на сей раз виски вам придется по вкусу.

Джеремиа принял у Ароса бокал и слегка взболтал содержимое. Образовавшаяся воронка живо напомнила ему о его злоключениях в подвале Сирс-тауэр и о Лохнесском чудовище. Он обвел взглядом помещение клуба. Серые пили вволю, поскольку тени наверняка не страдают ни похмельем, ни циррозом печени.

«Интересно, есть ли среди Серых розовые слоны и зеленые черти?»

Эта абсурдная мысль позабавила его, и он пригубил из своего бокала, забыв о пыли, которой попотчевала его Каллистра.

Виски и впрямь оказался хорош — ничуть не хуже того, которым в первый раз угощал его Арос, только сейчас черноволосая колдунья не вцепилась в его руку.

Когда он осушил бокал, ему вдруг показалось, что музыка стала другой. Впервые в ней зазвучали нотки почти жизнерадостные, вселявшие надежду. Танцующие заметно оживились; где-то завязался разговор. Некоторые настолько осмелели, что подходили к самому возвышению; они отваливали ему поклоны или приседали в реверансе, или просто складывались пополам, если их строевание не позволяло им ничего иного. Танцующие теперь смотрели не на своих партнеров, а исключительно на него — нового короля Серых. Особенно усердствовало привидение, похожее на Мэрилин Монро — она буквально пожирала его глазами. Джеремиа, несмотря на свои чувства к Каллистре, не мог не испытать от этого удовольствия.

Он напомнил себе, что обе эти женщины не настоящие, даже не живые в человеческом понимании этого слова; но люди — создания собственных чувств, а его чувства подсказывали, что обе — и Каллистра, и Мэрилин — очень, очень женственны.

Из-за всего этого еще труднее было сказать Аросу то, что он должен был сказать.

— Послушайте...

— Каллистра! Пусть танцует король!

И он уже танцевал. Он не вставал с трона и не сходил с возвышения, но уже танцевал в объятиях Каллистры. Часто заморгав от неожиданности, он остуился и едва не повалился на нее. Каллистра остановилась, чтобы дать ему попасть в ритм танца.

— Нельзя было предупредить? — буркнул он, стараясь не наступить ей на ногу.

От Каллистры исходил аромат свежих лилий. От ее улыбки у Джереми кружилась голова.

— Я боялась, что свой первый танец ты отдашь ей.

Джереми не нужно было объяснять, кого она имеет в виду.

— Нет, я пригласил бы только тебя, но...

Каллистра прижалась щекой к его щеке, и он на мгновение лишился дара речи. Музыка захватила их, и они закружились в танце. Джереми был настолько очарован своей партнершей, что не заметил, как несколько раз их путь пролегал буквально *сквозь* танцующие пары. Он знал только одно — в руках он держал женщину своей мечты.

Наконец он вспомнил о том, что хотел сказать.

— Каллистра, мы должны остановиться.

Она устремила на него пронзительный взгляд:

— Ты хочешь танцевать с ней?

— Нет, просто... — Он принялся озираться по сторонам. — Где Арос?

— Он готовит твою резиденцию. Разве ты не знаешь, что королю нужна резиденция?

Тодтманн раздумывал. Он вдруг обратил внимание на то, что манера ее речи стала другой, более привычной для его слуха. Она даже выглядела иначе... более материальной. Настоящей. Он не мог бы точно определить, в чем это выразилось. Просто теперь она казалась более реальной, чем прежде, включая те мгновения, когда она стояла подле его трона. В тот момент Джереми не мог припомнить в своей скучной, однообразной жизни ничего более реального, чем она.

Тем не менее он отказывался продолжить та-нец.

— Верни его. Я должен поговорить с ним.

Она не выпускала его из своих объятий.

— Что проку в разговорах? С этим можно подождать.

— Нет, нельзя. Именно ему я должен сказать — я уверен. Мне очень жаль, правда, но я *не хочу* быть королем.

Можно было предположить, что его отречение удивит, изумит Каллистру; чего он не ожидал увидеть, так это радостного выражения, которое появилось на ее лице, едва она услышала его слова.

— Я сказал что-то смешное?

Только теперь лицо ее приняло более подходящее случаю удивленное выражение.

— Так, значит, ты не шутишь? Ты сказал это совершенно серьезно?

— Разумеется, да.

— Но это предложение, от которого ты не можешь отказаться! — Она отпрянула и посмотрела на него так, будто впервые видела его. — Так не делают!

Джеремя скрестил руки на груди. По-прежнему играла музыка, только теперь она звучала более приглушенно. Вокруг по-прежнему кружились слившиеся в танце пары, но теперь они словно сознательно избегали приближаться к Каллистре и Джереми, и вокруг них образовалось столько свободного пространства, что здесь могло поместиться Лохнесское чудище.

— Я так делаю. Мне жаль, Каллистра, но я не могу быть частью этого мира.

— Но ты уже часть этого мира. — Она взяла его ладони в свои и вплотную приблизилась к нему. — У тебя билет только в один конец! Ты зашел слишком далеко, туда, откуда нет возврата! Ты не сможешь вернуться... даже если очень захочешь!

— Нет возврата?.. — Джеремя Тодтманн пожегся. Не может быть, чтобы она говорила всерьез. — Ты хочешь сказать, что я *вынужден* остаться здесь? Что путь назад мне заказан?

— Так гласят письма на стене. — Каллистра потупила взор. К этой знойной женщине-призраку полностью вернулась ее прежняя манера говорить. — Отсюда туда пути нет.

«Отсюда туда пути нет...» Он был королем, но он был и узником, изгнанником из мира

людей. Он мог смириться с ролью, которую ему навязывали, или обратиться в ничто.

Хуже, чем в ничто, — в жалкую тень этого «ничто».

В ушах Джереми Тодтманна звенел смех ворона.

VI

Немногие получают удовольствие, беседуя с полицией — не важно, по какому поводу, — и Гектор теперь понимал, что не принадлежит к их числу. Хотя у него был весомый — и вполне законный — повод обратиться в полицию, чернокожий чувствовал себя не в своей тарелке, как будто сам совершил преступление и пытается его скрыть. Впрочем, скрывать ему было решительно нечего, разве что Джеремию Тодтманна. Полиция Чикаго — что правда, то правда — пользуется нехорошей репутацией, однако справедливости ради надо сказать, что все три раза, когда Гектор говорил по телефону с этой женщиной-полицейским, она была неизменно любезна с ним.

Только старалась она напрасно. О Джереми Тодтманне не было ни слуху, ни духу. Хоть и говорят, что лучшая новость — это отсутствие новостей, однако он не на шутку испугался.

— Да, спасибо. Очень вам признателен. Вы будете держать меня в курсе, хорошо? Еще раз

спасибо. — Гектор положил трубку и встал. Кроме него, на работе оставались еще два-три человека. Затянувшееся отсутствие Джереми, судя по всему, встревожило только его. Моргенстрёма больше всего волновало то, что работу Тодтманна пришлось разделить между двумя другими сотрудниками, одним из которых был он сам.

Дольше оставаться в конторе не было смысла. У полиции был его домашний номер. Гектор снял пальто с крючка, который он сам приделал к съемной стене своего офиса-ячейки, и собрался уходить. Из-за разговоров с полицией он пропустил уже один поезд. Теперь ему предстояло добираться до Юнион-стейшн уже в темноте. Он утешал себя тем, что до вокзала было недалеко.

За окном порхнула какая-то тень. Гектор скорее почувствовал, чем увидел ее. Он резко обернулся. В это мгновение — сам не зная почему — он подумал о Джереми. Он понимал, что это глупо: если только у его приятеля не выросли крылья, увидеть того за окном «Вечного залога» было маловероятно.

— Джеремиа, — рассеянно пробормотал Гектор, вперившись в непроглядную темь, расстилавшуюся за стеклом. — Старик, я из-за тебя превратился в сплошной комок нервов! Куда, черт тебя побери, ты подевался? — Гектор вспомнил, что весь день практически не занимался делами. — Лучше бы тебе вернуться...

Сунув в портфель две папки с документами, он направился к выходу, надеясь поспеть на следующий поезд, который следовал за город.

Он без приключений дошел до стеклянных дверей и, хотя ничего вокруг не предвещало дурного, почувствовал внезапное облегчение. Он уже взялся за дверную ручку, когда внимание его привлекло отражение на стекле.

Это была птица, но не просто птица. Огромная черная птица, которая, как ему показалось, восседала на кресле, одном из тех, что были приготовлены для посетителей, приходивших в «Вечный залог» по делу.

Гектор оглянулся.

Никакой птицы не было, ни черной, ни какой-либо еще, — ни на кресле, нигде.

— Проклятие, — буркнул Гектор, которого начинало тревожить его разыгравшееся воображение. — Надо уносить отсюда ноги.

Исчезновение Джереми не прошло для него даром. Джереми был хорошим товарищем, хотя во всем, что не касалось непосредственно работы, отличался некоторой бестолковостью. Гектор достаточно знал Джеремию: исчезновения были не в его духе — как правило. Но вот, такой исключительный день...

Гектор пожал плечами и открыл дверь. Больше ничто его не задерживало, и он снова стал думать о том, как бы не опоздать на поезд. Помочь Джереми он все равно не мог. Полиция держала ситуацию под контролем, а у него еще

было свидание... по крайней мере он на это надеялся.

Как бы ни был Гектор расстроен из-за таинственного исчезновения Джереми, он все же машинально подумал о том, что ему еще повезло — ведь то, что случилось — что бы это ни было, — случилось все-таки не с ним. Это соображение немного успокоило его. Какие бы чудовищные вещи ни происходили вокруг, если они происходили с кем-то другим, то человек в конце концов убеждал себя, что все не так уж ужасно и что по крайней мере его жизнь в безопасности.

Направляясь к лифту, Гектор, разумеется, не мог видеть крылатой тени, промелькнувшей у него за спиной.

В природе человека, когда его убеждают, что чего-то сделать нельзя, скорее усомниться, чем поверить в абсолютную истинность ответа. Возникает и растет упрямство, отклоняющее все разумные доводы, которые предлагаются в подкрепление невозможности решения. Именно это и произошло с Джеремией Тодтманном. В конце концов, ведь речь шла о *его* жизни. Если бы тогда, когда он работал в «Вечном залоге», ему сказали, что перед ним открыта всего одна-единственная дорога, он не придал бы этому значения, но говорить об этом сейчас, в мире Серых, было непростительно.

— Я не верю тебе!

— Но это правда, Джеремия, — твердила Каллистра, держа его за руку с такой силой, которой позавидовал бы борец. — Ты ничего не можешь сделать.

«Возврата нет...»

— Я хочу выбраться отсюда!

Джеремия вдруг обнаружил, что они вдвоем стоят в каком-то переулке Чикаго, и уже темнеет.

— Джеремия, осторожнее! Ты ходишь там, куда боятся ступать ангелы!

— Ангелы или всего лишь *Серые*? — Ни разу в жизни Джеремия не был так расстроен, и хотя он и понимал, что несправедливо вымещать это на Каллистре, но ничего не мог с собой поделать.

Она отпустила его руку.

— Я хочу одного — чтобы с тобой ничего не случилось, — тихо сказала она, избегая смотреть ему в глаза.

Его последние слова несколько остудили пыл Джеремии. Он все так же не хотел верить в неизбежность для себя пути Серых, но вряд ли неприятности, связанные с его коронацией, исходят от этой женщины. Он знал виновного. Арос Агвилана. Каллистра была лишь марионеткой в его руках, она повторяла за ним его слова и верила в них, просто потому, что других не знала. «А разве я сам не был таким же?» Лишь очень недавно, уже вовлеченным в этот безумный спектакль, стал сам Джеремия отличаться в этом смысле от Каллистры.

Он тяжело вздохнул.

— Я верю тебе, но не верю Аросу. Это он тебе все это сказал, так?

— Да. Но Арос всегда все знает. Ошибок не допускает.

— Все иногда ошибаются... Видит Бог, я только этим и занимался. — Он схватил ее за руку, подивившись собственной агрессивности, которой в нем никогда не было. *Чего ему по-настоящему хотелось — это прижать ее к себе, но она была не просто марионеткой Ароса, а еще и Серой. Противоречивые мысли в голове Джереми только увеличивали его смятение, чего ему сейчас было совсем не нужно. Ему удалось подавить в себе тот жгучий интерес, который возбуждала в нем эта женщина, но не похоронить его. Теперь, когда она была так близко, это казалось невозможным. — Я не гожусь для этого. Это я знаю точно. Я пока не понимаю, что со мной — то ли все это мне снится, то ли у меня психоз. Как я понимаю, мой поезд сошел с рельсов и я попал в больницу с помутнением рассудка и галлюцинациями.

— Это не сон. — Каллистра, видя, что к Джереми возвращается самообладание, заговорила спокойнее. Казалось, эта женщина-призрак служит барометром его настроения. Джереми не знал, нравится ему это или нет. Он не мог понять, когда она была настоящей — если слово «настоящая» вообще было уместно в данном случае.

— Ты права — это не сон. Это проклятый кошмар!

Наступил вечер. Тусклым светом горели уличные фонари, мелькали желтые лучи фар пронесившихся мимо машин и автобусов. Зловещая серость, которую Джеремиа начал ассоциировать со своими ненужными подданными, окутала Чикаго, позволяя видеть то, что обычно не было видно. Слабоватое утешение.

— Мне жаль, но я ничем не могу тебе помочь.

Джеремиа верил ей, но смириться со своим положением не мог. Арос ей солгал, от этого долговязого типа можно ожидать чего угодно. Всегда есть выход. Он попал в переплет из-за того, что позволил Серым заманить себя в их мир. Что произойдет, если Джеремиа решительно отвергнет народ теней? Если сознательно попытается вернуться к своей жизни?

— Я должен идти, Каллистра.

— Джеремиа...

Сколько человек хотели бы сыграть роль Рика в «Касабланке»? Джеремиа пожалел, что не очень хорошо помнил этот фильм — тогда он сказал бы ей что-нибудь умное. Но Рика играл сам Хамфри Богарт*, а Джеремию Тодтманна приходилось играть ему самому. Не самый удачный выбор для той роли, которую его заставили играть. В этом-то и была его проблема.

* американский киноактер (1899—1957), снимался в амплу обаятельных гангстеров и преступников.

— Я просто не гожусь для этого безумия! Я хочу вернуться на свою работу, хочу снова жить своей скучной жизнью!

— И всю жизнь оглаживаться в страхе перед вороном, — ответила ему Каллистра.

«Проклятое воронье...»

Монарх поневоле тяжело вздохнул.

— Это-то и есть одна из главных причин, по которой я хочу положить этому конец! Не знаю, чего добивается эта птица, и сомневаюсь, что ты можешь предложить мне ответ. Арос наверняка ничего не скажет. Интересно, как бы ты сама поступила на моем месте?

— Надела бы корону.

Очевидно, не тот вопрос, который следовало задавать одной из Серых. Тодтманн подошел к обочине. Оглядев окрестности, он невольно поежился. Он по-прежнему видел мир словно сквозь наполненный водой аквариум, однако даже это не помешало ему понять, что эта часть Чикаго ему совершенно незнакома. Высокие здания нависали со всех сторон, за ними не было видно даже Сирс-тауэр. Но что-то подсказывало Джереми, что он находится где-то в районе Петли и что на каком-нибудь автобусе можно доехать до Юнион-стейшн. Если нет, можно будет поймать такси. Впервые с тех пор, как он стал работать в Чикаго, Джереми подумал об автобусе без ужаса. В чикагских автобусах комфорт не предусмотрен проектом. Обогреватели там работают летом, а кондиционеры зимой. Сиденья — винил на металлических или дере-

вянных каркасах, а мягкая обивка давно сплюснулась до каменной твердости.

Но для Джереми в тот момент имело значение другое: в автобусе есть пассажиры. Их присутствие должно было вернуть его к реальности. Кроме работы, ничто так не приводит в чувство, как поездка на чикагском городском транспорте.

«Я должен найти автобусную остановку», — подумал он.

— Черт побери!

Городской пейзаж снова изменился. Джереми стоял в каком-то другом месте. Было довольно светло — ровно настолько, чтобы появились тени и можно было различить очертания предметов. Тротуар у него под ногами был подозрительно мягким, упругим, и потому каждый шаг давался Джереми с трудом. Вокруг высились дома — кривые, с изломанными фасадами. Они уже не раскачивались, как это было прежде, но менее страшными от этого не стали. Джереми невольно вспомнил старый немой немецкий фильм ужасов, который он как-то видел. Здесь было так же тихо. Для полного сходства сцене недоставало органной музыки.

Уголком глаза Джереми заметил какое-то движение. Он резко повернулся на одном месте, ожидая, быть может, что из канализационного люка появится голова Лохнесского чудовища. Вместо этого его взору предстал подвижный, точно змей, указательный столб. В отличие от зданий он изви-

вался с удивительной живостью и вообще вел себя, как щенок, который только что вернулся к хозяину. Джеремя, хоть и был далек от мысли приласкать его, подошел ближе и попытался прочесть, что написано на указателе. Поймав вывеску в фокус, он не без труда разобрал название автобусной остановки.

— Джеремя, храни вниманье! Любая мысль — опасное деянье!

За спиной у него стояла Каллистра, такая же прекрасная и пылкая, как в тот момент, когда он оставил ее. Но теперь его мысли были заняты другим. К некоторым людям озарение приходит слишком поздно, но в данном случае Джеремя, похоже, начинал постигать смысл происходивших с ним злоключений.

«Это же я сам! Я сам совершаю все это!»

Если так, из этого безумного предложения можно извлечь некую пользу. Теперь ни поезд, ни автобус были ему ни к чему. Стоило Джереми лишь захотеть, и он мог оказаться где угодно. Где угодно...

Искушение пересечь океан было велико, но Джеремя отдавал себе отчет, что, поддавшись ему, еще больше погрязнет в царстве Серых. Арос и ворон только этого и ждали. Пока он оставался частью их мира, они могли использовать его и манипулировать им по собственному усмотрению. Только если ему удастся найти обратную дорогу в реальный мир, они оставят его в покое. Только тогда он будет в безопасно-

сти. Там, в реальном мире, они будут лишь иллюзиями, настоящими теньями, без всякой глупины.

Так же, как и Каллистра.

Эту мысль он так и не додумал до конца, поскольку в этот момент из-за темного угла выехал автобус и направился к остановке. Путешествовать путем Серых было бы значительно быстрее, но человеку полагается ездить на автобусах. Джеремиа встал на обочине и помахал рукой водителю. Автобус начал тормозить.

— Ты не ведаешь, что творишь! — воскликнула Каллистра. Она хотела схватить его за руку, но он увернулся, не переставая махать водителю.

За рулем сидела тучная шатенка: учитывая близость остановки, автобус ехал еще довольно быстро. Лучи фар выхватили из мрака размахивающую руками фигуру.

— Что она выделяет?

Похоже, водитель и не думала останавливаться. Джеремиа даже показалось, что автобус начал набирать ход.

Хрупкая, но сильная ладонь легла ему на плечо.

— Джеремиа, то, что ты видишь, — это не то, что есть на самом деле! Ты не можешь...

Джеремиа попытался освободиться, но оступился на бордюре и рухнул на мостовую.

На него с ревом летел автобус; фары безжалостно слепили глаза. Тодтманн закричал и закрыл лицо ладонями, надеясь, что кончина его

будет, если и не безболезненной, то по крайней мере быстрой. Вряд ли можно назвать безболезненной смерть под колесами автобуса.

Он слышал лишь рев двигателя. Ни визга тормозов, ни гудка. Женщина-водитель даже не заметила его. Ему было суждено стать еще одной строчкой в статистике дорожных происшествий...

Все эти мысли мелькнули в какую-то долю секунды, а тем временем рокот двигателя начал стихать.

Джеремя открыл глаза. Автобуса перед ним уже не было. Он не сразу сообразил, что шум теперь доносится с другой стороны. Автобус находился в двух кварталах от него и продолжал стремительно удаляться.

Все еще дрожа всем телом, он устремил смятенный взор на Каллистру, надеясь получить от нее объяснения.

— Мы — то, из чего сделаны сны, — торжественным тоном изрекла призрачная красавица. — Тени. Без сущности.

— Но я не один из вас! — вскричал Джеремя, вскакивая на ноги и возвращаясь на тротуар. — Я человек! Я настоящий! — Он ударил себя кулаком в грудь. — Я дышу! Я живу! — Правду сказать, большую часть жизни он просто существовал, но даже это было лучше того, что ему предлагали. — Я совсем не такой, как *вы*!

Последние слова сорвались с его губ прежде, чем до него дошел заложенный в них смысл.

Джеремя судорожно сглотнул, подыскивая подходящие случаю извинения, но ему ничего не приходило в голову.

— Но ты теперь часть нашего мира, — возразила Каллистра; казалось, она ничуть не уязвлена его словами. Она снова протянула к нему руку: — А остальное все не значит ничего...

— Но ведь должен же быть выход!

— Джеремя, не застревай на этом, — с мольбой в голосе произнесла она, делая к нему шаг.

Что бы ни было у нее на уме, какие бы цели она ни преследовала, ее красота сводила его с ума. Одного этого было почти достаточно, чтобы он доверился ей, — этого и чего-то еще, что подсказывало, что за ее красотой кроется нечто большее. Что-то не *Серое*.

— Возьми мою руку, Джеремя...

Он покорно подал ей руку.

Сразу вслед за этим Джеремя заметил, что тени за спиной Каллистры стали *глубже* и теперь медленно приближаются к ним.

С красноречивым стоном отчаяния Джеремя схватил Каллистру за руку и притянул к себе. В то же время мозг его лихорадочно работал: он пытался вспомнить такое место — желательно подальше, — где им лучше было бы сейчас оказаться.

Будь он в тот момент в состоянии рассуждать более здраво, едва ли его выбор пал бы на помещение «Вечного залога», однако старые привычки — вещь стойкая, и в следующее мгновение он обнаружил, что стоит посреди знакомого ла-

биринта офисов-каморок и прижимает к груди свою черноволосую колдунью, словно над ними кружит целая стая воронов. Контора была ярко освещена, однако в рабочих отсеках не было ни души. Джеремиа взглянул на висевшие на стене часы и увидел, что рабочий день уже час как закончился. Он пропустил еще день... или... или больше?

Каллистра, не принимавшая решительно никаких попыток высвободиться из его объятий, была похожа на голливудскую звезду.

— Я думать не могла, что я тебе не безразлична, — шепнула она на выдохе.

Джеремиа заставил себя отодвинуться:

— Там были тени... глубокие тени... прямо у тебя за спиной.

— Тени, тенью следующие за нами. — Судя по выражению ее лица, она была скорее заинтригована, чем встревожена. — Сюда движется что-то зловещее. Ворон не спускает с тебя глаз. А тени — это его гончие псы.

— До сих пор никто мне толком ничего не сказал об этом вороне.

— Еще один из нас. Вот и все. Деяния его темны, Джеремиа.

— Это я уже понял. — Джеремиа решил обойти помещения конторы, чтобы удостовериться, что никто не засиделся на работе допоздна.

«Свет горит, но дома никого.»

Его передернуло — уж больно эта последняя мысль была в духе Серых. Если так будет про-

должаться и дальше, он вполне сойдет за одного из них.

В результате осмотра Джеремиа понял, что в конторе не было не только его сослуживцев — не было там и теней-призраков. Сомнительно, чтобы Серые соблюдали присутственные часы, но учитывая, что они были производным от людей, подобное предположение нельзя было назвать притянутым за уши. Тогда где же они? Улица была пустыня. Только длинные тени стелились по ней.

В одном из офисов в отделе менеджмента кто-то громко выругался. С грохотом задвинули ящик. Роликовое кресло врезалось в стену.

Можно назвать ураган Марией, но если бы решающее слово принадлежало Джеремии Тодтманну, он нарек бы его Моргенстрёмом. Управляющий, уткнувшись в раскрытую папку с документами — Джеремиа почему-то был уверен, что документы эти полагалось обработать ему, — прошел к высокому коричневому шкафу, в котором обычно хранились дела, еще не получившие заключения «Вечного залога».

Никогда еще Джеремиа не испытывал такой радости при виде своего шефа.

— Мистер Моргенстрём! Сэр! Это я! Джеремиа Тодтманн!

— Гм? — Тот оторвал взгляд от бумаг и посмотрел куда-то в сторону, вид у него был еще более раздраженный, чем обычно.

— Имеющий глаза — не видит, — из-за плеча Джеремии сказала Каллистра. — Имеющий уши — не слышит.

— Он слышал меня!

Моргенстрём, вновь уткнувшись носом в бумаги, выдвинул один из массивных ящиков и, водрузив на него раскрытую папку, пробормотал что-то вроде «Катцгилберг». Затем управляющий принялся рыться в ящике. Он отодвигал один файл за другим, точно искал нечто, что имело отношение к загадочному «Катцгилбергу». При этом он не обращал ровно никакого внимания на стоящего у него за спиной человека, который не переставал взывать к нему.

— Джеремиа, мы обитаем на периферии сознания. Легкое прикосновение, мимолетный взгляд — это все, что нам доступно в мире людей. — Каллистра уже не решалась воздействовать на Джеремию физически, хотя и не оставляла вербальных попыток убедить его.

— Я не такой, как вы! — огрызнулся Джеремиа, чего прежде никогда не позволил бы себе. Человек иногда меняется... например, когда становится повелителем дурных снов. Отвергая слова Каллистры, он вытянул перед собой руку и попробовал схватить Моргенстрёма за плечо.

Он коснулся его, однако прикосновение вышло какое-то неубедительное, безжизненное и краткое. Плечо управляющего на ощупь оказалось маслянистым и скользким. Лысый Моргенстрём вздрогнул, выпрямился и оглянулся. Взглянул мимо своего все еще не терявшего надежды подчиненного, сквозь него, взгляд устремился дальше, в конце концов описав пол-

ный круг, но ни на чем не задержавшись. Управляющий нахмурился и смахнул с плеча воображаемое нечто, что послужило источником его беспокойства. Он еще раз оглянулся, и снова фигура Джереми вызвала у него не больше интереса, чем раньше.

Управляющий углубился в бумаги, и тогда Джереми попытался схватить его двумя руками. Моргенстрёму было достаточно едва заметно повести плечами, казалось, он сделал это совершенно машинально, — чтобы попытка Джереми в очередной раз провалилась. Джереми Тодтманн вновь ощутил какую-то скользкую слякоть, ладони соскальзывали. В недоумении он воззрился на своего босса, который, не подозревая о его присутствии, продолжал заниматься своим делом.

— *Я привидение...* — Джереми всем корпусом подался вперед, так что лицо его оказалось сбоку от лица Моргенстрёма. — Мистер Моргенстрём, я *привидение*, черт побери! Вы *слышите* меня?

И снова Моргенстрём вскинул голову и растерянно оглянулся, как человек, который никак не поймет, что его беспокоит. Но, посмотрев в сторону Джереми, он, очевидно, не увидел ничего, достойного внимания, в том числе и пышных форм Каллистры, стоявшей сразу за своим монархом, не желающим быть таковым. Управляющий что-то недовольно пробурчал себе под нос и с удвоенным усердием принялся за бумаги.

Джереми, посрамленный, не двинулся с места. Каллистра подошла к нему сбоку и поло-

жила руку ему на плечо. Джеремию давно мучил вопрос: означает ли этот знак внимания, что Каллистра к нему равнодушна, или она следует указанием Ароса, или, может быть, просто поступает так, как это принято среди Серых? Возможно, она сочувствует ему, потому что он нуждается в сочувствии? И чем она, собственно, была для него теперь? Его мир стал недоступен. Нет, Джеремия еще мог прикоснуться к нему, но прикосновение это было таким кратким, таким мимолетным. Это было не то же самое, что быть частью реальности. Скорее сродни попытке — смотри, но не пытайся дотронуться. Такова была его судьба.

— Идет неумолимо время, Джеремия, и мы не можем от него отстать.

Джеремия слишком упал духом, чтобы реагировать на это построение фразы в духе Серых. Да и зачем? Если он стал частью их мира, то это ему предстояло измениться.

Моргенстрём достал авторучку. В глазах Джеремии загорелась надежда. В некоторых пределах Серые могли манипулировать неодушевленными предметами. Значит, он тоже может...

— Что ты делаешь? — с тревогой в голосе спросила Каллистра.

— Являюсь, как призрак...

Джеремия потянулся к авторучке. Если бы ему только удалось взять этот предмет, такой маленький и простой, то он доказал бы Моргенстрёму, что реально существует.

Пальцы Джереми коснулись твердого пластика. Сердце его столь отчаянно колотилось, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Сжав онемевшими пальцами пластиковый цилиндр, Джереми решительно отдернул руку. Он едва не подпрыгнул, предвосхищая свой триумф, однако то, что предстало его взору, когда он снова увидел руку Моргенстрёма, заставило похолодеть его сердце.

Моргенстрём держал другую авторучку, совершенно идентичную той, что забрал у него Джереми. Тодтманн разжал пальцы, и его трофей, не успев коснуться пола, растаял в воздухе. Он вспомнил пресловутые сигареты Ароса Агвиланы.

— Мы вызываем лишь воспоминания, — сказала Каллистра, мягко увлекая его за собой. — Мы вызываем призраков прошлого. Все на свете имеет свое прошлое, а потому — свои воспоминания и своих духов.

«Что-то здесь не так... что-то *должно быть* не так...»

Но, несмотря на внутренний протест, он не мог найти изъяна в ее объяснении. Теперь Джереми был побежден окончательно. У него больше не было надежды. У него остался только мир Серых.

Каллистра приблизилась к нему, но говорить больше не стала — вместо этого она приникла губами к его щеке. Полные губы были мягкими, желанными и реальными — не менее реальными, чем был когда-то «Вечный залог».

— Не суди мир Серых по обложке, мой повелитель. Есть дивный мир, которого ты еще не видел. — Каллистра глянула на ничего не подозревавшего Моргенстрёма. — Идем. Нам больше незачем здесь оставаться.

Какая-то часть его еще протестовала, однако на сей раз он безропотно последовал за ней. Он лишь устремил беспокойный взгляд на согбенную фигуру своего босса и вяло спросил:

— Куда мы идем? Снова к Аросу?

— Пока нет. — С этими словами, которые ничего ему не сказали, Каллистра увлекла его за собой. *Куда-то еще.*

Это по-прежнему был Чикаго; тут и там мелькали знакомые глазу Джеремии виды, но на них то и дело накладывались совершенно незнакомые пейзажи. Старинные здания, заросли высокой полевой травы. Картины дикой, нетронутой природы особенно оживляли силуэты странных животных, обитавших на этой земле десятки тысяч лет назад. В отличие от того мира Серых, к которому Джеремиа уже успел привыкнуть, здесь было много света... но и много тьмы. Постепенно он пришел к заключению, что то, что открывалось его взору, — были воспоминания о каждой ночи и о каждом дне, начиная с того времени, когда сюда впервые ступила нога человека.

Это были страницы истории Чикаго, сливавшиеся и накладывавшиеся одна на другую и вместе с тем удивительно отчетливые.

Джеремиа стал более чем настороженно относиться к птицам, что было неудивительно для

человека, которому довелось пережить то, что пережил он. Потому, когда какое-то пернатое существо простерло над ним крылья, первым побуждением Джереми было спрятаться. Но поскольку укрыться было негде, его попытка спастись бегством свелась к серии суматошных па, закончившихся причудливой комбинацией фокстрота и чечетки. Лишь увидев, что его спутница и не думает никуда бежать, Джереми успокоился.

Птица села на указательный палец свободной руки Каллистры. Это была птица-кардинал с великолепным красным оперением — ничего общего с вороном. Каллистра, не произнося ни слова, повернулась к Джереми, давая ему возможность получше разглядеть птицу.

— Это тоже один из вас?

Серые могли принимать *любое* обличье.

— Вернее будет сказать, что она появилась отсюда же, откуда и мы. Эта птица не понимает, кто она, она просто существует.

Каллистра улыбнулась и подняла руку, птица вспорхнула и улетела прочь. К Каллистре, которая почувствовала себя в родной стихии, вернулась былая уверенность. Обычно фея-призрак теряла ее лишь тогда, когда ей приходилось иметь дело с его человеческой слабостью.

— Посмотри сюда, — шепнула Каллистра, указывая куда-то направо.

Джереми сделал шаг, другой, затем, услышав хлюпающий звук, доносившийся из-под ног, в растерянности остановился. Улица была

совершенно сухой. Он поднял ногу и взглянул на подошву — она была влажной.

Каллистра искренне веселилась, видя его недоумение.

— Смотри дальше. Смотри, что было до улицы.

Джеремя напрягся... и увидел, что очертания улицы начали стираться. Теперь взору предстала высокая луговая трава и влажная, заболоченная почва.

«Таким был Чикаго, когда Чикаго не было...»

Исторические познания Тодтманна не шли дальше большого пожара в Чикаго*. Он ничего не знал о том, что представлял из себя район Чикаго в эпоху первых поселенцев, не говоря уже о временах первых кочевников и зверобоев.

— Джеремя, смотри! — Каллистра махнула рукой вперед.

Вначале Джеремя увидел лишь смутные очертания чего-то массивного, приглядевшись, понял, что перед ним животное. Мастодонт. Он вспомнил то и дело появлявшиеся в прессе статьи об обнаружении окаменелых останков. Когда-то эти исполины водились здесь в изобилии. Мастодонт ступал медленно, словно пробирался через трясину. В отличие от других живых и неживых предметов его очертания по краям оставались расплывчатыми, стертыми, отчего происходящее казалось сном. Джеремя поинтересовался у Каллистры, от чего это зависит.

* В октябре 1871 г., когда сгорел практически весь город. —
Примеч. пер.

— Даже самые приятные воспоминания со временем стираются из памяти, — ответила она. То же самое ему однажды сказал Арос. — Они настоящие призраки. Мы же... нам не дано даже этого.

— Ты больше, чем призрак, — возразил он.

— И меньше.

Окружавшие их живые картинки внезапно сошли на нет, и они снова оказались в современном Чикаго. Вернее, в том Чикаго, каким он представлялся глазам Серых. Джеремиа опасливо покосился по сторонам.

— Мы здесь в безопасности.

Даже в отсутствие алчных теней и ворона-пересмешника Джеремиа не рискнул бы назвать это место безопасным. Дома вокруг — даже если смотреть на них глазами нормального человека, а не сквозь призму Сумрака — были убогие, запущенные. Некоторые из них являли собой настоящие руины и только каким-то чудом можно было объяснить, что они до сих пор не рассыпались в прах. Еще более загадочным было то обстоятельство, что в этих домах продолжали жить люди.

А в том, что дома были населены, сомневаться не приходилось. В окнах, занавешенных ветхими шторами, горел свет. Где-то работал телевизор, доносились обрывки разговоров, которые в основном велись на повышенных тонах.

Это было то, что когда-то составляло существенную часть жизни Джеремиа.

— Посмотри-ка. Когда-то здесь был чей-то сад. Джеремя взглянул на то место, на которое указывала ему Каллистра, но ничего не увидел, кроме потрескавшегося тротуара.

— Не похоже, чтобы он процветал, — про-бормотал он.

— Да, но сейчас позволь мне вернуть тебя в былое...

«Где снова скачет одинокий всадник...» — мысленно закончил за нее Джеремя. Он уже вполне усвоил манеру Серых. А что ему еще оставалось?

— Это был прекрасный сад.

— Был... — произнес он и осекся, потому что в тот самый миг перед его взором разразился океан красок.

Все вокруг цвело. Бутоны росли на кустах и пробивались прямо из-под земли. Красные, желтые, синие, розовые... цветы постоянно менялись. На смену являлись кусты, в свою очередь уступавшие место декоративным каменным горкам и невысокому — не более полуфута — деревянному штакетнику; там и сям были разбросаны каменные фигурки птиц и зверей — даже статуетка девы Марии. Это был настоящий фейерверк, только здесь вместо снопов огня расцветали живые цветы.

Когда Каллистра сочла, что Джеремя увидел достаточно, чудесный сад исчез.

— Всюду есть место красоте, — сказала она, — и красота навечно останется с нами.

— Да, красиво, — согласился Джеремя, однако на смену чувству восторга быстро пришло легкое разочарование. — Для *привидений*.

— В тебе есть силы сделать это лучше. Арос... — Каллистра вдруг осеклась и поджала губы, явно недовольная собой.

— Арос — что?

Она схватила его за руку:

— Арос верит в тебя. Посмотрим что-нибудь еще или вернемся в клуб?

— Разве у меня есть выбор? Мне же ясно дали понять, что путь домой заказан. Значит, остается только мир Серых.

— Мне боль твоя почти понятна, Джеремя. — Лицо Каллистры было совсем рядом, он чувствовал ее дыхание. — Но не могу сказать, что сожалею о выборе той силы, что эту роль назначила тебе.

— С возвращением, Ваше Величество.

С возвращением? Тодтманн часто-часто заморгал, словно надеясь избавиться таким образом от тех чар, которыми опутала его Каллистра. *С возвращением?*

Он вновь сидел на своем троне в «Бесплодной земле»; перед ним на ступеньках стояли соблазнительная черноволосая ведьма и Арос Агвилана, который его и приветствовал. Костлявый Серый, держа в одной руке шляпу, склонился перед ним в полупоклоне. Заброшенный ночной клуб вновь заполняли обитатели снов. Тени соединялись в пары и кружились, кружи-

лись в танце, тщетно изображая самозабвение. Некоторые, казавшиеся более материальными, сидели за столиками, другие бесцельно бродили по залу.

Джеремя отметил, что эта сцена во многом воспроизводила ту, что он видел раньше. Серые даже сидели или стояли на тех же самых местах, которые занимали в прошлый раз. Они были плодом фантазии, однако между собой они едва ли могли похвастать, что у кого-то из них есть хоть искра собственного воображения.

Джеремя Тодтманн вдруг подумал о том, а сможет ли он что-то изменить. Смогут ли они с ним стать чем-то большим, чем были без него? Ведь это было в пределах власти короля. Или нет?

— Вы, должно быть, устали, Ваше Величество. — Арос по-прежнему стоял на ступеньке лестницы, которая вела к трону, и ему приходилось, обращаясь к монарху, задираť голову.

Устал? Еще как. Джеремя только теперь понял это. Он с трудом подавил зевок и почувствовал, что глаза у него закрываются сами собой. Дорого бы он дал за возможность выспаться. Возможно, как следует отдохнув, он сможет увидеть и радужную сторону в той перемене, которая произошла в его судьбе. Однако имелась одна сложность: спать в клубе ему было негде. Собственно говоря, новоиспеченный монарх вообще сомневался, что смог бы уснуть в этом заведении, даже если бы там установили царское ложе. Сознание, что тебя окружают

выходцы из твоих собственных кошмаров, мало способствовало спокойному отдыху. Или способствовало некоторым извращенным образом, если каждый раз вместо того, чтобы засыпать, просто падать в обморок от страха.

— Не соблаговолите ли удалиться на покой? — вежливо осведомился сухопарый призрак, поднимаясь по лестнице и оказываясь почти на уровне глаз Джереми.

Джеремиа был бы рад удалиться на покой, то есть домой, но на это, как видно, надежды было мало.

— Да, — промолвил он.

— Прекрасно. Каллистра, проводи Его Величество в апартаменты. Ваше Величество, думаю, этот аспект власти придется вам по душе.

— Ты готов, Джеремиа? — спросила Каллистра.

— Готов? — не понял Тодтманн.

— Я хочу сказать, к отбытию?

— А-а... — растерянно протянул Джеремиа.

Мысли его пришли в совершенный разброд — он как никогда нуждался в отдыхе. Джеремиа припоминал, хоть и смутно, что вроде бы с тех пор, как он спал в последний раз, прошло всего несколько часов, однако он все более убеждался, что время в мире Серых — субстанция чрезвычайно подвижная. По словам Ароса и Каллистры выходило, что он отсутствовал на службе уже два дня, если не больше.

— Да, я готов.

— Тогда я провожу тебя в твои покои.

Помещения клуба больше не было.

Арос Агвилана не двигался с места до тех пор, пока двое — Каллистра и Тодтманн — не исчезли из виду, затем поднялся к трону. Этот смертный, решил он, проспит долго — отчасти тому должно было способствовать и его, Арос-са, внушение. Тем временем ему предстояло заняться другими делами.

Пока новоиспеченный король проявлял себя хорошо, если не считать неприятностей с этим крылатым отродьем дьявола. Арос не знал, откуда ворон появился на сей раз. Ему казалось, что после инцидента с Томасом О'Райаном о вороне можно было забыть.

— В семье не без урода, — пробормотал он, не замечая, что изъясняется в стиле Серых. Главным для него было проследить, чтобы Джереми Тодтманн не сошел с предназначенной для него стези; все остальное отступало на второй план.

— Мне он нравится. Он останется с нами?

Рядом с ним возникла обезьяноподобная фигура. Арос смерил своего сотоварища пытливым взглядом. С тех пор, как они последний раз обсуждали кандидатуру короля, материальности в нем не прибавилось, однако и не убавилось тоже. Одного присутствия среди них живого

смертного оказалось достаточно, чтобы придать стабильность хотя бы некоторым из Серых.

— Разумеется, останется. У него нет другого выбора.

Угрюмое, приземистое существо на протяжении нескольких вдохов — мера времени, понимаемая в их призрачном мире весьма условно, поскольку как раз этой самой способностью дышать обитатели Сумрака были обделены, — обдумывало слова Ароса. Глаза его вспыхивали и гасли, точно огни семафора. Наконец каким-то извиняющимся тоном промолвило:

— Я думал, что право выбора остается всегда. Раньше так было всегда. Всегда...

Не в первый уже раз Арос приходил в ярость оттого, что не было в этом мире решительно никого, равного ему по силе творческого гения. Он взмахнул рукой и ладонь его рассекла высокую спинку. Воображаемый трон исчез, оставив после себя легкое туманное облачко.

Он впился взглядом в обезьяноподобное создание, взиравшее на него широко распахнутыми глазами, и изрек:

— Для Джереми Тодтманна, мой дорогой друг, нет выбора. Никакого.

Его собеседник благоразумно предпочел промолчать.

«Место, достойное короля», — так сказала Каллистра, едва они очутились в этом месте. В тот момент Джеремя был слишком измучен, чтобы по достоинству оценить его. Теперь, проснувшись, он с благоговением озирался вокруг. Он видел фотографии интерьеров замка безумного Людовика Баварского, что в Германии, и величественной королевской резиденции в Британии, однако в роскоши они явно уступали окружавшей его обстановке. Нигде еще он не видел такой огромной люстры, разве что в одном из фильмов сериала «Призрак Оперы», который по ночам крутили по телевизору. Как стены, так и потолок украшала великолепная — золото на красном поле — роспись; простенки занимали огромные зеркала. Из мебели было несколько старинных комодов, стол, книжные шкафы и ночная тумбочка — все красного дерева, ручной работы.

Кровать, на которой возлежал Джеремя, вместила бы семью из десяти человек и еще осталось бы место для кошки и собаки. Ничего более мягкого невозможно было себе вообразить, и Джеремя с радостью провел бы весь свой королевский срок, валяясь в этой постели. Как и прочие предметы мебели, кровать — вместе с огромным балдахином на резных столбиках — являла собой подлинное произведение искусства.

Джереми доводилось видеть заложенные особняки на Северном берегу, которые стоили несколько сот тысяч долларов, но каждый из них разместился бы в одной этой спальне.

Он зачарованно разглядывал полог балдахина, украшенный художественной вышивкой. Там были сюжеты, заимствованные из античной мифологии: кентавры и фавны резвились с пышногрудыми нимфами. Средневековые рыцарские турниры и любовные сцены — готовые иллюстрации шекспировских пьес. Эти картины странно тревожили душу. Наконец Джереми понял, в чем дело... Ему вдруг померещилось, что лица некоторых персонажей определенно знакомы ему. Однако, сколько он ни пытался получше разглядеть их, они всякий раз — будто нарочно — ускользали из-под его взгляда. Хотя эти подозрения никак не могли найти подтверждения, Тодтманн был почти уверен, что по меньшей мере двое явно похожи на него; в других он готов был узнать то Каллистру, то Ароса, то кого-то из своих знакомых по прежней жизни, то Серых, которых видел в клубе.

Не испытывая ни малейшего желания встречаться с Аросом, Джереми продолжал разглядывать жанровые сценки, и чем дольше он смотрел, тем более живыми они казались ему. Фавны гонялись за нимфами, оглашая поля радостным смехом. Античный герой — должно быть, Геракл, с лицом известного голливудского актера, — самоотверженно боролся с разъяренным львом. Справа от них двое влюблен-

ных — женщина на балконе, мужчина на улице — клялись друг другу в верности. Лицо женщины все время менялось, и все же Джереми казалось, что перед ним Каллистра.

Закрыв глаза, он попытался представить на месте мужчины себя. Фантазия, впрочем, позволительная лишь во сне, опьяняла: с его уст слетают исполненные поэзией слова любви, она упивается его пылкой речью. Затем она касается его губ своими, ласкает их...

Поцелуй был долгим и страстным... и очень настоящим. Так же, как и внезапная, навалившаяся на него тяжесть.

Ожидая увидеть Каллистру — возможно, привлеченную силой его воображения, — Джереми открыл глаза и увидел склоненное над ним совсем другое лицо. Известное всему миру обольстительное Лицо, обрамленное обесцвеченными локонами.

— Привет, любовь моя, — прошептала Мэрилин своим будоражащим плоть, чуть хрипловатым голосом, который Джереми столько раз слышал в кино. Она была абсолютно голой, как, впрочем, и он сам, — последнее обстоятельство Джеремию немало изумило и обескуражило.

— Про... простите! — промямлил он, пытаясь выскользнуть из-под нее. Для этого ему потребовалось собрать волю в кулак, поскольку, хоть он и имел дело не с оригиналом, а с его призрачной копией, тело ее было соблазнительно мягким и гладким, как шелк.

— Куда же ты, любовь моя? — Она цепко держала его, и ей почти удалось снова затащить его в постель. Джеремиа понял, что вторая попытка улизнуть из ее объятий может и не состояться. Как бы сильно ни влекло его к Каллистре, она ему не принадлежала, и — как знать? — возможно, ему вообще было не суждено обрести ее. В глубине души его терзали сомнения: не лучше ли взять то, что само плывет в руки, чем тешить себя надеждой, которая может оказаться несбыточной?

— Прошу прощения, но вы, кажется, ошиблись!

Куда же подевалась его одежда? Он не помнил, как раздевался — к тому же не мог же он снять трусы.

— Милый, меня хотят все мужчины! Томас хотел... и ты тоже хочешь, не притворяйся! — Она перевернулась на бок, чтобы он мог лучше разглядеть, что ему предлагают. Предложение было монументальным.

«Томас хотел...»

Арос, кажется, говорил, что она была одной из фавориток его предшественника. Уже не в первый раз Джеремиа пожалел, что так мало знал о Томасе О'Райане.

Может, поэтому она и пришла? Потому что предполагала встретить совсем иное желание?

— Ты права, я действительно хочу. — Она улыбнулась знаменитой улыбкой Мэрилин и хотела уже привлечь его к себе, но Джеремиа категорически покачал головой.

— Нет, не то. Я хочу поговорить с тобой.

— Поговорить?

Она была явно озадачена.

Если эта женщина являлась олицетворением любви и обожания миллионов поклонников, тогда неудивительно, что она не привыкла к просьбам подобного рода. Сколько людей воспринимали ее всего лишь как легенду, как символ? В той, которую он видел перед собой, мало что сохранилось от подлинной Мэрилин Монро, это был созданный в Голливуде экранный образ соблазнительницы.

Но она знала Томаса О'Райана и могла многое рассказать о нем.

— Ну да, поговорить. Ты ведь была знакома с Томасом, верно?

Мэрилин рассеянно водила пальцем по узорам на покрывале.

— Близко...

Джереми вновь остро ощутил свою — и ее — наготу. Стараясь не смотреть на ее обольстительную плоть, он измерил взглядом расстояние до ближайшего комода. Ему показалось, что он отстоит от него на несколько миль. «Но ведь здесь мне достаточно подумать об одежде, чтобы она материализовалась на моем теле...»

В следующее мгновение он был одет. Костюм его был вычищен и отглажен, только вот... Это был не его костюм, не тот, что был на нем раньше. В модели имелись отличия, едва заметные и вместе с тем достаточные, чтобы его не-

казистый серийный костюмчик превратился в облачение, достойное — ну да, короля, — признал он.

— Гм... люблю мужчин, которые умеют одеваться, но с этим можно было и подождать, ты согласен, милый?

— Я предпочел бы, чтобы ты тоже что-нибудь накинула.

— Как тебе это платье? — На ней и впрямь теперь имелся некий клочок материи, но нужно было обладать богатым воображением, чтобы назвать его платьем. Принято считать, что платье закрывает какую-то часть тела — эта тряпица ничего не закрывала, но лишь еще больше подчеркивала ее наготу.

— Может, ты наденешь платье?

Мэрилин обиженно насупилась; вид ее пухлых алых губок расшевелил бы и мертвого. Джереми вздохнул с облегчением: кажется, он оделся как раз вовремя.

— Ну вот, испортил настроение.

На сей раз она выполнила его просьбу — по крайней мере отчасти. Тодтманн не мог припомнить, в каком фильме настоящая Мэрилин Монро появлялась в этом красном платье, но оно было ему знакомо. Платье плотно облегалo роскошную фигуру, а от глубокого декольте захватывало дух. Словом, менее чувственной она не стала.

— Так лучше?

Джереми лишь сухо кивнул. Он обошел кровать, чтобы занять более безопасную позицию.

Мэрилин проворно перевернулась на другой бок, умудрившись даже это безобидное движение превратить в ухищрение соблазнительницы.

Джеремия все время твердил себе, что перед ним не настоящая Мэрилин Монро, а лишь призрак — Серая; что она существует только волей человеческой мечты и воспоминаний.

Впрочем, осознание этого не приносило ему облегчения.

— Расскажите мне о Томасе, — как можно более властным тоном повторил Джеремия.

— Что ж, хорошо. — Мэрилин откинулась на спину. — Томас никогда не был таким чопорным, это уж точно. Он знал, чего хотел, а хотел он меня. — Она довольно хихикнула. — Любил читать мне стихи. И еще у него было отличное чувство юмора. — На губах ее появилась жеманная улыбка. — И вообще он обладал уйма достоинств.

Джеремия почувствовал, что краснеет.

— Я имел в виду другое. Что он представлял собой как король? Чем он занимался?

— Милый, я же тебе об этом и толкую. Можно мне уже раздеться?

— *Нет!* — Взглянув на нее, Джеремия увидел, что она по-прежнему одета, и из груди его вырвался вздох облегчения. — Не мог же он заниматься только *этим*. У него же были какие-то обязанности.

— Он много путешествовал. Мы ездили с ним в Париж, в Гонконг, в Рио. — Она высунула

влажный язычок и медленно провела им по губам. — Томасу нравились приключения.

Джеремиа начинал терять терпение.

— Расскажи, что это был за король! Каким было его правление?

Впервые Мэрилин изменила своему привычному образу. Глаза ее увлажнились. Если она и была неискренна, то мастерски скрывала это.

— Томас придавал нам устойчивости. Он старался, чтобы мы жили в свое удовольствие. Он был лучше Мартина и Чин Хо. Эти просто сломались.

— Эти имена... Расскажи мне о них.

Белокурая красотка стала хихикать.

— Что значит имя? Король — какое бы имя он ни носил — все равно будет сладок, как мед. — Она блаженно потянулась, при этом подол платья задрался, обнажив соблазнительное бедро. Джеремиа поспешил отвести взгляд. — Довольно трепаться, милый!

По-прежнему избегая смотреть на нее, Тодтманн попытался собраться с мыслями. В чем-то Мэрилин выглядела как самая настоящая — живая — женщина. Она и говорила совершенно нормально. Вместе с тем в нем крепло убеждение, что ей не дано то, что дано другим Серым, таким как Каллистра или Арос. Возможно, эти двое и изъяснялись штампами и затертыми стихами, зато они свободно говорили на любые темы. Эта Мэрилин могла быть только Мэрилин из кино. Она существовала лишь в своей привычной среде, в

роли вульгарной искусительницы, каковой представляла в глазах многочисленных поклонников.

Однако должно было существовать такое, о чем знал каждый Серый. Уже не надеясь вывести у нее что-либо конкретное о Томасе О'Райане или его предшественниках, Джеремиа решил, что пора поинтересоваться предметом, который не мог оставить ее равнодушной.

— Скажи, Томас встречался с вороном?

С наигранным ужасом в глазах Мэрилин вздрогнула и села.

— О милый, не пугай меня ты так! Пусть птицы говорят о воронах, не мы!

Джеремиа тоскливо подумал о том, что и эта тоже, похоже, решила изъясняться стихами. Все же не желая так быстро сдаваться, он повторил вопрос и добавил:

— Ворон имел какое-то отношение к тому, что с ним произошло?

— Я...

— Говори! — рявкнул он, подивившись зычности своего голоса. Однако, увидев реакцию Мэрилин, он понял, что немного перестарался. Она в буквальном смысле слова начала расплываться, как расплывается изображение на экране старого переносного телевизора, если повернуть антенну не туда. Тодтманн отшатнулся и побледнел.

Мгновение спустя она вернула утраченную было форму. Тодтманн предположил, что подобные трансформации проходят для Серых

абсолютно безболезненно, однако ему наблюдать за этим зрелищем было мучительно до тошноты.

— Томас был зорек, как сокол, и видел ситуацию издалека, — прошептала Мэрилин, и даже эта загадочная и какая-то зловещая фраза в ее устах звучала сексуально. — Он увидел свет, но только на миг. Когда черная птица почти настигла Томаса, вера его усилилась.

Она театрально воздела в воздух красивую ручку с наманикюренными ногтями, затем безвольно уронила на постель. У Тодтманна екнуло сердце.

— Ворон убил его?

Всякий раз, когда ему казалось, что участь короля Серых не может быть хуже, тут же открывались новые горизонты.

Мэрилин покачала головой:

— Томас сделал это сам. Он сказал, что это единственный выход. Волки были у самых ворот, мой миленький, а птица стучалась — нет, колотила — в двери реального мира.

— Что это значит?

— Он хочет прожить одну жизнь. Во плоти и крови. Ворон мечтает о несбыточном, любовь моя, но может, для него это не так?

Она снова откинулась на подушки, превращаясь в прежнюю соблазнительницу.

«Мечтать о несбыточном...» Для Серых это означало жить так, как живут люди. Что-то похожее Джереми слышал от Каллистры, но по-

думать, что ворон желает того же, было страшно. Что может натворить ворон, если пустить его в реальный мир? Джеремиа начинал понимать свою собеседницу, которая не хотела об этом говорить. Желания ворона — это не та тема, в которую он хотел бы углубляться.

Мэрилин снова потянулась в постели:

— Милый, я играла в твою игру — не сыграть ли нам теперь в мою?

— Я... извини... поверь мне, я... но сейчас мне хотелось бы побыть одному. Но я все равно тебе благодарен. — Джеремиа готов был возненавидеть себя за то, что, как смущенный подросток, не может связать двух слов. С другой стороны, как не растеряться, когда приходится отказываться от предложения переспать с двойником Мэрилин Монро? Даже зная, что на самом деле скрывается за этими пышными формами. Словом, Джеремиа пребывал в смятении; он не мог себе простить, что вообще посмел положить глаз на эту красотку, тогда как сердце его принадлежало лишь одной — Каллистре.

Он вздохнул — внезапная догадка осенила его: что если Каллистра благоволит ему лишь потому, что тоже надеется получить шанс стать настоящей?

— Если только ты можешь еще что-то сказать о во...

— Ничего. — Мэрилин упрямо поджала губы. Внезапно она простерла к нему руки и с неожиданной для хрупкого создания силой привлекла

его к себе. Ее поцелуй не был поцелуем подлинной Мэрилин Монро, он исходил все от того же экранного образа, являясь как бы квинтэссенцией всех ее ролей и одновременно интерпретацией этих ролей в сознании ее поклонников.

От этого поцелуя у Джереми перехватило дыхание; сознание его помутилось.

Наконец красотка ослабила объятия и шепнула ему на ухо:

— Томасу никогда не нравились скромницы. Впрочем, каждому свое. По крайней мере, я надеюсь, ты будешь время от времени вспоминать обо мне, Джереми Тодтманн. В конечном итоге только это и имеет значение, верно, любовь моя?

Не успел он опомниться, как она растаяла в воздухе — очевидно, Серым доставляло удовольствие исчезать таким вот внезапным образом.

В конце концов Джереми Тодтманн поборол смятение и стал заново прокручивать в памяти весь этот короткий и крайне сумбурный разговор в надежде найти в нем что-то важное, что, возможно, первоначально ускользнуло от его внимания. Томас О'Райан все-таки сталкивался с вороном, и, очевидно, не один раз. Это закончилось тем, что бедняге Томасу — беспечной, если верить Мэрилин, душе — пришлось пожертвовать жизнью, чтобы не дать крылатому дьяволу достичь своей цели. Если бы ворон проник в мир света, он устроил бы там сущий ад.

Но Томас был королем... Правда, это, похоже, не остановило черную птицу. И самому Томасу

это несколько не помогло. Джереми потянул за ворот рубашки — ему было душно. Из того немногого, что ему удалось выяснить, можно было сделать вывод, что его предшественник был человек не робкого десятка. Мог ли Джереми сказать то же самое о себе?

«Я должен либо выбраться отсюда, либо научиться защищаться!» Имя Джереми Отважный его не устраивало, особенно выбитое на могильной плите. О чем думал О'Райан, выбирая его своим преемником? Что он нашел в каком-то Джереми Тодтманне, в этом жалком клерке, ровным счетом ничего собой не представляющим?

— Я мог бы, например, предложить этой птахе заложить ее гнездо под выгодный процент, — пробормотал он, желая себя приободрить. Шутка вышла мертвой, как Томас О'Райан.

Пути назад не было. Подтверждением тому служило последнее посещение конторы. Это означало, что он должен найти способ защитить себя. Он должен отомстить за О'Райана, должен стать могущественным королем Серых, защитником своих подданных от крылатого ужаса.

Иначе говоря, он должен стать не тем, кем был до сих пор.

«Но коль скоро я являюсь королем Серых, я должен быть наделен какой-нибудь волшебной властью, не так ли?»

Так обстояло дело в книжках и фильмах, но в жизни все обстояло иначе — современные монархи являлись фигурами скорее декоратив-

ными, чем правителями с реальной властью. Одеться он, положим, смог, но имелись ли у него какие-нибудь другие таланты? Джеремиа был способен оказаться в любом месте, стоило ему только подумать о нем, однако, как бы ни прельщала его мысль о побеге, он сомневался, что из этого что-то выйдет.

— Похоже, есть только один способ это выяснить.

Насколько спокойнее ему жилось, когда он беспокоился только о том, как бы не опоздать на поезд и не вызвать гнев Моргенстрёма. *Вот было время!*

Начинать надо с малого, гласила народная мудрость, а, наверное, нигде так слепо не следовали всевозможным пословицам, как в царстве теней. Новоиспеченный монарх попытался припомнить фильмы или книжки, повествующие о королях и волшебниках, надеясь извлечь из них какую-нибудь пользу. У него не то чтобы напрочь отсутствовало воображение, но с годами оно изрядно притупилось, поскольку обращался он к его помощи крайне редко.

«Можно попробовать фокус со световой саблей», — подумал он. Однако световых сабель в этих роскошных апартаментах был явный дефицит, и он решил сосредоточиться на небольшой статуэтке, которая стояла на одном из комодов. Джеремиа вытянул вперед руку и мысленно скомандовал, чтобы фигурка приблизилась к нему.

Она отказывалась повиноваться. Он попробовал снова — на сей раз более требовательно.

«Ко мне, черт тебя подери! Речь идет о жизни и смерти!»

Статуэтка оставалась безучастной к его просьбам.

«Прошу тебя!»

Статуэтка не двигалась с места.

Джеремиа Тодтманн решил, что с ним все кончено. Если он не в состоянии управлять даже маленькой фигуркой, как он сможет защитить себя от старого пройдохи ворона?

Итак, власть короля оказалась весьма ограниченной. На его вкус, даже слишком ограниченной. Он все больше убеждался, что является всего лишь ширмой. Нет, не то чтобы ширмой — просто не чувствовал он себя настоящим правителем. Его присутствие давало призракам нечто, чего они сами не могли обеспечить. В противном случае он был бы не нужен.

«Томас придавал нам устойчивости», — вспомнил он слова Мэрилин. Не в этом ли был источник его могущества... в том, что он способствовал сохранению устойчивой формы своих подданных?

«Но ведь именно этого добивается и ворон!»

Проклятой птице тоже что-то было от него нужно, однако она не могла просто вырвать это что-то из его бездыханного тела. Было очевидно, что для пернатой твари не составило бы большого труда прикончить его тогда, на улице

или в конторе, — чем больше Джеремиа думал об этом, тем более убеждался, что это именно так. Мэрилин сказала, что ворон хочет стать настоящим, реальным, но дело, очевидно, было не только в этом. Птица была, хотела... хотела...

Мысли Джеремии путались; у него начинало стучать в висках. Он должен был выбраться из этого места, чтобы увидеть что-то еще, пусть даже и мир, полный призраков, кошмаров и блуждающих в ночи тварей. Возможно, тогда он лучше поймет свое место в ходе вещей.

«А может, я все-таки просто уснул в поезде и все это не более чем дурной сон».

При этой мысли в нем затеплилась слабая надежда, помогая вновь обрести присутствие духа. Он вздохнул и огляделся в поисках выхода.

Его вдруг осенило: когда он в первый раз осматривал свою опочивальню, то не видел никакого намека на дверь. Разумеется, этому существовало простое объяснение, а именно: архитектор счел дверь ненужной деталью. Даже стены были практически не видны за мебелью и зеркалами потолка. Все было весьма изысканно, однако выбраться из этой изящной темницы, на первый взгляд, не представлялось возможным.

А что, если...

Он подошел к ближайшему зеркалу и коснулся ладонью его поверхности. Зеркало показалось ему столь же материальным, как и все, с чем он здесь сталкивался, включая Мэрилин. Джеремиа надавил сильнее, надеясь, что рука

его вот-вот проникнет сквозь стекло, но, видимо, законы Льюиса Кэрролла здесь не действовали — зеркало было цело и невредимо. Он попробовал еще трижды — но тщетно.

— Ты мыслишь как человек, — вслух произнес он, досадуя на самого себя. Это являлось ошибкой — вполне объяснимой, но все же ошибкой. То был мир снов, мир воображаемого, мир Серых, а Тодтманн по-прежнему принимал все за чистую монету, хотя уже знал, как перемещаться в этом потустороннем пространстве. Возможно, ему еще не дано двигать предметы, но путешествовать вполне в его силах.

— Я хочу выбраться отсюда! — Он мог бы сказать это и про себя, но так ему казалось вернее.

Однако результат был вовсе не таким, какого ожидал Джеремиа. Он все еще оставался в своей опочивальне, вместо того чтобы материализоваться где-то еще, хоть в том же клубе «Бесплодная земля». Но тут он увидел, что стены, потолок и даже пол начали подозрительно вибрировать. В следующее мгновение стена перед ним отделилась от потолка и завалилась наподобие костяшки домино, увлекая с собой стоявшую подле нее мебель. При этом все до единого предметы мебели остались точно на своих местах, словно были приклеены к стене. За стеной мерцал призрачный свет Серого царства. Ни коридоров, ни дворца не было — только свет.

То, что осталось от королевской спальни, продолжало колыхаться. Джеремиа услышал, как

стронулась с места стена слева от него. Вместе с ней рухнул не только комод, но и стенные шкафы, которые, как оказалось, не имели объема. Только благодаря мебели стена не производила впечатления абсолютно плоской поверхности.

Только когда от стены стала отделяться дальняя правая стена, Джеремиа осознал, что находится здесь становится опасно. Издав вопль, который совершенно не вязался с его королевским саном, Джеремиа бросился прочь из апартаментов, в туманную пустоту, простиравшуюся за пределами спальни. Странное чувство преследовало Джеремиа, когда он бежал по стене, но ему было достаточно напомнить себе об оставшейся позади смертельной опасности, чтобы ноги сами несли его все дальше и дальше. В несколько шагов преодолев последние метры, он прыгнул в никуда. Только тогда до него дошло, что твердой почвы там может и не оказаться.

Обернувшись, он увидел, что его страхи были не напрасны. Потолок, державшийся до сих пор на одной стене, сверзился вниз. Массивная люстра, игнорируя общепринятые законы механики и гравитации, с силой протаранила стену. Джеремиа, скрепя сердце, ждал, что произойдет, когда потолок обрушится на просторную — под балдахином — кровать, на которой он еще недавно имел удовольствие почивать. Потолок и стена встретились, Джеремиа успел лишь заметить, что люстра и мебель, включая кровать, просто растаяли в воздухе.

Последняя стена упала вниз, накрыв устланный коврами пол. Три другие стены внезапно отделились от пола и полетели в туманную мглу, которая простиралась под ними, не обращая внимание на то обстоятельство, что еще секунду назад внизу существовала некая твердь. Джереми судорожно сглотнул, недоверчиво пробуя ногами почву. Он не понимал, какая разница существует между той пустотой, в которую провалились стены, и тем местом, где находился он. Но факт оставался фактом — он стоял на чем-то твердом, а там ничего не было. Словно в подтверждение этого оставшиеся пол-потолок-стена, точно сорвавшиеся с петель двери, устремились туда же, в мрачное ничто, которого, на первый взгляд, существовать не могло.

Новый король Серых оказался совершенно один посреди небытия. От его комнаты не осталось и следа. Собравшись с духом, он даже сделал шаг в обратном направлении в надежде увидеть дыру, в которой сгинули обломки. Но не удивился, когда никакой дыры не обнаружил. Куда бы он ни ступал, под ним была твердая поверхность.

«Должно быть, я спятил. Иначе как объяснить, что я воспринимаю всю эту чертовщину как должное? Одного исчезновения комнаты хватило бы, чтобы свести человека с ума. Возможно, я всегда был сумасшедшим, и теперь болезнь просто перешла в новую фазу».

Продолжая мысленно рассуждать на тему душевного состояния, Джереми вдруг заметил, что он уже не один.

Вокруг собирались тени. Не те глубокие и алчные, составлявшие воинство ворона, а легкие, словно порхающие, зачастую имевшие человеческий силуэт, похожие на тех, что он видел на Юнион-стейшн и в Сирс-тауэр. Первые тени вели себя осторожно, словно были чем-то напуганы. Он чувствовал это по характеру их движений. Для них Джеремиа Тодтманн был больше, чем король, он был их жизнью. Арос упоминал об этом, но Джеремии казалось, что для долговязого призрака он был не столько король, сколько средство для достижения каких-то его целей. Арос и ворон в чем-то очень походили друг на друга; с другой стороны, в них не было ничего общего с этими бедолагами.

Теперь они буквально роились вокруг него. Казалось, призраки жаждут его прикосновения, но когда он попытался дотронуться до одного из них, они бросились врассыпную. Они точно сами не знали, что им от него нужно.

— Чего вы хотите? — невольно вырвалось у него.

Услышав его слова, они пришли в неопишное волнение. Джеремиа повторил свой вопрос. Теней стало еще больше. Некоторые выглядели смутно знакомыми. Какая-то женщина в длинном платье. А вот эта была больше похожа на собаку. Джеремии показалось, что кое у кого за спиной виднелись крылья.

Похожий на собаку призрак приблизился, так что теперь Джеремиа мог дотронуться до него рукой. Не зная толком, как следует вести себя в

подобных случаях, он протянул к нему руку, как если бы перед ним была колли или овчарка. К его облегчению — он по собственному опыту, почерпнутому в подвалах Сирс-тауэр, знал, что Серые могли укусить руку, ведущую их, — собакообразная тень подошла еще ближе.

Это была определенно собака или какая-то разновидность волка. Когда она оказалась совсем близко, ее очертания стали видны более отчетливо. Джереми любил собак: собака — друг человека, а на кошек у него была аллергия. Волки его тоже интересовали. Он подумал, каково было бы завести дома волчонка.

Холодный нос ткнулся ему в ладонь. Он хотел отдернуть руку, но передумал. Джереми прищурился; у него практически не оставалось сомнений, что перед ним именно волк. У него была серая, серебристая шерсть. Величественный, умный, верный волк... впрочем, об этих его качествах пока приходилось лишь догадываться.

Волк заглянул ему в глаза и завилял хвостом.

Джереми Тодтманн начинал догадываться, почему эти призраки так вились вокруг него. Это он сотворил волка. На свой собственный вкус. Это не был обман зрения: перед этим Джереми дотронулся до него, это был лишь смутный, едва намеченный силуэт.

«Томас придавал нам устойчивости». Это было еще мягко сказано. Арос намекал ему на некую

силу, которой наделен король, но до сих пор Джеремя не очень хорошо понимал, что он имел в виду. Он мог — в буквальном смысле — изменять их, особенно тех, у которых не было собственного четко выраженного облика. Возможно, со временем он сможет воздействовать на самого Ароса и даже на ворона.

Воздействовать на Ароса и на ворона! Похоже, картина начинала проясняться. Что если эти двое стремятся манипулировать им отчасти из страха, что когда он приобретет достаточно влияния, то их собственная власть окажется под вопросом? Что произойдет, если они не будут контролировать его? И что, собственно, произошло с его предшественниками?

Волк облизывал его ладонь. В глазах его угадывалось истинное блаженство. Единственной радостью Серого — пусть даже этот Серый всего лишь животное — был стабильный, устойчивый облик. Джеремя понял, что они подвержены воздействию слишком многих живущих в реальном мире и потому обречены постоянно менять обличье. Неудивительно, что в итоге они оказывались всего-навсего эфемерными теньями. Ни одна форма не могла завоевать доминирующего влияния. Только при условии, что представления достаточно многих живых людей о некоем существе или некоей личности — вроде Лохнесского чудовища или Мэрилин Монро — совпадали, Серые получали шанс существовать в более или менее стабильной оболочке. В старину, когда кругозор людей был

куда более ограничен, все было проще. Серые были, как правило, эльфами, карликами, привидениями, драконами. Теперь же человеческое общество было перегружено информацией, и одни и те же образы в сознании разных людей имели разные коннотации. Возможно, собственно даром живого воображения обладали немногие, однако сильно расширился набор средств, способных стимулировать и направлять игру этого самого воображения. Кино, телевидение, книги, игры, новости...

Несчастливым призракам, должно быть, все время казалось, что их разрывают на части.

— Привет, — услышал Джеремию.

Волк отскочил в сторону и злобно зарычал на вновь подошедшего. Это было то самое обезьяноподобное существо, которое Джеремия видел еще в «Бесплодной земле».

— По-моему... Арос... ищет тебя.

Джеремию пока не горел желанием снова встречаться с этим ходячим трупом, а потому поспешил перевести разговор на другую тему.

— Кто ты? — спросил он.

Красные глаза-семафоры часто заморгали. Поколебавшись, обезьяноподобный проронил:

— Я не Горацио.

— У тебя есть имя?

— Не-е... думаю. — Он снова принялся часто-часто моргать. — А что, я могу получить собственное имя?

«Можешь ли ты получить имя?»

— Имя? Ты хочешь, чтобы я дал тебе имя?

— Ты единственный...

Джеремия невольно улыбнулся. Стало быть, одной из его привилегий было нарекать их именами.

— Какое же ты хочешь имя?

Глаза его нового знакомого радостно вспыхнули. Джеремия видел, что тот лихорадочно пытается сообразить. Казалось, где-то в глубине его существа происходила отчаянная борьба. Не это ли имела в виду Мэрилин, говоря об устойчивости? Так ли уж необходимо Серым его присутствие?

— Любое, — наконец изрек обезьяноподобный. Глаза его затуманились.

Любое...

«Ему так не терпится получить собственное имя, что ему все равно, какое это будет имя. Я могу назвать его Моргенстрёмом — ему плевать».

Впрочем, такого Джеремия не мог пожелать даже врагу. Вся его жизнь была связана с Чикаго, и в детстве он не раз бывал и в зоологическом саду в парке Линкольна, и в Брукфилдском зоопарке. При виде этого призрака в памяти его ожили образы обитателей обезьяньих вольеров, которые юному Тодтманну казались сказочными. Как же звали того, более других поразившего детское воображение? У него было какое-то немецкое имя. Он вспомнил, что животное несколько лет назад погибло. Как его звали?..

— Отто?

— Это мое имя? — Глаза призрака снова радостно блеснули.

— Э-э... ты хочешь, чтобы это было твоим именем? — Конечно, можно было найти и лучше... Будь у Джеремии время, чтобы подумать, он выбрал бы другое.

— Отто! — взревел обезьяноподобный; остальные, включая волка, поспешили ретироваться в туманной дымке. — Отто!

— Если тебе не нравится...

Тень приблизилась. Ее форма стала чуть более отчетливой. Джеремию Тодтманна уже не удивляло, что обезьяньи черты теперь преобладали.

— Мое имя Отто.

Что ж, каждому свое.

— Стало быть, тебе нравится.

— Да. — Новонареченный Отто вопросительно склонил голову. — Однако Арос искал тебя.

Арос. Именно этого Серого Джеремии особенно не хотелось видеть, но он понимал, что рано или поздно этого не избежать.

— Разве Аросу неизвестно, где я?

— Не всегда.

Это было что-то новенькое. Джеремиа уже привык считать Агвилану своего рода Санта Клаусом. «Он видит, когда ты спишь, он знает, когда ты просыпаешься...» Теперь выходило, что он ошибался. Возможности Ароса были ограничены.

Видимо, его обезьяноподобный крестник изменился не только внешне, потому что он снова склонил голову набок и промолвил:

— Арос очень хочет достичь совершенства. Он пытается... делать то, что, на его взгляд, является правильным, но цель не всегда... оправдывает средства.

— Что это значит?

Отто покосился налево:

— Сюда идет Арос.

— Арос? — Джеремя посмотрел по сторонам, но никого не увидел.

— Всегда есть выход, — пробормотал Отто и — не успел Джеремя и рта раскрыть — испарился.

В тот же самый миг его взору предстал Арос Агвилапа. Эта смена персонажей произошла столь стремительно, что можно было подумать, будто обезьяна Отто превратилась в долговязого Ароса.

— Ага, вот вы где! Надеюсь, Ваше Величество хорошо почивали.

— Да. — Джеремя предпочел умолчать о незваной гостье.

— Отлично! — На устах Ароса играла улыбка, чем-то отдаленно напоминавшая улыбку призрачной Мэрилин. — Нам еще предстоит многое сделать! Предстоит еще многое понять, прежде чем вы почувствуете себя уверенно в новом качестве.

В этот момент Джеремя Тодтманн меньше всего надеялся когда-либо почувствовать себя уверенно в роли, которую ему избрали, — особенно если советником его будет Арос Агвилапа, а ворон будет продолжать строить свои козни,

чем он занимался еще при Томасе О'Райане, а возможно, и раньше.

— Куда мы теперь?

— Разумеется, на бейсбол.

Они исчезли раньше, чем Джеремиа успел удивиться.

Каллистра сидела за угловым столиком в клубе «Бесплодная земля», потягивая воспоминания об изысканном дорогом шабли, которое кто-то давным-давно выпил. Вино было таким же безвкусным, как и все, что здесь подавали, — по крайней мере для нее. Каллистра понимала, что, будь она настоящей, шабли показалось бы ей райским нектаром; в тот момент, однако, оно лишь напоминало о той пропасти, которая пролегла между ней и Джеремией Тодтманном.

— Здравствуй, Каллистра.

Оторвав взгляд от танцующих, среди которых живо представляла себя и Джеремию, она повернулась на голос. Это был обезьяноподобный, которого она время от времени видела в компании Ароса. Он сел напротив и по своей привычке принялся часто — почти в такт музыке — моргать. Каллистра отметила в своем визави какое-то новое качество, но в тот момент ей не очень хотелось разбираться, в чем именно состояла произошедшая в нем перемена.

— Чего ты хочешь? Ароса здесь нет.

— Арос с человеком, который не хочет быть королем.

— Я знаю.

Каллистра сделала еще глоток, собираясь предложить своему собеседнику, если ему больше ничего сказать, оставить ее одну. Он никогда не был особенно силен в устной речи — впрочем, до сих пор ни один король не жаловал его вниманием. В глазах обитателей Сумрака он был чем-то вроде комнатной собачки. Не более того. Не то что Каллистра. Ей было дано обличье, которое даже короли находили обольстительным.

«И обо мне тоже думали как о собачонке...» По крайней мере она была не похожа на Мэрилин, которая так замкнулась в своей роли, что не знала ничего другого. Каллистра же могла хотя бы притвориться, что она личность, что она почти человек.

— Я беспокоюсь за Ароса, — заявил ее собеседник.

— Беспокоишься? Он держит под контролем все. — Ее немного удивил собственный саркастический тон. Это было так в духе живых людей, что она невольно улыбнулась.

— За короля ты нашего боишься; ведь ты коварства Ароса страшишься.

Каллистра поставила бокал на стол и изумленно воззрилась на обезьяноподобного. Он перестал моргать и в свою очередь уставился на нее.

— Что такое ты несешь?

— То, что ты думаешь. То, чего я боюсь.

Каллистра впервые обратила внимание, что облик его стал более отчетливым. В нем уже не было той смазанности, незавершенности.

— Ты говорил с ним?.. С Джеремией?

Обезьяноподобный призрак горделиво расправил плечи:

— Мое имя *Отто*.

«Он дал имя! Джереми дал имя!»

Для призраков не было ничего ценнее имени. Оно — более, чем что-либо другое — позволяло осознать себя в качестве уникального явления. Имя давало призраку шанс стать чем-то большим, нежели просто игра воображения спящего или бодрствующего Человечества.

— Еще он создал волка. Тот был счастлив.

— Но Арос не хотел, чтобы он обнаружил в себе этот дар! Малое знание таит в себе опасность!

Долговязый призрак утверждал, что это в интересах самого Джереми. А кто мог знать лучше Ароса? Он говорил ей, что, когда придет время, он откроет новому королю все тайны его дарования. Всему свое время — так говорил Арос Агвилана.

— Всякое случается. Люди меняются. Серые меняются еще чаще. Каллистра, это сильнее нас всех, сильнее Ароса.

Вокруг них продолжали танцевать тени, притворяясь живыми, но Каллистра уже не замечала их.

— Зачем ты здесь?

Глаза его моргнули раз-другой и снова уставились на нее.

— Зачем все мы здесь? Мне он нравится, Каллистра. Мне нравится наш новый король.

Не спуская глаз с обезьяноподобного, Каллистра откинулась на спинку стула; ей все яв-

ственное были видны те изменения, которые произошли в нем благодаря Джереми.

— Мне тоже, *Отто*. Мне тоже.

— Но Ароса я тоже люблю.

— Разумеется.

Отто кивнул:

— Я хотел, чтобы ты знала.

В следующее мгновение его уже не было.

Каллистра обхватила бокал ладонями, но пить не стала. «Что бы все это значило?» — думала она, не замечая, что в этот момент мысли ее очень похожи на мысли живых людей.

А потом в ней шевельнулось сомнение: действительно ли она *хочет* это знать?

VIII

Среди бейсбольных стадионов мира пальма первенства, бесспорно, принадлежит знаменитому «Ригли-филд». Нет, он не самый старый, но в нем ощущается подлинная приверженность традициям, и в этом смысле ему нет равного. «Ригли-филд» — это отдельная страница в американской истории начала века. Здесь все, начиная со старомодного табло, на котором счет ведется вручную, и кончая поросшим плющом ограждением аутфилда*, проникнуто духом бейсбола.

* в бейсболе внешняя, дальняя часть поля, образуемая двумя линиями, представляющими продолжение сторон квадрата. — *Примеч. пер.*

Джереми Тодтманн был на «Ригли-филд» всего раз или два, но тысячи раз смотрел трансляции бейсбольных матчей по телевидению. Здесь по-прежнему играли «Чикаго кабс» — команда с историей еще более почетной, нежели само поле, на котором она выступала. И пусть порой игра команды оставляла желать лучшего, но сердца жителей Чикаго безоговорочно принадлежали этому клубу и стадиону «Ригли-филд»... за исключением, пожалуй, Южной стороны, где отдавали предпочтение «Уайт сокс», клубу-конкуренту. Впрочем, Чикаго большой город, в нем есть болельщики как той, так и другой команды, но «Чикаго кабс» для Джереми Тодтманна были чем-то вроде первой любви.

Сезон уже закончился, болельщики ждали следующего, но, видимо, часть игроков не захотела расставаться с бейсболом. Однако в игре, на которую Арос пригласил Джеремию в тот день, было что-то странное.

Тинкерс, Эверс и Чанс играли инфилдеров* и занимали свои обычные позиции. Отбивать готовился Хэк Уилсон; вторым бэттером** был Роджерс Хорнсби. На месте кэтчера*** распола-

* Инфилд — в бейсболе внутренняя часть поля, представляющая собой ромб со сторонами 27,45 м; инфилдер — игрок внутреннего поля. — *Примеч. пер.*

** В бейсболе из команды нападения, отбивающий с помощью биты броски питчера. — *Примеч. пер.*

*** В бейсболе игрок, который стоит за «домом» и осуществляет прием мяча с помощью перчатки-ловушки после броска питчера, если его не отбил битой бэттер. — *Примеч. пер.*

гался Габби Хартнет. В аутфилде застыл Эрни Бэнкс; на губах его блуждала улыбка. На первой базе наготове стоял Райн Сэндберг. Из дагаута* высовывалась голова Андре Доусона; нервно расхаживал взад-вперед капитан Энсон, словно свирепый бык, готовый вырваться на арену.

Были там и другие персонажи. Кого-то из них Джереми узнавал в лицо, другие были ему неизвестны, хотя он живо интересовался историей любимой команды. Многие имена уже были вычеканены в зале бейсбольной славы, многих уже не было в живых.

На стадионе безмолвно неистовствовали болельщики. Джереми попытался разглядеть лица, но это оказалось невозможно. Толпа, наполнявшая трибуны «Ригли-филд», являла собой один сплошной конгломерат воспоминаний, один потусторонний образ, сложенный из миллионов и миллионов битов информации о прошлом. Толпа была важным и все же вторичным компонентом игры.

Его размышления прервал Арос, чья голова внезапно появилась над плечом Джереми. Серый настоял на том, чтобы сесть позади Джереми: он якобы не желал мешать тому наслаждаться необыкновенным зрелищем.

* Dugout, в бейсболе огороженное с трех сторон сооружение под крышей, одной стороной выходящее на поле; пол его обычно находится ниже уровня игрового поля. Там сидят игроки, в данный момент не задействованные на площадке. — *Примеч. пер.*

— Они играют каждый день, Ваше Величество. Таким бейсбол и задумывался когда-то, не так ли? Сюда можно приходить когда заблагорассудится.

Хэк Уилсон с такой силой отбил мяч, что тот со свистом улетел в зону самых дешевых мест. Зрители как один вскочили со своих мест. Джеремию так и подмывало присоединиться к толпе. Он не мог унять азарта, охватившего его, когда увидел, как соревнуются друг с другом величайшие игроки «Чикаго кабс», пусть даже они и были призрачными двойниками. Легендам бейсбола полагалось творить невозможное, и это сейчас и происходило.

И все же тревожное ощущение, не дававшее Джеремию покоя с того самого момента, когда они материализовались на стадионе, наконец решительно заявило о себе. Когда Роджерс Хорнсби занял место на основной базе*, а Чарли Рут вдруг оказался Дженкинсом, Джереми не выдержал и повернулся к Аросу.

— Мне казалось, я здесь для того, чтобы побольше узнать о том, что значит быть королем Серых.

Тоший вампир улыбнулся и материализовался рядом с ним.

— И так оно и есть. Знаете ли вы, что на самом деле происходит на этом стадионе? Вы оживляете воспоминания. В присутствии короля

* также называется «дом»; представляет собой прямоугольную резиновую плиту белого цвета площадью 900 кв. см в форме домика. — *Примеч. пер.*

воскресают самые лучшие матчи, когда-либо сыгранные. И так будет везде, где бы вы ни появились. На месте недавних событий, таких, как «Ригли-филд», или древних, как Долина Царей в Египте, — повсюду вы оживляете воспоминания... и этим создаете новые воспоминания *Человечества*.

— Я — что делаю? — На лице Джереми застыло изумленное выражение.

— Вы позволите показать вам не столь отвлекающий пример?

Всякий истинный болельщик «Чикаго кабс» ни за что не согласился бы покинуть стадион до окончания игры, но Джереми знал, что будут и другие игры, а сейчас нужно было услышать разъяснения того, что говорил Арос. Перспектива стать королем по-прежнему его не слишком устраивала, но если иного выбора не было...

— Что ж, покажите.

В следующую секунду они исчезли...

...И появились рядом с человеком в доспехах, похожим на воина из фильмов про Геркулеса; на их глазах он вонзил короткий меч в грудь своему противнику. Вокруг шел жаркий бой. Ни та, ни другая сторона, казалось, не двигалась. Воины как вкопанные сражались, не сходя с места. То и дело кто-нибудь падал как подкошенный.

— Троянская война, — изрек Арос, на которого — вернее сказать, сквозь которого, — повалилась очередная жертва.

«Это и есть менее отвлекающий пример?»

— Настоящая? — собираясь с мыслями, спросил Джереми.

— Отчасти. Построенная по памяти — и по легендам.

Оглянувшись, Тодтманн увидел город. С того места, где он стоял, видна была главным образом городская стена, и этот монумент славы несколько портили видные сквозь него настоящие развалины. Очень было похоже на Чикаго, каким он видел его вместе с Каллистрой.

Тем временем сражавшиеся, словно воодушевленные его появлением, принялись за дело с удвоенной энергией.

Арос наклонился к Джереми:

— Как я уже говорил, мы суть плоды воображения и воспоминаний. Там, где проходит король, пробуждаются последние. Они же, в свою очередь, возбуждают первое.

— И что же происходит? Как это отражается на людях?

— Когда пробуждаются воспоминания, включается подсознание Человечества. У некоторых воспоминания о Трое пробудили воображение, и эти люди написали об этом дивном городе и его падении. Другие возмечтали найти этот город — и нашли.

Джереми наморщил лоб:

— Из ваших слов выходит, что я влияю на образ мыслей живых людей...

— Мечты и игра воображения направляют историю. История направляет Человечество. —

Серый вампир вызвал воспоминание о сигарете и затянулся. — А король иногда может направлять мечты и фантазии Человечества.

«Я могу воздействовать на реальный мир? На оба мира?»

Было достаточно страшно думать даже о том, чтобы совладать с миром Серых, и вот теперь Арос утверждал, что его поступки повлияют на положение вещей в его собственном мире. У Джереми захватило дух от подобной перспективы, и он даже не заметил, как сквозь него пролетело брошенное кем-то копьё.

— Воистину серьезная задача для любого, мой повелитель.

Когда к Джереми вернулась способность ясно мыслить, он подумал, что последние слова — это самое большое в истории преуменьшение.

«Ни у кого из живших на земле никогда не было такой власти!».

Арос Агвилана с очень озабоченным видом подхватил Джеремию под руку, пока у того не подкосились ноги.

— Осторожнее, Ваше Величество!

Джереми заставил себя выпрямиться.

— Вы говорите серьезно?

— Боюсь, что да. Все так и есть.

Меловые черта лица исказила гримаса.

— Так и есть... — растерянно пробормотал Джереми. Всякий раз, когда он начинал думать, что преодолел все поставленные перед ним фантастические препятствия, тут же возникало новое, больше всех предыдущих.

— Не вернуться ли нам в клуб, как вы полагаете?

Человек, который еще меньше теперь хотел быть монархом, рассеянно кивнул.

— Вот и хорошо, — только и произнес Арос; вслед за этим они снова очутились в уже знакомых Джеремии интерьерах «Бесплодной земли».

Трон возвышался на том же самом месте, и Джеремия даже не заметил, как оказался на нем. Все снова произошло столь внезапно, что он на мгновение забыл все, что сейчас узнал. Вернее, почти забыл. Едва ли можно совершенно забыть о том, что тебе только что дали власть — пусть и ограниченную — влиять на образ мыслей каждого живущего на земле мужчины, каждой женщины, каждого ребенка, каждого политика.

Арос выбросил сигарету и щелкнул пальцами. Прозрачная, почти неразличимая глазом тень скользнула по ладони Джеремии, оставив после себя небольшой бокал, наполненный темной жидкостью. Джеремия надеялся, что она окажется крепче виски.

Перед ним предстала Каллистра, как всегда, внезапно материализовавшаяся из ничего, и присела в книксене. Она стояла на возвышении, на том же месте, которое прежде занимал Арос, словно не решалась приблизиться к трону. Наконец она подняла на него взор; при виде ее Джеремия почувствовал легкий трепет.

Он не видел, как широко улыбнулся стоявший за ним Арос Агвилана.

— Каллистра, будь любезна, проводи Его Величество в какое-нибудь тихое, уединенное место и позаботься, чтобы он ни в чем не испытывал нужды.

— Хорошо, Арос.

Джеремя с легким сердцем взял ее за руку. Теперь ему было все равно, куда идти — лишь бы там ему не пришлось слишком забивать голову тем, что он только что узнал. Еще больше его устраивало то обстоятельство, что теперь компанию ему составит не скелетообразный Серый, а высокая черноволосая красавица.

В мгновение ока их не стало. Джеремя уже начинал привыкать к подобной внезапности. Посмотрев по сторонам, Джеремя уже хотел настаивать, чтобы Каллистра подобрала другое место, потому что он узнал ту самую необъятную спальню, которая, как он прекрасно помнил, провалилась в какую-то бездну. Спальня была в целости и сохранности, но его не покидало тревожное ощущение: что если она все еще летит — или вот-вот улетит — куда-нибудь в тартарары?

Каллистра подвела его к креслу:

— Я вижу, тебе приходится нелегко, но нельзя приготовить яичницу, не разбив яиц. Арос хочет объяснить тебе все настолько быстро, насколько можно это сделать, не показывая слишком много сразу.

— Я хотел бы понять одно — как выбраться отсюда.

— Но это...

— Невозможно. Это я уже слышал. Ты мне говорила и в этом, наверное, я могу поверить тебе — если не Аросу.

Каллистра огляделась вокруг в поисках еще одного кресла.

— Джеремия, я всегда к твоим услугам.

Джеремия, не в состоянии докопаться до истинного смысла ее слов, досадливо наморщил лоб.

— Но почему, Каллистра? — Еще неделю назад он не был бы столь груб, тем более по отношению к женщине, равную которой по красоте трудно было даже вообразить и которая — что самое главное — проявила к нему интерес. Странно, как быстро меняется человек, превратившись в короля снов. — Это твоя добрая воля или обязанность?

Развевая длинные пряди, Каллистра резко повернулась и воззрилась на Джеремию. Это был не гнев, как он сперва испугался, но всего лишь сожаление.

— Джеремия, я не такая, как *она*.

Джеремии вдруг захотелось провалиться сквозь землю. Ему не надо было объяснять, кто такая *она*.

— Ничего ведь не было... — машинально пробормотал он.

— Я знаю. — Она не стала объяснять, откуда ей это известно, а он не спросил. — Я *была* такой, как она, но, подобно, Аросу, мне было дано имя — то, что позволяет нам обрести устойчи-

вость. Имя для нас значит больше, чем для тебе подобных — золото. Имя открывает нам возможность почувствовать себя почти живыми. В лице Отто ты теперь обрел настоящего друга.

— Это ты тоже знаешь?

Интересно, насколько плотно за ним следят? Пресловутый Старший Брат тоже здесь есть? Вполне вероятно.

— Имя тебе дал король?

— Это были два короля, но второй считал, что нарекает меня новым именем. Он хотел уничтожить всякую память о своем предшественнике, но не понимал одного: что я уже была Каллистра и не хотела быть никем другим. Я просто прибавила новое имя к уже имевшемуся и стала тем, чем стала.

— По твоим словам создается впечатление, что ты здесь уже несколько столетий. Я думал, ты возникла недавно.

— Время — понятие относительное.

Джеремя покачал головой:

— Что-то мне не хочется, чтобы ты мне это объясняла. Во всяком случае, не теперь. — Ее слова заставили его подумать о другом. — А кто дал имя Аросу?

— На моей памяти Арос был всегда.

Иными словами, она этого не знала. Джеремя тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Возможно, я слишком часто смотрел фильмы по ночам. — С его губ сорвался смешок. — Черт, теперь я живу в таком фильме!

Каллистра стояла возле другого кресла, рассеянно поглаживая ладонью спинку.

— Джеремиа, я очень сожалею о том, что мы с тобой сделали.

Он посмотрел на нее печальными глазами:

— Мне жаль, что я оказался не тем, кто вам нужен. Где-то наверняка есть человек, который гораздо больше подходит на роль короля. Уверен, где-то есть герой, готовый противостоять и Аросу, и ворону. — Джеремию все больше охватывало отчаяние. Подавшись вперед, он простер руки к Каллистре точно в мольбе. — Каллистра, всего несколько дней назад я был ничем! Я ездил на службу, вечером возвращался домой, и так повторялось изо дня в день. Меня все устраивало. А какой человек нужен вам? Что такого увидел во мне Томас О'Райан, чего я сам про себя не знаю? Почему я? Что во мне особенного? Ты можешь объяснить мне?

— Я могу сказать тебе, — после долгой паузы произнесла Каллистра. — Но правда не всегда бывает приятной, Джеремиа. Тебе она не понравится.

В этом он несколько не сомневался. Но теперь это больше не имело значения. Совсем в духе Серых призрачного мира он изрек:

— Срази меня своим главным оружием.

Каллистра помрачнела, отчего ему стало совсем уж тошно.

— Выбор Томаса пал на тебя, потому что ему понравилось твое имя.

Тодтманну показалось, что он ослышался:

— Ему понравилось мое имя? О'Райану понравилось имя Джеремиа?

— Нет, не первое имя. Фамилия вела тебя к судьбе и славе. — Призрачная красавица недовольно покривилась, как Арос, когда начинал говорить стихами или штампами. Такую реакцию Джеремиа заметил у Каллистры впервые.

— Тодтманн? Это, кажется, немецкая фамилия. — Джеремиа был американцем в седьмом поколении и не имел ни малейшего представления, откуда прибыли его предки или что значила их фамилия.

— Она показалась Томасу забавной; он сказал, что она означает *мертвый человек* или что-то в этом роде.

— Покойник? Ты шутишь...

— Нет.

— Покойник... — Джеремиа нервно рассмеялся и упавшим голосом добавил: — Правду говорят, что человек должен оправдывать свою фамилию...

— Джеремиа, это определило выбор Томаса, но что значит имя? В тебе есть больше, чем он себе представлял, намного больше.

Происходящее все более смахивало на дурной сон.

«Покойник. Очень подходяще».

— Боже, как бы мне хотелось вернуться!

Снова повисла тягостная пауза.

— Джеремиа... есть... есть один способ...

— Не надо играть со мной, Каллистра, — выпалил Джеремиа, но тут же осекся — она заронила в нем надежду.

— Есть путь назад. — По выражению ее лица было видно, что ей непросто дались эти слова. Джереми показалось, что он знает — вернее, он надеялся, что знает, — с чем это связано. — Арос хотел, чтобы я убедила тебя в обратном, но... — Она отошла от кресла, в которое так и не села, и остановилась перед Джеремией. — Я не могу больше так с тобой поступать. — Она коснулась ладонью его щеки. — Я больше никогда не смогу.

— Каллистра... — Джереми Тодтманн только теперь признался себе, что для него значит эта чарующая тень, будь она человеком или призраком. Теперь он хотел сказать об этом ей.

Может быть, Каллистра знала, что он хочет ей сказать, потому что она отняла руку и ладонью закрыла ему рот. Словно не видя выражения его глаз, бледная женщина продолжала:

— Путь существует. Ты должен вернуться к своим корням. Ты должен вернуться в свою жизнь. Должен вернуться *домой*.

— Домой?

— Ключ к возвращению в реальный мир — это вернуться к тому, что ты знаешь, и снова стать частью этого. Самая прочная связь с твоей старой жизнью — это твой дом. Жить в нем, помнить — это тот путь, на который ты должен встать.

Не отдавая себе отчета в том, что делает, Джереми схватил Каллистру за руки и прошептал:

— Ты говоришь мне правду?

— Теперь я не буду тебе лгать.

Глаза ее увлажнились. Джеремии хотелось ей верить, но после всего, что было, после всего, что обрушил на него Арос, ему с трудом удавалось сохранить в себе надежду. Долговязый вурдалак со своей неизменной язвительной улыбкой имел привычку сокрушать надежды раньше, чем они могли бы пустить корни.

— А как же... как же быть с тем, что я король? Что будет с этим?

— Не знаю. Следует выбрать другого, но нужно, чтобы ты тоже участвовал в выборе. Закливание королевской власти, лежащее на тебе, может сделать свой собственный выбор, как когда-то предполагалось.

— Что ж, если дело за мной, то я бы предпочел видеть на троне кого-то более достойного, кто действительно способен управлять. Я же хочу одного — вернуться домой.

Джеремиа зажмурился, надеясь, что, когда он снова откроет глаза, они оба окажутся в гостиной его дома. Но вместо этого они по-прежнему находились в богатых королевских покоях, сооруженных волей фантазии Ароса. Каллистра, казалось, ничего не заметила; на самом деле она вообще ничего не замечала, кроме Джеремии. Решив не ломать голову над тем, почему они остались на месте, он с тревогой и вполне ожидая худшего, спросил:

— Ты пойдешь со мной?

— Я буду твоим проводником, насколько это в моих силах. Об этом ты не волнуйся.

— Я не это имел в виду. — Тодтманн собрался для второй попытки. Женщины, Серые или иные, всегда были для него трудным испытанием. — Я хочу, чтобы ты ушла со мной. В мой мир.

— Я не мо... — неуверенно произнесла Каллистра и не договорила. Джеремиа с трепетом ждал — ему показалось, что она молчала вечность. Наконец черноволосая чародейка кивнула. Если Серые не умели плакать, значит, Каллистра исполнила блестящую имитацию.

На этот раз Джеремиа собрал все силы.

— Тогда я действительно хочу вернуться домой, немедленно!

Однако и на сей раз ничего не случилось.

— Почему мы остались на месте?

— Я... я не знаю.

Незадачливый правитель предпринял еще две попытки с тем же великолепным отсутствием результата. С сокрушенным видом он принялся ози-
раться по сторонам, словно надеялся увидеть некую материальную причину его неудачи. Прежде его королевской власти оказывалось достаточно, чтобы перенести его в город или на автобусную остановку. Что же случилось теперь?

Арос? Почему бы и нет? Кому еще могло понадобиться удерживать его здесь? Джеремиа спросил Каллистру, что она думает по этому поводу.

Ей не очень понравилась его мысль, однако она допускала, что целиком исключить такую вероятность нельзя.

— Я не стану отрицать, что Арос способен на такое. Правда, сейчас он не следит за тобой, но есть методы...

— У нас нет иного способа попасть туда, куда мы захотим?

Каллистра задумалась.

— Может быть еще один, но он медленнее и куда опаснее. Нам придется идти среди теней, и этот путь ведет к воронам.

— А *другого* пути нет? — спросил Джеремиа и подумал: «Разумеется, нет! Простого выхода не может быть».

Каллистра подтвердила его опасения: либо они совершат поход по царству теней, либо ему придется приступить к исполнению обязанностей короля.

— Джеремиа! Отказом от короны ты не поставишь ворону препоны... — Намек на румянец коснулся ее бледных щек. — Извини, я не хотела...

— Я знаю.

Джеремиа думал, что уже достаточно знает о речи Серых, чтобы понимать, что они редко говорят стихами по собственной воле. И все же ее слова ударили как разящий меч в руках Эролла Флинна*. Джеремиа Тодтманн напомнил себе, что он не Робин Гуд, не Зорро и даже не актер, их играющий, так же, как ранее он не был Хамфри Богартом. Он был всего лишь Джеремией Тодтманном, увереннее чувствовавшим

* американский киноактер (1909–1959), снимался в амплу «неотразимых» героев в «костюмных» исторических фильмах.

себя с пером, которое, вопреки *этому* конкретному штампу, вовсе не было сильнее меча. Будь оно и в самом деле сильнее, возможно, он и захотел бы остаться и что-то сделать в своей роли.

Нет, все равно ничего не вышло бы. Аросу нужна была послушная марионетка, потому-то его и устраивала кандидатура Джереми. И потом, конечно, был еще и ворон, каковы бы ни были его планы, — и просто здравый рассудок подсказывал, что надо уносить ноги.

— Надо выбираться отсюда, — сказал он. — Попытаем счастья в реальном мире.

Каллистра взяла его за руку, и в следующее мгновение они оказались в каком-то сумрачном месте — по всей видимости, все еще в пределах царства Серых. Каллистра, не останавливаясь, увлекала Джеремию за собой в каком-то определенном направлении. Он был рад, что она вела его: насколько он мог видеть — а видел он недалеко, — со всех сторон их окружала зыбкая пустота.

— Сколько нам идти? — шепнул Джереми. Он не был уверен, что надо говорить шепотом, но окружающая обстановка на это настраивала.

— Дольше, чем нам хотелось бы, — нормальным голосом ответила Каллистра.

Призрачный ответ в призрачной ситуации. Можно было и не спрашивать. К тому же время — понятие относительное, о чем Каллистра уже упоминала. То, что казалось часами, на деле

могло оказаться минутами. Конечно, могло оказаться и днями.

Он попытался не слишком в это вникать.

Как только они пустились в путь, вокруг стали то появляться, то исчезать какие-то фигуры. Вначале Джеремиа решил, что это все те же тени, но очертания этих были более отчетливыми и более знакомыми. Это были сцены, в которых мог бы принять участие и он, если бы его не коснулся мир Серых, и сцены, в которых он сможет снова принимать участие, если найдет путь домой. Каллистра вела его назад, к пограничной зоне между царством Серых и реальностью.

Но нельзя сказать, что народа теней здесь не было. Их притягивало одно присутствие Джеремиа. Некоторые отваживались подойти достаточно близко, так что можно было разглядеть их очертания. Были среди них похожие на людей, в других не было ровным счетом ничего человеческого. Зная, что он значит для них, Джеремиа уже хотел остановиться, однако Каллистра отогнала их, не позволив желанию помочь взять в нем верх. Тодтманн виновато наблюдал, как они исчезают, утешая себя мыслью, что следующий король, который будет намного лучше его, им поможет.

Конечно, хотелось бы иметь уверенность, но раз он сам не выбрал этого человека, то уверенности-то у него и не будет.

Вокруг принимал все более отчетливые очертания мир Людей, его мир.

Никто, конечно, не обращал на них никакого внимания. Какая-то блондинка в синем костюме покосилась в их сторону, но Джереми все еще был частью мира Серых, и, возможно, она просто решила, что ей померещилась пара, возникшая ниоткуда.

Был день, но почему-то казалось, что его вот-вот сменит ночь. Еще один день ушел в царство Серых. Джереми хотелось бы надеяться, что последний.

— Почему сюда?

— Вот почему.

Джереми проследил взглядом за ее жестом и увидел, что перед ними вход в здание Юнион-стейшн со стороны Джексон-стрит.

— Мы поедем на поезде?

— На этом пути меньше всего шансов, что нас заметит Арос или другие, о ком надо помнить. Это дорога, которая лучше всего известна твоему земному существу. Теперь нам придется призвать на помощь твои воспоминания, которые выведут тебя к твоей прежней жизни.

Джереми оставил последнюю часть без внимания.

— Ты сказала «Арос или другие». Есть еще и другие?

Каллистре не хотелось тратить время на разговоры, но она, очевидно, понимала, что он не успокоится, пока она не ответит.

— Другие, такие, как я, которые помогают Аросу в его начинании. Но прежде всего опасаюсь надо его. Идем. Поезд вот-вот отойдет.

Сюрреалистический ландшафт Серого царства все еще накладывался на городской пейзаж, и с городом происходили странные вещи. Джереми с трудом переставлял ноги, утопая в неестественно мягком тротуаре, который забирал куда-то ввысь и над которым зловеще нависали извивающиеся, наподобие кровожадных драконов, небоскребы, среди которых маячило и здание Сирс-тауэр. Меж тем пешеходы шли как ни в чем не бывало, не замечая творившегося вокруг них хаоса, ответственным за который отчасти являлось их собственное сознание. Однако, несмотря на сложность пути, Каллистре и Джереми каким-то образом легко удавалось обгонять тех, кто следовал в том же направлении. Тодтманн видел скользившие в толпе другие тени; теперь происходившее вокруг не вызывало у него вопросов.

Он подумал о том, что больше никогда не сможет доехать до службы без того, чтобы не озираться по сторонам в поисках призраков.

Наконец они спустились по лестнице, которая вела в здание вокзала, и направились к перрону. Каллистре не надо было спрашивать, какой путь ведет к дому Джереми. Избавленный от необходимости следить за дорогой, беглый король был озабочен одним — он внимательно наблюдал, не появятся ли какие-нибудь признаки того, что Арос Агвилана или ворон обнаружили его исчезновение. Разумеется, он понятия не имел, что предпринять, если кто-

то из них пустится в погоню, но, как и большинство людей, мог хотя бы наблюдать.

Несколько теней проследовали за ними к подъезду. Джеремиа указал на них Каллистре. Та покачала головой и сказала:

— Они идут за нами, потому что ты — это ты. Ты узнал боевой войн, гонись они за нами по пятам. Даже боевой Ароса.

— Что он сделает, если нас поймает?

— Вернет тебя. Арос не желает тебе зла. Мне было велено лгать только затем, чтобы удержать тебя. Такова была его воля. Если твоя вера в возвращение недостаточна сильна, все выйдет так, как хочет Арос. Твоя вера в успешный побег должна быть твердой.

Они подошли к поезду.

— Но почему я не могу оказаться дома прямо сейчас? — спросил Джеремиа.

— На этот вопрос у меня по-прежнему нет ответа.

Перед дверьми Джеремиа замешкался — он вспомнил о случае с автобусом. Каллистра деликатно подталкивала его сзади, но Джеремиа все колебался; перед его мысленным взором снова и снова прокручивалась страшная картина: на него с ревом мчится огромная железная машина. Наконец Тодтманн робко взялся за поручень и немало удивился, обнаружив, что на ощупь он был совсем как настоящий.

Каллистра, догадавшись о его страхах, поспешила успокоить его:

— Автобус мог стать для тебя реальным, если бы ты этого очень захотел. В тот момент это желание улетучилось, поэтому автобус пронесся сквозь тебя. Мы можем быть всюду, где есть люди.

— Что случилось бы, окажись автобус настоящим?

Каллистра виновато потупила взор:

— Ты бы просто оказался в автобусе; может, стоял бы в проходе...

Выходит, он мог бы сесть на тот автобус, но его подвели собственные — все еще очень земные — представления... и она тоже.

— Тогда ты мне сказала совсем другое.

— Тогда я исполняла волю Ароса, а он, конечно же, не хотел потерять тебя. Но потом, невзирая на его приказы, я сказала тебе почти что правду. Могу еще раз повторить — мне жаль, что так получилось.

Джеремя заглянул ей в глаза, и гнев сменился состраданием. Она не могла измениться, как не мог измениться и он сам.

— Забудь об этом. Нам пора.

Когда они поднимались по ступенькам, у него возникло странное ощущение. Никогда еще Джеремя не проделывал это с такой легкостью. Когда же они оказались в вагоне, то обстоятельство, что их никто не видит, ничуть его не смутило. Ведь во всем мире среди пассажиров пригородных поездов считается чуть ли не дурным тоном обращать внимание на случайных попутчиков.

В вагоне оставалось всего несколько свободных мест, и Джереми уже подумал, что им придется ехать стоя. Ему еще ни разу не доводилось видеть, чтобы Серый и живой человек занимали одно и тоже место одновременно, разве что мимолетно. Конечно, случались контакты, когда Джереми воочию видел, как его рука или нога на миг сливается с рукой или ногой Серого, но теперь он сомневался в том, возможно ли такое. А если и возможно, то применимо ли к нему?

Смутлый мужчина латиноамериканского типа готов был занять место прямо перед ними, но Каллистра вытянула свободную руку и мягким — как показалось Джереми — движением толкнула того в спину. Мужчина невольно крикнул и, точно внезапно передумав, направился к другому сиденью, где одно место уже занимал румяный, белокурый детина.

— Садись, — прошептала Каллистра.

Незадачливый монарх, сбитый с толку проделками своей очаровательной спутницы, опустился на свободное сиденье. Каллистра села рядом.

— И сюда больше никто не сядет?

— Никто. Когда-то это сиденье на неделю вывели из строя, разорвав в клочья.

Джереми критически осмотрел скамью, но никаких повреждений не обнаружил. Самая что ни на есть обычная неудобная вагонная скамейка.

— Но почему на нее до сих пор не садятся?

— Потому что они видят свои воспоминания. Мы могли бы сесть на одно место с кем-нибудь из реального мира, но я подумала, что ты будешь чувствовать себя неловко.

— Потому-то никто не садился рядом со мной, когда я ехал сюда?

Каллистра подарила ему свою самую обворожительную улыбку:

— Мне хотелось создать для нас некоторое уединение.

— Но я видел, как ты прошла мимо.

— Да, ты видел.

И больше она на эту тему говорить не стала.

Состав дернулся, точно очнувшись ото сна, однако Джеремия привычно не обратил на это никакого внимания; голова его была занята другими, куда более важными вещами. За этим умением Каллистры держать места свободными скрывались таланты, о которых он мог еще не знать.

— Так до каких же пределов могут влиять на нас Серые? Что еще не успел рассказать мне Арос? Что еще ты *не вспомнила*?

Она взяла его руки в свои:

— Мы не можем влиять на род человеческий так, как ты опасаясь, Джеремия. Это дано лишь самим людям.

— Для этого и нужно Аросу и ворону мое послушание?

— Арос так не действует.

— Нет?

— Нст. — Но сейчас она не была так твердо убеждена, как, может быть, была раньше. — Но ворон может. Чего еще он мог бы хотеть?

Поезд издал гудок, лязгнул, тронулся с места и потащился прочь из логова, которое делил с такими же левиафанами. Джеремия повернулся к окну и устремил взор в бесконечную изумрудную ночь. Несмотря на то нервное, возбужденное состояние, в котором Тодтманн пребывал последнее время, рассуждал он как никогда здраво. Никогда прежде не чувствовал он такого прилива живой энергии, и ему хотелось, чтобы это чувство сохранилось... но только в реальном мире.

— Ты ведь веришь, что я могу помочь тебе стать настоящей?

Каллистра молчала. Джеремия повернулся к ней. Она смотрела на призрачные тени, которые осмелились последовать за ними и теперь сновали по вагону. Одна из них рискнула приблизиться к ним, но стоило Каллистре остановить на ней пристальный взгляд, поспешно ретировалась.

— Именно это мне когда-то обещал Арос. Так он привлек меня к своему делу. — Каллистра закусила нижнюю губу — совсем как живой человек. — Но постепенно я поняла, что хочу чего-то большего.

— Потому что я... потому что я живой человек?

— Я знала много живых людей, Джеремиа. Мне нравится то, что я нашла в тебе. Повто-

ряю, я убеждена, что Томас выбрал куда лучше, чем сам думал.

Каллистра наклонилась и поцеловала его. Неожиданно для самого себя Джеремиа ответил на этот поцелуй.

— В твоих глазах я реальна? — уже не в первый раз спросила Каллистра.

— Да, — как никогда прежде, уверенно ответил он.

Каллистра расцвела.

— Благодарю тебя. — Она нежно провела ладонью по его щеке. — Думаю, тебе надо отдохнуть.

Джеремиа хотел было возразить, что ничуть не устал, как вдруг его потянуло в сон; он не мог сдерживать зевоты. Джеремиа пытался бороться с Морфеем, но тщетно — не прошло и минуты, как он откинулся на спинку сиденья и уснул.

Каллистра смотрела на его лицо и думала о том, что Арос солгал, когда говорил, что близость к новому королю даст ей шанс стать ему подобной. Теперь ей было известно больше о планах Ароса, и того, что она знала, было достаточно, чтобы убедить ее, — это обещание было столь же призрачно, как и... как и ее мир. Все, что она могла теперь, — это помочь Джеремии осуществить его заветное желание — вернуться к прежней жизни, из которой его так бесцеремонно вырвали. Пусть Арос с вороном сами сражаются за власть над теньями. Джеремиа — со всеми его слабостями — заслуживал лучшей участи.

Каллистра поцеловала его и невольно улыбнулась, увидев, как дрогнули его губы. Он подвел ее так близко к жизни, как ни один другой человеческий якорь. Его вера в нее дала ей устойчивость, которая должна была пережить следующего избранника и даже еще одного. Это было все, о чем она могла просить.

Впрочем, возможно, не совсем *все*, но по крайней мере она сможет следить за ним, вспоминать о нем. *Этого* у нее не отнять.

Обольстительная чародейка выпрямилась и еще раз отогнала взглядом тени, которые видели в ее глубокой увлеченности человеческим якорем возможность самим подобраться ближе. Убедившись, что тени держатся на почтительном расстоянии, Каллистра стала смотреть в окна, то в правое, то в левое. Она хотела быть готовой ко всему — на всякий случай. До ближайшей остановки оставалось еще несколько минут, но Каллистра не хотела рисковать.

Никогда не знаешь, где подстерегает тебя ворон.

— Они заявили, что это невозможно, друзья мои! — крикнул Арос, обращаясь к пустому клубу. Он вызвал воспоминание о пыльном бокале, потом заменил его на воспоминание о бокале с самым изысканным виски, которое тот видел за свое существование. Тощая тень с неизменной сигаретой в руке перегнулась через стойку бара. — Но они не приняли в расчет Ароса Агвилану!

Он залпом проглотил лишнее вкуса воспоминание и отбросил бокал. Тот растворился в воздухе, не успев коснуться пола.

Шум крыльев прервал его грезы. Долговязый Арос воззрился в подступавшую тьму, затем склонил голову и мрачно изрек:

— Мой друг, кто не успел — тот опоздал.

— Лучше поздно, чем никогда.

От мрака отвалился кусок и обернулся ворон. Зловещая птица опустилась на спинку пыльного и вполне настоящего кресла напротив своего противника.

— Так ты по-прежнему хочешь добиться своего? Может, наконец смиришься?

— Не зная броду, не суйся в воду, — язвительно прокаркал ворон. — Королей по коронации считают!

В руке Ароса Агвиланы появилась трость с набалдашником в виде волчьей головы. Он ткнул ею в сторону черной птицы; голова грозно рыкнула и лязгнула зубами, но крылатый Серый ее даже не заметил.

— Ты жалок, мой эбеновый друг! Живешь так долго, а все еще разговариваешь, как ничтожная тень. Неудивительно, что ты терпишь провал за провалом.

— Если не получается с первого раза, пробуй еще и еще, пугало. Терпенье и труд все перетрут! — Ворон угрожающе захлопал крыльями и рассмеялся, увидев, как Арос вздрогнул от неожиданности. — Я верно говорю, пугало. Го-

ворящий скворец — это ты! Мы Серые — отбрось людскую маску!

— Мы часть их!

— Хотел бы я оттяпать ту руку, что нас лепит.

Арос оперся на трость:

— У тебя ничего не выйдет и на этот раз, как у тебя ничего не вышло с Томасом... только в этот раз это последний шанс.

— Последний шанс повеселиться, — согласился ворон и многозначительно склонил голову. Он то и дело переступал с лапы на лапу и перебирал когтями. — Однако слухи о моих неудачах сильно преувеличены.

— Что это значит? — Что-то в тоне, каким птица произнесла эту фразу, заставило Ароса похолодеть.

— Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол; он звонит по тебе...

Птица зычно расхохоталась и яростно сжала когти на спинке кресла. Только теперь Арос Агвилана увидел глубокие отметины, которые птичьи когти оставили на дереве. Когда он наконец нашелся что сказать, ворона уже не было, но смех его еще отдавался эхом в пустом помещении клуба.

Арос ошарашенно разглядывал кресло, не понимая, каким образом призраку удавалось физически — по-настоящему — воздействовать на материальный предмет.

«Давно ли он это умеет? Насколько он реален? Так вот что он задумал!»

— Немыслимо!

В самом деле? Ворон, видимо, считал иначе и сам служил доказательством... *живым* доказательством.

— Но у меня еще есть король в рукаве!

— Арос?

На мертвенно-бледном лице призрака отразился страх — или по крайней мере тень страха. Он повернулся и увидел своего обезьяноподобного собеседника. Само по себе его появление не могло не вызвать удивления; ворон внушал обитателям Сумрака такой ужас, что они не осмеливались приближаться к тому месту, где он сидел, даже когда его там давно не было.

— Мы поговорим позже, мой друг. Время никого не ждет, и я должен...

— Арос, король унесен ветром.

Сделав это заявление, обезьяноподобный исчез так же внезапно, как и появился.

— Унесен? — Оторопев, Арос некоторое время тупо вглядывался в пустоту. Затем он прищурился, лицо его исказила гримаса. — *Каллистра!* Ко мне!

Как он и опасался, она не материализовалась.

— Стало быть, не с ветром он умчался, а с тобой.

«Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол...»

Только теперь до Ароса дошло, что имел в виду пернатый демон. Черная птица знала о по-

стигшей Ароса утрате. И это — плюс удивительные, дьявольские метаморфозы Ворона — может означать конец планам Ароса.

Может. Но ворон был слишком самоуверен. Он считает, что Арос планировал по принципу «все или ничего» и что любое отклонение означает победу черной птицы. Конечно, ворон ошибается. Арос предусмотрел любую случайность, включая и эту.

В конце концов, как знает каждый Серый, все яйца в одну корзину не складывают.

IX

— Джеремя, проснись. Мы приехали. Монарх с трудом разомкнул отяжелевшие от сна веки:

— Приехали?

Каллистра склонилась над ним словно черноволосый ангел, который спустился с небес, чтобы даровать ему покой. Джеремя Тодтманн только теперь начинал припоминать, где они находились и куда держали путь. Он не мог бы сказать когда сон сморил его. Предшествовавшие этому моменты слились в его сознании в одно смазанное пятно. Наконец он оставил попытки вспомнить, резонно рассудив, что ему и в настоящем есть о чем подумать.

— Это остановка? — спросил он.

— Да. Идем. Поезд намерен тронуться. — С этими словами Каллистра без малейшего усилия поставила его на ноги, увлекая за собой в конец вагона. Когда они подошли к выходу, дверь перед ними открылась. Мимо них в вагон прошмыгнул мужчина, словно нарочно оставив дверь открытой. Уже не в первый раз Джереми замечал подобные странные совпадения, которые происходили, если рядом с ним оказывались Серые. Он невольно задался вопросом: что бы это могло значить? Ведь Серые могли являться и исчезать по своему желанию и двери им ни к чему. Возможно, они просто приучили себя пользоваться ими по своей привычке копировать поведение людей.

Разумеется, Каллистра могла воспользоваться дверью исключительно ради него. Случай с автобусом заставил Джеремию окончательно отказаться от мысли попробовать проходить сквозь стены или что-нибудь в этом роде. Стоило ему подумать об этом, по спине у него пробежал холодок.

Каллистра, выпустив его руку, первой сошла по ступенькам и отступила в сторону, давая ему пройти.

— Каким бы ни был он убогим, ничего нет подобного дому.

Тодтманн, бросив первый взгляд вокруг, про себя согласился если не с первой, то со второй частью этого утверждения. Действительно, здесь ничто не было похоже на его дом... хотя они и находились где-то недалеко от Чикаго.

Джеремия Тодтманн не отдавал себе отчета в том, почему так происходит, но воспоминания о его родном городке Бартлетт были окутаны в его сознании светлой дымкой, в которой тот растаял, когда поезд в последний раз уносил Джеремию прочь. Оглядываясь назад, Джеремия понимал, что был наивен. Мир Серых простирался туда, где бывали когда-либо или были сейчас люди.

Теперь Бартлетт предстал перед его взором как маленькая, но не менее зловещая копия того города, из объятий которого Джеремия только что вырвался. Здания имели причудливую, искаженную форму и так же колебались, производя уже знакомый Джеремии «эффект аквариума». Здание банка перед ним стало вдвое выше, зато в средней части странным образом сузилось, словно кто-то решил сплющить его. Дома, стоявшие на противоположной стороне улицы, представляли собой бесформенные, окутанные тенью сгустки. Сама улица вздымалась и извивалась, точно резиновая лента. Джеремии даже показалось, что автомобили движутся не сами по себе, а увлекаемые полотном улицы. Удивительнее всего было то, что люди ничего этого не замечали.

Среди пассажиров, прибывших на поезде, промелькнуло несколько фигур Серых. Некоторые из них так старательно следовали за конкретными людьми, что были похожи на щенят. *Щенята ада.*

— Нам не стоит задерживаться здесь. Твое присутствие привлечет других, а у нас нет на это времени.

— Здесь где-то моя машина... — Тодтманн растерянно посмотрел по сторонам. Тем утром, когда Джеремиа в последний раз сел в поезд, направлявшийся в город, ему улыбнулась удача: он нашел свободное место для парковки рядом с вокзалом. Тогда он даже не поверил в свое везение. — По крайней мере я оставил ее здесь.

Оставить-то он оставил, но ведь прошло уже несколько дней. На месте синего... «доджа» — он наконец явственно вспомнил, что у него был именно «додж», — теперь стоял темно-серый джип. Возможно, его машину уже в тот же день отбуксировал дорожный патруль. Оставалось надеяться, что машина к моменту его возвращения к реальной жизни окажется цела и невредима.

— Нам не нужен твой автомобиль. — Каллистра взяла его за руку, однако на этот раз ею двигала отнюдь не сентиментальность. — Мы в шаге лишь одном, в прыжке от цели. Я предпочла бы путь иной, но нищие не выбирают.

Она явно нервничала... настолько, насколько могло нервничать привидение. «Всякий раз, когда она нервничает, срывается на стихи и штампы». Джеремиа не сразу обнаружил эту зависимость, но теперь понял смысл некоторых из таких ее переходов. Еще один способ понимать ее. Хотя Каллистра и утверждала, что она с ним целиком и полностью, кое-какими своими секретами она с ним не поделилась. Возможно, сказывалось влияние Ароса Агвиланы, или про-

сто такова натура Серых. Он не верил, что она способна предать его — скорее допускал, что Каллистра просто не считает нужным рассказывать ему всё. Более того, большинство ее тайн Джереми и сам *не захотел* бы знать.

— Держись крепче!

Предупреждение пришло вовремя. Джереми только успел крепче вцепиться в ее руку, как мир вокруг закружился подобно неистовому смерчу. Перед взором Джереми, как в калейдоскопе, промелькнули муниципалитет, пожарная станция, ряды магазинов, здание банка.

Так же внезапно все кончилось. Мир замер, и парочка оказалась стоящей на автостоянке возле бакалейной лавки, которая, как припомнил Джереми, находилась на полпути между железнодорожной станцией и его домом.

— Как из пушки, — пробормотал Джереми. Желудок его прибыл на мгновение позже, будто его оставили слегка позади. — Что ты сделала?

— Неразумно было бы просто появиться в твоём доме. Там кто-то может быть — я не могу знать этого наверняка. У Ароса нет причин ставить там наблюдателя, но все же если бросаться туда не сразу, я смогу заметить такого часового.

Ему хотелось бы верить ей, но была какая-то фальшь в ее словах и действиях. Конечно, она его не предала бы, но Джереми был уверен, что ее действия совсем не нужны и больше мешают, чем помогают. «Может быть, она боится стать настоящей?» Есть люди, для которых осу-

шестивленная мечта оборачивается кошмаром, однако Джереми казалось, что Каллистра не из их числа. В душе его вновь зашевелился червь сомнения: «Да, она не предаст меня... а все же?»

Скоро выяснится. Идти на попятную уже поздно и смешно.

— Держись крепко! — снова скомандовала Каллистра.

На этот раз бакалейная лавка сменилась небольшой фабрикой, в свою очередь превратившейся в торговый центр, на месте которого, наконец, возникла знакомая картина деревенского вида кондоминиумов, в одном из которых — по крайней мере так было еще несколько дней назад — жил Джереми Тодтманн.

В следующее мгновение они оказались в его гостиной.

— Нет в мире места, подобного дому, — задумчиво произнесла Каллистра.

«Вернулся домой повешенный», — подумалось ему. Джереми понятия не имел, откуда взялась эта смутная фраза; она словно принадлежала тому миру, из которого он только что прибыл, и это обстоятельство лишь усугубляло его тревогу. Оттого, что в ней не было решительно никакого смысла, она казалась еще более зловещей.

Даже по самым скромным меркам дом его вряд ли можно было назвать фешенебельным. После пребывания в апартаментах, которые приготовил для него Арос, Джереми не мог бы назвать свою обстановку иначе как «убогой».

Единственное, что он мог бы выдвинуть в свое оправдание, — он холостяк. И дело было даже не в том, что мебель была старой или изношенной. В сравнении с роскошью, которая окружала его там, самый престижный и дорогой пентхаус в районе Лейк-шор теперь показался бы деревенской хижинкой. Как и многое другое из того, что окружало Джеремию до тех пор, пока в его судьбу не вмешался мир Серых, этот дом был отражением унылого однообразия, которым на протяжении почти тридцати лет была наполнена его жизнь.

— Что-то не так? Что-то пропало?

— Нет, ничего. Разве что последние двадцать лет жизни.

Джеремиа вдруг преисполнился решимости покончить со своим безотрадным прошлым. Все должно было стать иначе, как только он вернется в мир бодрствования. Если он и вынес что-то хорошее из экскурсии в кошмар мира Серых, так это потребность изменить собственную жизнь. Она больше не будет чередованием еды, сна и Моргенстрёма.

Каллистра обошла его обиталище, не упуская из виду ни одной мелочи. Провела рукой по фотографии, которую ему каким-то чудом удалось закрепить на стене, заглянула в крошечную кухню, где он в микроволновой печи готовил себе еду. Не спрашивая у него разрешения, темноволосая чародейка прошла в небольшой коридорчик к двум спальням. Одну Джеремиа использовал в качестве

рабочего кабинета — ему нередко случалось брать работу на дом; кроме того, здесь он хранил свою коллекцию книг, которые — он заметил это только теперь — грозили заполнить всю комнату. Каллистра не пропустила ни одной полки, и на совершенных губах ее играла улыбка. Вместе с тем Джереми показалось, что в этой улыбке было что-то странное, какая-то горечь.

— Как много книг.

Не успел он ответить на ее скупое замечание, Каллистра уже выскользнула из комнаты и зашла в его скромную спальню. Кровать, платяной шкаф с зеркалом и ночной столик составляли всю ее обстановку. Стены спальни, как и всего дома, были практически голыми, если не считать календаря, который одиноко висел на одной из них — в остальном девственно чистой.

— Мне кажется, первая комната важнее. Твои книги — вот где следует искать связь. — Лицо Каллистры исказила гримаса, подобную которой он неоднократно видел на мертвенно-бледной физиономии Ароса.

— Мои книги?

— Скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты... в широком смысле. — Она увлекла его обратно в кабинет, а войдя, бегло оглядела письменный стол. — Ты целиком отдаешься работе. Для начала это тоже неплохо.

Джереми растерянно посмотрел на сторонам:

— Все же я не понимаю, что я должен делать.

— Прикоснуться к своему прошлому — вспомнить о нем.

Каллистра была печальна, и Джеремия совершенно не мог понять, почему. Неужели ей действительно было так непросто решиться перенестись с ним в реальную жизнь?

А может ли она присоединиться к нему? Неужели она солгала? Джеремия задумался. Он подошел к книжному шкафу и рассеянно провел ладонью по полке, на которой стояло собрание романов. Его больше волновал вопрос, сможет ли Каллистра остаться с ним, нежели собственные шансы на спасение. Если дороги назад для нее не было, то что же...

Внимание Джеремии привлек странный шум. Обернувшись, он увидел, что дверцы стенного шкафа подозрительно вибрируют.

— Каллистра, что там...

— Пора выходить на свет! — донесся из шкафа развеселый голос, а затем раздался уже знакомый глумливый смех.

Дверцы сорвало с петель.

Джеремия машинально пригнулся, однако эта мера предосторожности оказалась излишней. Он опасливо покосился в сторону шкафа. Глазам его предстало невероятное зрелище: тогда как в одном измерении дверцы превратились в щепки, в другом они были целы и стояли на месте. Такой обман зрения мог сбить с толку кого угодно, однако времени, чтобы разобраться во всей этой чертовщине, не было. Потому что из обра-

зовавшегося на месте шкафа черного провала вылетел не кто иной, как ворон.

Каллистра, схватив Джеремию за руку, крикнула:

— Скорее! Бежим!

Тодтманн бросился было в коридор, но Каллистра рванула его назад и толкнула к единственному имевшемуся в кабинете окну. Ничего не понимая, Джеремия успел лишь подумать, что Каллистра, должно быть, сошла с ума. В следующее мгновение плечо его врезалось в оконное стекло...

...Несчастный Джеремия Тодтманн вылетел за окно, к своему собственному изумлению даже не разбив стекла. Перелетев через двор, он приземлился почти на самой улице. В отличие от стен его жилища, земля, на которую он рухнул, была вполне материальная, более того — очень твердая. Острая боль пронзила его тело; стиснув зубы, он приподнялся — перед глазами у него поплыли темные круги.

Джеремия потряс головой и оглянулся. От его дома к начинавшему темнеть небосклону восходил сноп света, переливавшийся всеми цветами радуги. Каллистра не появлялась. Он прислушался — откуда-то доносились возбужденные голоса. Из дверей соседних домов выходили люди, устремляя изумленные взоры в направлении его жилища.

«Но ведь они не могут это видеть! Или могут?»

Ответ пришел мгновение спустя, когда из его окна с грохотом вывалился ворон. Брызнуло разбитое стекло, соседи в ужасе шарахнулись к дверям. Некоторые при этом тыкали пальцами в сторону крылатого пришельца.

«Но... Это невозможно! Серые такого делать не могут!»

По крайней мере один из них смог.

Огромная птица готова была наброситься на него. Глаза ее вспыхнули красным, затем белым и снова красным. Джереми отшатнулся.

— Уйди от меня! — выкрикнул он.

Ворон словно наткнулся на невидимую стену, сквозь которую пройти *не мог*. Его отбросило назад, и он свалился в кусты, росшие перед домом.

«Неужели это сделал я?»

Джереми поднял руки и подозрительно уставился на них, как вдруг почувствовал, что его левую ладонь что-то удерживает, а затем неведомая сила потащила его прочь от дома.

— Быстрее! Сейчас не время и не место для этого! — услышал он голос Каллистры. Джереми никак не мог взять в толк, откуда она появилась. Он не видел, чтобы она последовала в окно вслед за черной птицей... впрочем, она — в отличие от ворона — не обладала столь неистовой субстанцией.

Высыпавшие на улицу соседи продолжали глазеть на усыпанную битым стеклом лужайку перед домом Джереми. Из приглушенных разговоров

можно было понять, что все задаются примерно одним и тем же вопросом: какое отношение ворон имеет к Джереми, который считался пропавшим. Никто не обратил внимания на то обстоятельство, что их исчезнувший сосед на самом деле находился среди них и что как раз в тот самый момент его тащила куда-то за собой черноволосая красавица в платье, в котором причудливо переплелись архаика и современность. Несколько призрачных теней наблюдали за их поспешным отступлением; они стояли поодаль, явно напуганные присутствием ворона.

Они миновали еще два дома и преодолели небольшой подъем; за ним взору Джереми предстала знакомая железнодорожная колея, а дальше — чистое поле, где — насколько ему было известно — водились лишь дикие гуси, мыши-полевки, еноты, да семейство бобров, которым даже в голову не приходило, что они давно уже живут не в диких заповедных местах, а в пригороде. Что Каллистра надеялась здесь найти? На чью помощь рассчитывала? Прятаться в траве было бессмысленно. С высоты птичьего полета ворон без труда обнаружил бы их.

— Куда мы идем? Почему бы нам просто не исчезнуть?

— Положись на меня! — только и сказала Каллистра.

В нем снова шевельнулись старые сомнения. В конце концов, как ворону удалось так быстро узнать, где следует их искать? Верно, он мог

все время следить за ними, но неужели Калли-стра не почувствовала бы этого?

Когда они вышли на железнодорожное полотно, до слуха Джереми откуда-то с запада донесся заунывный гудок. Он остановился как вкопанный, пробуя упираться.

— Поезд идет!

— Я знаю.

Сгушавшиеся сумерки прорезал луч прожектора. Это был пригородный поезд, направлявшийся в Чикаго. Тодтманн был почти наверняка уверен, что в это время по расписанию поезда на восток не ходили. Но факт оставался фактом: поезд летел на них, зловеще сверкая единственным глазом и протяжными гудками предупреждая о своем приближении всякого, кто имел неосторожность оказаться вблизи полотна.

— Приготовься... и покрепче держись за мою руку!

Приготовься?

— Ты что, собираешься запрыгнуть на поезд?

— Доверься мне!

Тодтманн оглянулся и увидел темный силуэт ворона, проскользнувший между домами, мимо которых они только что прошли; птица неумолимо приближалась. Джереми снова обратил взор на запад, откуда неистово сигналил поезд. Джереми не ожидал, что он окажется так близко. Королю Серых вдруг вспомнились слова Каллистры, однажды сказавшей, что, если бы он знал, как, то смог бы запрыгнуть на движущийся авто-

бус. Все, что ему для этого требовалось, — это мысленно представить, что он находится в салоне. Следовательно, и сесть на поезд Серому не составит труда.

Так ли?

Джеремя решил во всем положиться на Каллистру, надеясь, что с ней он целым и невредимым окажется на... на...

Он в изумлении взирал на стремительно приближавшийся состав.

Только теперь до него дошло, почему поезд появился не по расписанию, а тогда, когда им это было им нужно. Это не было простой случайностью, поезд возник силой внушения, которое — в этом не могло быть сомнений — исходило от Каллистры.

Как и «роллс-ройс» Ароса Агвиланы, поезд был не более чем воспоминанием. Не важно, был ли он одним из тех составов, которые регулярно курсировали этим маршрутом, или данный конкретный состав в действительности давно стоял где-нибудь на запасных путях. Серые могли вызывать к жизни воспоминания сколько угодно далекого прошлого.

Джеремя успел подумать, что, возможно, предпочел бы этому безумию встречу с вороном, но выразить свои сомнения вслух он не успел — Каллистра с силой, которую трудно было предположить в столь хрупком создании, толкнула его вперед.

Джеремя истошно закричал. Поезд — будь он призраком или воспоминанием — все-таки

оставался поездом, и только сумасшедшему или самоубийце могла прийти в голову мысль броситься под колеса. Он продолжал кричать, пока не увидел, что они уже внутри.

Он испустил вздох облегчения. Но радость его оказалась преждевременной, поскольку в следующее же мгновение он понял, что его продолжает куда-то нести. Он хотел призвать на помощь Каллистру, но не смог выдавить из себя ни слова. Тут Каллистра — к ужасу Джереми — выпустила его руку и с силой оттолкнула от себя. Более всего его озадачило то, что в тот момент лицо ее исказила гримаса страдания. Это было последнее, что увидел Джереми, прежде чем пролетел сквозь вторую стену вагона и очутился в чистом поле.

Земля — как он и ожидал — оказалась твердая; не помогла и высокая, хоть и начинавшая увядать, трава. Джереми отметил, что, куда бы он ни попадал, земля всегда казалась совершенно настоящей. Настоящей... и очень твердой. Даже в тех призрачных болотах на месте современного Чикаго было что-то реальное. Джереми никак не мог остановиться и продолжал кубарем катиться по полю. Он был уверен, что ворон вот-вот настигнет его. Утешала лишь мысль, что тогда он наконец прекратит кувыркаться.

Однако ворона поблизости не было. В конце концов Джереми удалось остановиться. Он огляделся: заросли высокой травы, кругом ни души, ни страшного крылатого демона, ни кра-

дущихся призраков. Издалека доносились звуки автомобильной сирены. «Должно быть, соседи вызвали полицию или пожарных», — заключил Джеремиа. Теперь машины летели к его дому, последнему бастиону нормальной жизни, разоренному пернатым варваром.

Наконец Джеремиа понял, что произошло. Ворон преследовал поезд-призрак, на котором находилась Каллистра. Он наверняка решил, что Джеремиа отбыл вместе с ней.

«Она пожертвовала собой ради меня?»

Он не знал наверняка, может ли Серый погибнуть, но одно было ясно — ворон мог схватить Каллистру и даже причинить ей боль.

А ему что сейчас делать? Рано или поздно черная птица поймет свою ошибку и снова кинется искать его, и на этот раз Каллистра ему не помешает. По всей видимости, Джеремиа обладал некоей силой — это подтверждалось хотя бы тем обстоятельством, что в последнюю секунду он смог защититься от птицы-призрака, — однако он почти не сомневался в том, что от его дара в конкретной ситуации было мало проку. Даже будь у него время, чтобы побольше узнать о своих загадочных способностях, ворон в следующий раз постарается вести себя осторожнее. Он не допустит, чтобы его жертва использовала против него колдовские чары.

Звук сирены теперь раздавался совсем близко. Джеремиа вспомнил, зачем Каллистра привела его сюда. Дом был его единственным шансом

вырваться из мира оборотней. Каллистра хотела, чтобы он воспользовался этим шансом, — сама же решила отвлечь на себя внимание ворона.

«Но если я переберусь в реальный мир, сможет ли она последовать за мной?»

Каллистра смогла коснуться его еще до его перехода в царство теней; сможет ли она воссоединиться с ним и тогда, когда он сбросит с себя королевскую мантию и снова станет простым смертным? *Не может быть, чтобы не смогла!*

Но так или иначе, прежде всего Каллистра должна избавиться от преследования ворона, а Джеремиа — найти дорогу в мир реальности. Последнее означало, что ему следовало вернуться домой, какой бы хаос его там ни ждал.

Джеремиа вернулся к железнодорожному полотну и перешел его, по дороге затравленно озираясь по сторонам в страхе увидеть то ли ворона, то ли бродячих призраков. Мысли его путались, цеплялись одна за другую. Он должен идти как можно осторожнее, крадучись, чтобы не обнаружить себя... Каллистра нуждается в помощи; если она небезразлична ему, он должен последовать за ней, а не шарахаться каждого куста точно перепуганный кролик... Каллистра намеренно оставила его, чтобы он мог сорвать планы и ворона, и Ароса, убравшись туда, где они его не достанут, а потому возвращение домой — это правильное решение.

Последнее соображение представлялось ему наиболее здравым, однако он все же не мог от-

делаться от чувства вины, которое усугублялось не только ощущением своей слабости — он бросил Каллистру, которая пожертвовала всем, чтобы спасти его, — но и осознанием своей неспособности прийти на помощь всему несчастному народу теней. Напрасно Джеремиа уговаривал себя, что его преемник окажется куда более подходящим кандидатом для выполнения той неимоверно сложной миссии, которая ему предстоит. То немногое, что он успел узнать о своих предшественниках, заставляло его в этом усомниться. Правда, Томас О'Райан, по-видимому, был человек порядочный, хотя и не без странностей, зато остальные казались людьми жалкими и ограниченными. Джеремиа не сомневался, что по крайней мере один был по природе жесток. Но заклинанию, похоже, не было до этого дела; выбор его всегда казался почти полностью случайным, и на него не оказывали влияния даже сами якоря. А если и оказывали, то от этого было мало толку — иначе как объяснить, что нелепому выбору О'Райана суждено было состояться?

«Когда я вернусь, все это не будет иметь никакого значения!» — успокаивал себя Джеремиа, продвигаясь к дому, однако в глубине души он знал, что ему никуда не деться от своих страхов и чувства вины.

Он уже хотел вернуться в поле, как вдруг внимание его привлекла собравшаяся у его дома толпа. Казалось, сбежались все окрестные жи-

тели. Более того, на улице стояли две патрульные машины, «скорая помощь» и две ярко-желтые машины из местной пожарной охраны. Двое полицейских снимали показания свидетелей, а еще двое, у которых за спиной стояли санитары со «скорой», заглядывали в выбитое окно. Некоторые люди выглядели совершенно потрясанными. А среди них...

Они не были ни маленькими, ни симпатичными. Вид у них был такой, будто они никогда не строили игрушек, не жили на деревьях и не пекли пряники. Арос говорил, каковы были Серые раньше, давным-давно, когда люди верили в фей и эльфов. Некоторые верили и до сих пор, и вот почему те двое, что пробивались сквозь толпу, сохраняли вид эльфов.

Холодные, бледные фигуры в плащах, скрывавших форму тела. Капюшоны были откинuty, открывая удлинённые лица с тонкими и в то же время хищными чертами и остроконечными ушами, которые скорее вызвали воспоминания о пришельцах с секретной миссией из телесериала, чем о волшебных кольцах и мохноногих хоббитах. А миссия у этих двоих была, и он нисколько не сомневался в том, что эта миссия — найти его. Едва ли они служили ворону, следовательно, либо исполняли волю Ароса, либо представляли некую третью группу Серых. В конечном итоге обитатели царства теней являлись продуктом умов Человечества, умов, которые и в реальном мире могут плодить заговоры и тайные сообщества.

Джеремию снова пробрала дрожь.

Он был отрезан от дома, а следовательно, и от единственного пути из мира Серых. Джереми спрятался за угол ближайшего к нему дома и устремил невидящий взгляд в поле. Мир чуть поблек, когда Джеремиа обратил взор внутрь себя, обдумывая свой следующий ход. Пусть даже власть, которую дала ему роль, позволяет перемещаться одной лишь силой мысли, все равно нет гарантии, что Серые его не найдут. Но главное — он понятия не имел, куда теперь податься. Он уже поверил, что сумел сбежать, и теперь трудно было заставить себя действовать снова.

— Привет тебе, Джеремиа Тодтманн.

Он неожиданности Джеремиа даже подпрыгнул. Первой его мыслью было, что эти чертовы эльфы, возникнув из ниоткуда, захватили его врасплох. Однако представший перед ним Серый был уж никак не эльф, а тот самый обезьяноподобный тип, которого он окрестил Отто. Чувствуя, что у него подкашиваются ноги, Джеремиа прислонился к стене.

— Ты пришел за мной?

— Ты дал мне имя.

Джеремиа пристально взгляделся в угрюмую физиономию, но она не выражала ровным счетом никаких эмоций, которые могли бы пояснить это туманное заявление.

— Я люблю тебя, Джеремиа Тодтманн.

Понимая, что те двое в плащах могут нагрянуть в любую минуту, Джеремиа нерешительно спросил:

— Ты мне поможешь?

— Ты дал мне имя, — повторил Отто, протягивая к нему неестественно большую лапу.

Джереми хотелось надеяться, что он поступил правильно, в свою очередь подав тому руку. Отто мог бы легко оторвать ее, даже не заметив. Обезьяноподобный призрак схватил человеческую ладонь, которая утонула в его лапе, и сжал ее — ровно настолько, чтобы Джереми не передумал. На его странном лице появилось некое подобие улыбки.

— Ароса я тоже люблю, — добавил Отто, убедившись, что Джереми не предпринимает попыток освободить свою руку.

— погоди! — крикнул Джереми, внезапно похолодев. Он все же угодил в одну из ловушек, расставленных Аросом Агвиланой!

Тут за спиной Отто соткалась фигура одного из эльфов. Глаза Отто вспыхнули, и он чуть ослабил пожатие, повернувшись вполоборота к пришельцу.

Джереми переводил испуганный взгляд с одного на другого и думал только об одном: «Я должен отсюда вырваться!»

И ему это удалось. Отто, темный эльф и поле превратились в знакомые до боли интерьеры «Вечного залога» в Сирс-тауэр. На этот раз вокруг не было видно ни души. Свет не горел, и только тусклая иллюминация мира теней давала возможность видеть.

Хватит — значит хватит.

«Я должен найти в жизни новый центр!»

Раньше он как-то не думал о том, насколько вся его жизнь вертится вокруг работы. Каждый раз когда он хотел откуда-нибудь сбежать, то непременно оказывался у себя в конторе, и это уже стало утомительно. Утомительно и опасно. Ему еще повезло, что сейчас никто из Серых его здесь не поджидал. Можно было не сомневаться, что и Аросу, и ворону это место хорошо знакомо.

Подумав об этом, измученный монарх вновь задался вопросом: куда же ему отправиться теперь, когда дом перестал быть безопасным? Хотя в его власти было перемещаться как угодно, от мысли о бесцельных скитаниях по миру пробирала дрожь. Он хотел найти такое место, где у него было бы хотя бы подобие безопасности. Место, где можно посидеть и спокойно подумать.

Только через несколько секунд Джеремиа понял, что ответ у него перед глазами.

Джеремиа материализовался рядом с собственным офисом-ячейкой, что его нисколько не удивило, поскольку она была его вторым домом. Но сейчас он смотрел в другую сторону, туда, где был другой отсек. Тот, что занимал Гектор, который — по его же собственному выражению — был лучшим другом Джеремиа. Так почему бы не отправиться в *его* дом? Серым никогда и в голову не придет искать его там. В конце концов, их двоих объединяла лишь работа; вне офиса они редко бывали вместе — разве что от случая к случаю ходили на бейсбол.

К тому же сам Гектор его тоже не увидит и не услышит — для него Джеремиа будет призрак. Поскольку у Гектора ему на помощь рассчитывать не приходится, остается надеяться, что Серые не станут там его искать. Не особая надежда, но все же...

Но там он сможет отдохнуть, а это самое главное. Джеремиа был уверен, что, если только у него будет время составить план, он придумает что-нибудь получше, чем просто все время бегать без оглядки...

Прежде чем перенестись к Гектору, Джеремии предстояло решить одну проблему — он понятия не имел, где живет его друг. За то время, что они работали вместе, бывало, что они говорили друг другу, где живут, однако Джеремиа неизменно пропускал это мимо ушей. Коря себя за рассеянность, Тодтманн осмотрел рабочий стол Гектора. К сожалению, на нем не оказалось никакой личной корреспонденции, где мог бы быть указан домашний адрес. Понимая, что затеял непростое дело, Джеремиа все же не терял надежды. Хорошо бы, чтобы хоть раз вышло так, как он хочет.

Он мог бы легко пройти сквозь перегородку, но эта мысль все еще действовала на нервы, хотя ему уже не раз приходилось пересекать насквозь твердые объекты. От страха, что вдруг застрянет, у него сосало под ложечкой. Он продолжал искать. Ничего. Хоть какой-нибудь конверт, личное письмо, что-нибудь в этом роде...

Гектор жил где-то в пригороде, южнее Джереми, — это все, что было известно.

Джереми попытался выдвинуть ящики стола, но не смог. Как только ему приходилось иметь дело с реальными предметами, он постоянно сталкивался с проблемой. Даже у ворона это получалось, а ведь тот был всего лишь тенью. Очень *солидной* тенью, но все же тенью, тогда как Джереми был человеком. Пусть не лучшим, но, несомненно, подпадал под эту категорию. Если кто-то из Серых и должен был уметь открывать ящики стола, так это он.

Он был почти уверен, что ворон — выражаясь фигурально — дышит ему в затылок. Джереми выпрямился. Должен быть выход. Должен быть способ поставить себе на службу методы Серых.

«Может, я что-то забыл. Может, если я вспомню все, что показал мне Арос, я...»

Вспомнить. Вот оно! Разгадка в памяти. Вернее, *в воспоминаниях!* Что там рассказывал Арос про развалины Трои, когда они были на стадионе? Что-то о том, что человек может оживить воспоминания прошлого, вызвав их из небытия. Возможно, Арос Агвилана излагал это другими словами, но суть была такова. Будучи избран королем народа теней, он был наделен способностью вызывать воспоминания о том, что было.

Почему бы ему в таком случае не вызвать воспоминания о Гекторе? Почему не проследить за его действиями с момента окончания рабочего дня? Джереми охватило возбуждение. Не обя-

зательно даже начинать с офиса. Гектор был таким же маятниковым мигрантом, как и он сам, только ездил другим поездом.

Но это означало, что нужно вернуться на Юнион-стейшн. Его энтузиазм мгновенно угас. Если он вернется на вокзал, Арос или черный крылатый дьявол его поймают. Тодтманн был уверен в этом.

«Если бы здесь был телефонный справочник... только вот как же я буду переворачивать страницы? У меня пальцы не слушаются». Эти мысли приводили его в отчаяние. Когда Джереми переносился в мир снов, он по крайней мере обладал силой, которая открывала перед ним стеклянные двери в приемной. Теперь же он сомневался, что у него хватит сил и субстанции хотя бы на то, чтобы поднять телефонную трубку, не говоря уже о том, чтобы открыть двери. Он знал, что это возможно — но как? На решение этой загадки у него не было времени.

— Телефон? — выпалил он. Крик повис в воздухе; к счастью его никто не услышал бы, даже если бы все сотрудники сидели на своих рабочих местах. Джереми рассеянно пригладил растрепавшиеся волосы и устремился к приемной.

Тут он едва не налетел на черную тень.

Мелкий, тщедушный призрак был напуган не меньше самого Джереми. Откуда появилось это робкое бесформенное создание, было такой же загадкой, как и то, куда оно направлялось. Призрак просто вышел из-за стены,

которая разделяла фойе и помещение, где находились офисы сотрудников. Не успели их пути пересечься, призрак растаял в воздухе.

Появление привидения-одиночки не могло не насторожить Джеремию. Он хорошо понимал, что его присутствие притягивает Серых и что, чем дольше он остается на одном месте, тем больше их здесь появится. Рано или поздно среди них непременно окажется кто-то, кто будет похож на эльфа, или на Ароса, или на проклятую птицу.

Джеремия проскользнул за стойку секретаря и устремил взор на стол. Если он правильно помнит...

Он издал вздох облегчения. Под прозрачную пластиковую панель были уложены листы бумаги, содержавшие самую разнообразную информацию: от номеров телефонов отделений компании в других городах до перечня цен ближайших ресторанов, где сотрудники нередко заказывали еду. Из-за этих листочков собственно стола не было видно, а потеря одного из них грозила повергнуть в состояние хаоса всю компанию, поскольку ни у кого из сотрудников собственных справочников не имелось.

В самом центре лежал — и, как показалось Джеремию, не без вызова взирал на него — список телефонов персонала «Вечного залога».

— Спасибо, мистер Моргенстрём, — прошептал Джеремия.

Список служил руководству компании своеобразным способом напоминать сотрудникам о том, что их адреса известны и с ними будут сча-

стливы связаться в любое время дня. Эта угроза сдерживала желание некоторых уклониться от работы под предлогом простуды или иного мелкого недомогания. Руководство, иначе известное как Моргенстрём, считало, что больной или умирающий вполне может давать консультации по телефону. В конце концов, он все равно сидит дома и ничего не делает.

Джеремия вдруг снова испугался: он обнаружил, что не помнит фамилии Гектора. Он энергично потряс головой, словно в надежде, что это поможет ему вспомнить. Для него его приятель всегда был Гектором, как Джерри всегда был Джереимией, несмотря на свои протесты. После нескольких попыток вспомнить Джеремия сдался.

Тут он подумал о том, что, в конце концов, у них работает только один человек по имени Гектор и вычислить его фамилию не составит труда. Джеремия ткнул пальцем в список напротив единственно приемлемой фамилии.

«Джордан! Какой же я идиот!»

Рядом стояло имя: ГЕКТОР. Справа был адрес и номер телефона. Джеремия улыбнулся — он знал этот район. Гектор, как и он сам, жил один.

«Если бы только он мог меня видеть! Если бы мне удалось поговорить с живым человеком!»

Однако он знал, что просит слишком много. Единственное, на что он мог рассчитывать, это получить небольшую передышку. Знать о Гекторе они не могут. А если бы и знали, едва

ли у призраков Тьмы могли возникнуть подозрения, что Джеремиа будет скрываться в доме своего сослуживца. Ведь всем было известно, что Джеремиа Тодтманн был нелюдимом.

Потому-то никто не обратил внимания на факт его исчезновения.

подавив приступ жалости к самому себе, Джеремиа попытался мысленно представить район, где жил его чернокожий сослуживец. Легко нарисовать в воображении какое-нибудь экзотическое место, вроде Египта или Китая — виды этих стран висят повсюду. Представить себе скучный пригород Чикаго — особенно учитывая, что Джеремиа бывал там проездом всего пару раз, — куда более сложная задача. Впрочем, решаемая. Джеремиа сосредоточился и попытался восстановить в памяти тот район.

Он моргнул... и очутился, где хотел.

Правда, он не попал в квартиру Гектора — не попал он даже в дом, в котором находилась квартира. Но городок Джеремиа узнал. На большее он не мог и рассчитывать. Он все еще не понимал, каким образом ему удастся перемещаться в пространстве, и сомневался, что когда-либо поймет. Но теперь не это было главное. Главное было то, что он находился близко к цели.

Подобно Бартлетту, этот городишко являл собой некую пародию на реальность. Всюду тянулись странные тени. Здания были бесформенные, обезображенные, отчего весь город напоминал декорации к дешевому фильму ужасов или —

как уже не в первый раз подумал Джереми — кошмар художника-сюрреалиста. Поблизости мелькали призрачные прохожие, но никто из них пока не заметил присутствия Джереми, а в его планы не входило задерживаться на улице дольше, чем это необходимо. Одна вещь беспокоила его: виды, представавшие Джереми Тодтманну, больше не казались ему ужасными, а привыкать к царству снов — это было совсем не то, чего ему хотелось бы.

С удвоенной энергией он отправился на поиски дома, в котором жил Гектор. Город был небольшой, и Джереми припоминал, что здесь имелось всего несколько многоквартирных домов. К сожалению, он не мог задавать вопросы реальным людям — они его просто не слышали, — а расспрашивать Серых было небезопасно: он рисковал привлечь к себе излишнее внимание. Собственно, Джереми не мог чувствовать себя в полной безопасности даже в доме Гектора, но надеялся, что краткая передышка поможет ему найти выход из ситуации, в которой он очутился. *Надеялся.*

Джереми предпочел бы перемещаться так, как перемещалась Каллистра, когда они были в Бартлетт, но она так и не рассказала ему, как именно она это делает. В данный момент ему оставалось лишь надеяться, что, когда он материализуется, то не столкнется нос к носу с поджидающими его Серыми.

При мысли о Каллистре Джереми стиснул кулаки. Он чувствовал себя трусливым негодя-

ем, оставившим ее в качестве приманки для злобного ворона, хоть это и был ее собственный сознательный выбор. Будь он действительно героем, которым, похоже, представлял в ее глазах, то непременно последовал бы за ней в город, и будь что будет.

«Но я далеко не герой. Я Джерри... Черт побери!.. Джеремиа Тодтманн, ничтожество, пацифист и трус».

Продолжая корить себя, Джеремиа попытался выполнить первый прыжок.

Дважды у него ничего не получилось, но на третий раз он материализовался возле многоквартирных домов, которые стояли на главной улице города. Чистенькие, ухоженные дома из кирпича, обшитые чем-то вроде кедровых досок. Джеремиа сменил позицию, чтобы лучше разглядеть название улицы на указателе.

Нервная улыбка скользнула по его лицу — он попал куда надо. Преисполненный радостного ликования, Джеремиа попытался вспомнить номер дома и запаниковал — единственное, что приходило ему в голову, был номер его дома. Он попытался взять себя в руки и сосредоточиться. Глубоко вздохнул и принялся считать до десяти. Во время этого процесса номер всплыл в памяти сам собой.

Картина, открывавшаяся перед ним, внезапно померкла. Сначала Джеремиа решил, что на город опустился туман. Но в следующее мгновение марево началось двигаться. Джеремиа отшат-

нулся — перед ним появилась призрачная тень. Одна из них. Казалось, они вездесущи. Эта имела причудливую, изогнутую форму, в которой трудно было угадать что-либо человеческое. Времени, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию у Джереми не было. Не дожидаясь, пока появятся новые Серые, привлеченные его присутствием, Джереми перенес себя внутрь одного из зданий.

Ему стало стыдно, как и тогда, когда он оставил Каллистру. Он прекрасно знал, что в его силах было помочь несчастному — как и тому другому, которого он встретил в конторе, — стать более материальным, стать более реальным, однако, начни он заниматься с одним, появится следующий, и следующий, и за ним еще и еще, и так до бесконечности. Только пусти этот поток, и он не остановится.

«Следующий король будет лучше, — напомнил он себе. Он — или, быть может, в наш эманципированный век это будет *она* — сможет сделать то, чего не смог Джереми. — Любой на этом месте окажется лучше!»

Оглядевшись, Джереми с удивлением обнаружил, что стоит перед той самой дверью, которую искал. Однако таблички с именем на ней не оказалось. Джереми подумал было посмотреть номер квартиры Гектора на почтовых ящиках, но терпение его уже было на пределе. Если это квартира Гектора, то он об этом сразу узнает, когда войдет внутрь. Если нет — тем быстрее Джереми уберется оттуда.

Задумчиво осмотрев дверь, он решил, что сможет пройти сквозь нее. Ему не составляло бы труда перенестись туда, однако его все больше раздражала собственная трусость и теперь ему требовалось доказать самому себе, что он не робкого десятка. Самый надежный способ преодолеть страх — пройти сквозь реальный предмет. Это уж точно не так опасно, как сойтись лицом к лицу с вороном.

Жизнь складывается из череды навязанных ею понятий. Одно из них состоит в том, что налететь на закрытую дверь — это больно. Что больно даже ударить по ней кулаком. В конце концов Джеремия Тодтманн решился: он отступил на шаг и, закрыв глаза, устремился вперед.

Открыв глаза и остановившись, он обнаружил, что находится уже у самого окна гостиной. Еще полметра, и Джеремия пролетел бы квартиру насквозь. Она находилась не на первом этаже, и Джеремия уже стал думать о том, что бы с ним произошло — упал бы он вниз или нет. Насколько он успел понять, сила гравитации на Серых все же действовала. Если не сама гравитация, то вполне убедительная ее иллюзия.

Когда Джеремия осмотрел обстановку квартиры, в которую он проник, надежда его поколебалась. Мебель была подобрана со вкусом, все в квартире сверкало безукоризненной чистотой, чего он никак не мог бы сказать о своем жилище и чего не ожидал увидеть у Гектора. При всем том, что чернокожий его сослуживец всегда

имел вид опрятный и ухоженный, он все же оставлял впечатление более или менее типичного холостяка.

На первый взгляд в квартире не было ничего, что наводило бы на мысль о подлинном ее владельце: ни журналов, ни писем, ни фотографий. Скрываться в совершенно чужом доме даже в качестве привидения-невидимки казалось монарху-призраку занятием малопочтенным. Он уже подумывал о том, чтобы немедленно удалиться. Скорее всего он просто ошибся квартирой...

Тут за дверью звякнули ключи: кто-то возился с замком. По человеческой привычке Джереми постарался встать так, чтобы его не было видно, и затаил дыхание. Наконец дверь открылась.

В квартиру вошел Гектор; в одной руке он держал портфель, в другой — длинное пальто. Гектор словно сошел с обложки модного журнала — в еще большей степени, чем помнил Джереми. Внезапно до него дошло, что именно такой дом и должен быть у его друга, холостяк он или нет.

«А ведь я совсем не знаю своего лучшего друга».

Поставив портфель на пол возле двери, высокая темная фигура подошла к стенному шкафу, извлекла оттуда вешалку и повесила пальто. Закрыв шкаф, Гектор поднял с пола кожаный портфель и направился в сторону кухни... которую Джереми выбрал в качестве наблюдательного пункта. Вот Гектор повернул за угол; теперь он смотрел туда, где стоял его сослуживец и приятель. Пепельноволосый призрак застыл и ждал.

Джеремиа едва успел сделать шаг в сторону — в следующую секунду Гектор прошел бы сквозь него. Ничего не подозревавший негр проследовал дальше; вот он бросил портфель на стол и открыл его. Джеремиа смотрел на его склоненную спину. Он *знал*, что Гектор его не видит, *знал*, что видеть его дано только Серым и, быть может, немногим из смертных. Он был до такой степени невидим, что хозяин квартиры даже не попытался обойти его. От этого Джеремиа показалось, что он даже меньше, чем Серый. Он был настолько незначительным явлением, что был незамечаем даже на уровне подсознания.

Забыв о своем намерении провести с пользой отведенное ему драгоценное время — а именно, обдумать, как выкручиваться из этой передряги, — Джеремиа пожирал Гектора взглядом, словно ожидающий подачи пес. В то же время мозг его лихорадочно работал: как обратить на себя внимание единственного живого человека, который может ему помочь. Он все еще совсем не умел работать с реальными предметами; доказательством тому служила его неудачная попытка вступить в контакт с Моргенстрёмом. Джеремиа мог разве что закричать на ухо своему другу, но это лишь привело бы Гектора в недоумение без всякой практической пользы.

Отложив в сторону портфель, высокий негр выпрямился и направился, по всей видимости, в спальню. Джеремиа поплелся за ним, не обращая внимания на предметы интерьера — он только

раз уклонился от маршрута, чтобы обогнуть стол. Когда они вошли в комнату, он лишь мельком отметил стоявшие там широкую кровать и комод с выдвигаемыми ящиками, но на большее его интерес к обстановке не распространялся. Лишь когда Гектор зашел в ванную, Джеремиа, вспомнив об элементарных приличиях, остановился. Гектор открыл кран. Джеремиа терпеливо ждал у двери, пока его приятель умоется.

Но чем дольше он ждал, тем больше его трясло. Теперь, когда он достиг своей цели, мысль о том, что он не в состоянии поговорить с Гектором — единственным, кто стал бы слушать, — сводила его с ума. Он страстно желал найти какой-нибудь способ обратить на себя внимание. Ему необходимо было с кем-то поговорить, с кем-то, кто мог бы и хотел бы помочь.

Он проскользнул в ванную и остановился за спиной Гектора, все еще склонившегося над раковиной. Вот Гектор, не оборачиваясь, протянул руку за полотенцем. Джеремиа хотел подать ему полотенце, но все, на что он оказался способен, — это вызвать воспоминание, которое растаяло в воздухе, едва он выпустил мысленный образ из рук.

«Проклятие! — Будь он настоящим, Джеремиа пробил бы кулаком зеркало над раковиной. — Проклятие! Почему даже он меня не видит? Почему никто меня не видит?»

Гектор нащупал полотенце, выпрямился и начал вытирать лицо. Тодтманн оставил попыт-

ки. Ничего со своим другом он сделать не мог, но хотя бы у него теперь есть убежище. Здесь тени были не такими густыми, как в городе. Здесь они будут собираться дольше. Одна-две — это вполне терпимо и не привлечет внимание ворона или Ароса... так убеждал себя Джеремиа.

Гектор отнял полотенце от лица и вернул на место — разумеется, аккуратно сложив. Затем он слегка подался вперед и принялся разглядывать свое лицо в зеркале. Джеремиа вернулся к двери, не зная, что ему делать дальше. Самое меньшее, чем он мог отблагодарить Гектора за приют, — не совать нос в личную жизнь.

Он уже хотел выйти из ванной, как вдруг негр выпрямился, вцепился двумя руками в зеркало, потом повернулся к двери, не веря своим глазам.

— Джеремиа?

Х

Поезд-призрак, неумолимо приближавшийся к городу, издал заунывный гудок. Каллистра не обращала внимания ни на сам поезд, ни на его пассажиров. Они были воспоминаниями, не более того. Другое дело ворон...

Утешало ее лишь то обстоятельство, что Джеремиа был в безопасности. Он должен был вернуться к себе домой, вспомнить свою прежнюю

жизнь и вернуться в реальный мир. Так лучше. Другой займет его место, а с ним ничего не случится. Ворон перестанет для него существовать, а Арос — как только перебесится — изменит свои планы.

Каллистра не винила Джеремию за его решение — в конце концов, не по собственной воле он оказался в чуждом для него мире. Если кого-то и стоило винить в этом, так это Томаса О'Райана. Почему его выбор пал на Джеремию? При всей своей беззаботности Томас был человеком умным и добрым. Зачем же ему понадобилось швырять Джеремию — человека, совершенно не подготовленного к этому, — в логово черной птицы?

Думая о зловещем создании, она обшаривала взглядом туманные небеса пограничного мира. Ворон то появлялся в мире Серых, то исчезал. Каллистра понятия не имела, как ему это удастся, но это мешало следить за ним. Ее больше не заботило, что замышляют эти двое — Арос и ворон, — но ей нужно было, чтобы ворон преследовал ее, и достаточно долго, чтобы Джеремия спокойно вернулся в свой мир. Возможно, сейчас он уже объединился с истинным миром, но она хотела убедиться. Ради Джеремии.

— Разве ты меня оставил? — обратилась она к небесам, на которых не было и следа черной тени. — Где ты, птица или дьявол?

Пограничный мир вспыхнул пылающим солнцем. Тени испарились, точно утренняя роса в разгар лета.

Каллистра вскрикнула и отвлеклась. Траурный гудок растаял вдали, поезд-призрак возвращался назад, в область воспоминаний.

Открыв глаза, она увидела, что находится среди странного, неустойчивого пейзажа, где реальность яви боролась с миром сновидений. Здания вырастали из земли и, достигая небес, исчезали, отступая перед всхолмленным ландшафтом, похожим на негатив фотографии. Для Каллистры это был вполне привычный вид, абсолютно непредсказуемый, но не лишенный известной красоты, которую омрачала лишь гигантская черная тень, пикирующая на нее.

Ворон остановился прямо перед своей жертвой. Рассмеявшись довольным каркающим смехом, он изрек:

— Разрази меня гром! Опять мы вдвоем.

Каллистра попыталась придумать какую-нибудь уловку, чтобы отвлечь его внимание, а самой тем временем исчезнуть. Ей требовалось лишь мгновение. Пока он смотрел на нее, у Каллистры не было ни одного шанса. Его воля, его мощь намного превосходили ее собственные.

Оторвав взгляд от ворона, она вытаращенными глазами уставилась ему за спину, широко раскрыла рот и завопила:

— Арос! Нет! Не надо!

Фокус был старый, но дело происходило в царстве Серых, которые жили и дышали стариной, испытанными и проверенными штампами. Ворон резко повернулся назад, высматривая врага. Кал-

листра, не мешкая ни секунды, перенеслась прочь, подальше от разъяренной птицы.

Вернее, попыталась перенестись.

Черная птица вновь поймала глазами ее взгляд и отрывисто захохотала.

— Уже уходишь? Ой, вряд ли! Тебя я заполучил, и до твоего королька тоже скоро доберусь!

Лишенная других возможностей, Каллистра с вызовом встретила насмешливый взгляд Серого.

— Джеремию тебе больше не видать! Его нет со мной — и не было! Я научила его, как вырваться на свободу!

— Как это *по-человечески*. Ведь человеку свойственно ошибаться.

Ворон, казалось, ничуть не был обескуражен ее откровением. Каллистра отпрянула, вдруг испугавшись за смертного, который успел стать ей небезразличным. Джеремия вернулся в свой мир, иначе быть не может!

— Что ты хочешь сказать?

— Ты можешь привести лошадь к водопою, только вряд ли она потом найдет дорогу домой.

Запутанную речь ворона, хотя он был одной с ней породы, понять было трудно, но Каллистра была почти уверена, что уловила суть его причудливо составленной фразы. Ворон намекал, что Джеремия Тодтманн, оказавшись предоставленным самому себе, выбрал не путь, ведущий домой. Зачем? Этого Каллистра не могла себе объяснить. Он знал, зачем она с ним

рассталась. Зачем ему было оставаться среди Серых, где его ждали только опасности?

Как она ни пыталась себя уговорить, но ощущение, что ворон говорит правду, не проходило. Если Джеремя все еще обретался в царстве теней, он был добычей для этого стервятника. Или для Ароса. На иную участь надежды у него не было, разве что...

— Давай заключим договор!

Явно заинтересованный ее импульсивным предложением, ворон описал круг и опустился ниже. Впервые Каллистра обратила внимание на сгущавшиеся вокруг тени, которые Джеремя справедливо назвал голодными. Тени были из самых черных, самых низменных снов человечества.

Ворон опустился на ветку, которой не было, и склонил голову. Глаза его то вспыхивали белым пламенем, то тлели адскими красноватыми углями.

— Говори. Говори теперь — или успокойся навеки.

— Ты жаждешь якорь только для себя, чтобы как раб он слушался тебя. — Каллистра, несмотря на свое смятение, невольно вздрогнула, произнеся рифму. Это всегда будет ей напоминать о том, кем был Джеремя и кем ей не быть никогда.

Птица склонила голову набок, но не произнесла ни слова.

Ободренная его молчанием, черноволосая красавица, почувствовав прилив воодушевления, продолжала:

— Этот король не для тебя. Его избрал Томас. А что, если тебе не с выбором чужим возиться, а выбрать своего? Того, кто будет править, повинуюсь и слушая тебя лишь одного?

Может, молчание и золото, но сейчас Каллистра с радостью бы выменяла его на положительный ответ крылатого призрака. Он же только сидел склонив голову на несуществующей ветке и взирал на Каллистру с нескрываемым весельем. Каллистра не понимала, что его так забавляет. У ворона был такой вид, будто он знает что-то, чего не знает она. И все же он пока не отверг ее предложение. Надежда умирает последней.

— Если, как ты говоришь, человек все еще среди нас, позволь мне отправиться к нему и убедить его, чтобы он следовал твоим указаниям в поисках своего преемника. Выбери того, кого ты сочтешь лучшим, и пусть Джереми Тодтманн отречется от трона в его пользу. Тогда ты получишь короля, которого хочешь, выбранного когтями твоими и отлитого по твоей модели.

Едва она произнесла это, тени начали отступать. Каллистра не знала, был это признак успеха или поражения. Ворон наклонил голову в другую сторону и смерил ее скептическим взглядом, точно пытался разглядеть в ней нечто, что поможет ему принять окончательное решение. Втайне даже от самой себя Каллистра продолжала молиться, чтобы Джереми удалось спастись. Влияют ли эти молитвы на что-нибудь, ей

было все равно. Молиться в минуту опасности — это очень по-человечески, верит человек во что-нибудь или нет, а потому так поступают и Серые.

— Любовь слепа.

Каллистра устремила исполненный недоумения взгляд на злобную птицу.

— А этот Тодтманн — мне угодный царь — последний будет смертный государь. — С этими словами ворон расправил крылья и взмыл в небо. — Удача приходит к тому, кто умеет ждать, о потерянное дитя. Скоро я получу, что мне причитается.

Каллистра по-прежнему не понимала и проклинала себя за это. Окажись на ее месте Арос, он бы понял... Впрочем, Арос никогда не оказался бы в такой переделке.

— Ваш Томас короля не выбирал; он имя произнес, что кто-то нашептал.

Кто-то нашептал? Нашептал? Выбор сделал за него *другой*? Ее глаза встретили боковой одноголазый взгляд ворона. Тот поклонился ей по-птичьи.

— Нет! — Она снова попыталась освободиться, но он был сильнее. Но она должна предупредить Ароса, найти Джеремию...

— Вот так-то, воробушек... — Он взмахнул крыльями и вознесся еще выше. Тени притаились где-то вдали, словно то, что происходило у них на глазах, как-то умирило их вечный голод. — Однако я вижу, ты все еще не веришь.

— Ты не мог! Это невозможно!

Ворон снова рассмеялся, и от этого всепроникающего смеха слова застыли у нее в горле.

— Ты все еще блуждаешь в потемках, красавица. — Ворон взлетел еще выше. — Позволь мне *просветить* тебя.

Каллистру поглотила вспышка ярчайшего света.

— Джеремиа? — повторил Гектор и прищурился, словно не в силах удержать в фокусе образ незваного гостя.

Ошарашенный, Джеремиа подошел ближе.

— Гектор? Ты действительно видишь меня?

Гектор озадаченно наморщил лоб.

— Этого не может быть. Я, наверное, переутомился.

— Но это действительно я, Гектор. Я. Джеремиа.

Чернокожий, видимо не веря своим глазам, подался вперед.

— Привидений не существует. Ты не можешь быть настоящим.

— Но это так! Я настоящий. — Джеремиа протянул вперед руку, однако его приятель отшатнулся. Джеремиа с нескрываемой неохотой опустил руку, но понимал, как все это виделось другому. Охотно ли он сам дотронулся бы до руки призрака?

Гектор, не желая касаться стоящего перед ним фантома, бежать тоже не пытался. Вместо этого он оглядел прозрачную фигуру и неуверенно произнес:

— Если ты Джеремя, призрак, тогда скажи что-нибудь.

— Что ты хочешь, чтобы я сказал?

Лысеющий клерк склонил голову набок:

— Приятель, если ты что-то говоришь, значит, у тебя запущенный случай ларингита. Поэтому что я слышу только какое-то сипение.

Джеремя немало удивился подобному обороту: он-то до сих пор пребывал в твердой уверенности, что они разговаривают. Реплики вполне соответствовали друг другу. Выходило, что он заблуждался. Однако раз Гектор его видит, то, если постараться, Джеремя может заставить коллегу еще и услышать себя. Если получше сосредоточиться...

— А сейчас ты меня слышишь? — произнес он, изо всех сил стараясь произносить слова как можно более отчетливо.

Гектор выпрямился и, запинаясь на каждом слове, пробормотал:

— Я... тебя... слышу...

Джеремя был готов от радости броситься ему на шею. Но Джордан явно был готов в этом случае отпрянуть назад.

— Ну слава Богу, Гектор! Я уж думал, что это невозможно! Я было решил, что меня никто никогда не увидит и не услышит.

— Старина, что... что с тобой приключилось? Ты что, и впрямь... *призрак*?

Тодтманн рассмеялся. Впервые за... за долгое-долгое время кто-то по-настоящему развеселил

его. И покачал головой — на случай, если предыдущий не будет достаточно ясен:

— Нет. Не совсем. Строго говоря, видимо, меня можно считать живым, но на границе мира... послушай, тебе лучше сесть. Объяснения могут занять какое-то время.

— Сесть? — Гектор смерил взглядом расстояние, отделявшее его от бывшего сослуживца. Места, чтобы он мог пройти не через тело своего гостя, было явно недостаточно. Джеремиа правильно истолковал его взгляд и отошел в сторону. Гектор опрометью выскочил из ванной и торопливо направил стопы в гостиную. Джеремиа не долго думая перенесся вслед за ним. Он материализовался буквально нос к носу с Гектором, который от неожиданности чуть не упал.

— Черт, ну и денек! Джеремиа, признайся, ты ведь не настоящий. А привидений на свете не бывает!

— Я не привидение. — Джеремиа махнул рукой в сторону дивана. — Гектор, сядь, а? Такое лучше слушать сидя. Я серьезно.

Гектор с обреченным видом повиновался. Ни разу еще Джеремиа не видел его таким потерянным. Теперь-то он понимал, на что был похож, когда Гектор застал его глазающим на окутанное теньями здание небоскреба. Джеремиа попытался улыбнуться, но Гектора это, похоже, не очень-то успокоило.

— Я не привидение, — повторил полупрозрачный Джеремиа Тодтманн. — Просто я не... я

не... — «Я не *что?*» — ...я не совсем в том мире, в котором ты.

Джеремиа наткнулся на непонимающий взгляд Гектора.

Он хотел было сесть на диван или присесть на корточки, но для этого он слишком волновался. Теперь, когда у него был живой собеседник, способный выслушать его, он хотел успеть все объяснить, прежде чем такая счастливая возможность ускользнет у него из-под носа. Он с ужасом думал о том, что Гектор в любую минуту может перестать его видеть или слышать. Понимая людские предрассудки, Джеремиа знал, что у Гектора очень немного времени уйдет, чтобы убедить себя, будто все это — игра его воображения. А тогда Джеремиа уже совсем не будет знать, что делать.

— Гектор, слушай меня внимательно. — С каждой новой произнесенной Джеремией фразой смысл его слов, казалось, все проще достигал сознания Гектора. Последнему больше не приходилось наклоняться, чтобы лучше расслышать его. Джеремиа даже почувствовал себя чуть материальнее, хотя это было, скорее всего, иллюзией. Он и без того был материальным, просто они с Гектором находились в разных местах. В разных мирах.

Джеремиа рассказывал о том, что с ним произошло, как можно короче, чтобы — насколько это возможно — избавить своего собеседника от описания кошмарных деталей. Гектор все это вре-

Рыцарь Книжек
— мя сидел неподвижно, точно изваяние, и только изредка моргал, не выказывая ни малейшего желания вступить в разговор. Он слушал молча и лишь ближе к концу повествования, когда невольный повелитель теней рассказывал о том, что случилось у него дома и о пути к дому друга, Гектор заерзал на диване. В глазах его, в которых только что читались растерянность и неверие, появилось выражение решимости. Это обстоятельство не ускользнуло от внимания Джереми, и к концу рассказа он уже вновь надеялся.

Чернокожий покачал головой и произнес:

— В это трудно поверить, но в каком-то смысле это к лучшему.

— Что ты хочешь сказать?

— Тебе незачем так орать, — заметил Гектор. Уже не в первый раз он давал понять Джереми, чтобы тот говорил потише. Это могло означать одно — с каждой минутой Джереми в его глазах становился все более и более реальным. — Я хочу сказать, что ты мог исчезнуть бесследно. То ли умереть, то ли лежать где-нибудь при смерти. Безымянная цифра в статистике. А ты жив и невредим.

— Во всяком случае, жив.

— Ты же знаешь поговорку: «пока живу — надеюсь». Что смогу, старина, то я для тебя сделаю.

— Спасибо тебе. — Джереми с облегчением вздохнул. — Знаешь, одного не могу понять. Почему именно я?

— Надо полагать, ты просто везунчик. — Вернулся прежний Гектор, которого не могли до конца согнуть даже громовые тирады Моргенстрёма. Лысеющий негр встал и приблизился к своему приятелю. — А знаешь, Джеремиа, мне кажется, ты становишься более... материальным, что ли? Может, проверим, насколько материальным?

Гектор поднял руку и осторожно протянул ее вперед. Джеремиа застыл, в буквальном смысле слова опасаясь развеять чары, которые дали ему обратиться к другой живой душе. Когда пальцы Гектора оказались совсем рядом, Джеремиа стал молиться неизвестно кому. Вот кончики пальцев в дюйме от его груди, в полудюйме, вот...

Пальцы остановились, наткнувшись на вполне материальную плоть, которая скрывалась под тканью рубашки.

Джеремиа испустил что-то похожее на стон и непременно задушил бы Гектора в медвежьих объятиях, если бы тот не успел отпрянуть.

— Тише, друг! — сказал Гектор, оказавшись вне досягаемости. — Мне приятно тебя видеть, но давай не будем распускаться.

— Извини. Позволь мне по крайней мере... — Джеремиа протянул руку к плечу Гектора.

— Аккуратнее. Не ущипни меня до крови. — Гектор покорно ждал, пока его друг положил руку ему на плечо.

— Оно твердое!

— Спасибо. Я ежедневно делаю гимнастику.

Джереми было радостно сознавать, что ему наконец удалось вступить в контакт с представителем реального мира, и все же он не мог поверить в свою удачу. Казалось невероятным, чтобы все оказалось настолько просто. Как предупреждала его Каллистра, процесс возвращения включает в себя воспоминания о прошлой жизни. Гектор, конечно, был частью прежней жизни Джереми, но очень периферийной по сравнению с его домом.

— Я не понимаю, как это могло произойти, — пробормотал Джереми.

— Не забивай себе голову. Любопытство сгубило кошку. Радуйся, что ты здесь.

Возможно, Гектор был прав и ему не о чем беспокоиться, однако Джереми не верил свалившемуся на него счастью. Он принялся мерить шагами комнату.

— Гектор, пойми, так просто не может быть! — горячо доказывал он. — Если бы ты видел то, что видел я, если бы ты испытал то же, что и я, ты бы понял.

Гектор задумчиво почесал подбородок:

— А ты изменился, старина. Ты об этом знаешь?

— Слишком много и слишком мало. — Не успели эти слова слететь с его уст, незадачливый монарх досадливо выругался: — Черт побери! Я до сих пор говорю, как они. — Джереми замолчал, осененный неприятной догадкой, и стал оглядываться в поисках чего-нибудь для

проверки этой теории. Взгляд его остановился на диване. — Интересно... — пробормотал он и покачал головой. Диван был внушительных размеров и, должно быть, довольно тяжелый. Джеремиа стал осматриваться дальше и почти сразу заметил журнальный столик, на котором лежала открытая книга. Не желая тратить времени на пустые подозрения; он направился туда.

— Что ты собираешься делать?

— Проверю одну идею. Надеюсь, что я не прав...

Достигнув стола, Джеремиа взял книгу.

— Я знал, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Гектор не двигался с места.

— Но ты ведь взял ее. В чем же дело? Это же доказывает, что ты настоящий.

— Посмотри на книгу. — Джеремиа повернул книгу так, чтобы Гектору было видно обложку. Она была в безукоризненном состоянии и сияла девственным гляncем.

— Ну и что? Красивая книга.

— А теперь подойди сюда и взгляни на стол.

Гектор перегнулся через диван и посмотрел на журнальный столик. Там по-прежнему лежала книга. В отличие от той, которую держал в руках Джеремиа, края у нее были слегка потрепаны, а сверху торчала закладка.

— Уверен, Арос сказал бы — не судите о книге по обложке... а потом непременно скорчил бы гримасу. — Джеремиа, которому горечь лишь при-

дала сил, яростно отшвырнул книгу в сторону. Она растаяла в воздухе только после того, как пролетела несколько футов. — Это всего-навсего воспоминание о том, какой была эта книга, когда она еще пахла типографской краской. Это я теперь знаю, хотя толку в этом знании...

Внезапно боковым зрением Джереми увидел, как к нему приближается нечто. Забыв о постигшем его несчастье, Джереми отпрянул прочь от этого, что бы это ни было. Гектор, отреагировав на его движение, распластался на входной двери.

По комнате — на первый взгляд, без цели — медленно блуждала призрачная тень. В ее скованных движениях угадывались нерешительность и страх. Пока Джереми видел лишь одного, однако он понимал, что другие не заставят себя ждать. Стараясь держаться подальше от незваного визитера, Джереми стал лихорадочно соображать, что ему предпринять теперь, когда его конспиративная квартира провалилась и его надежды в очередной раз рассыпались в прах.

Тут он заметил, что Гектор по-прежнему стоит, распластавшись у двери, и опасно косится на тень. Поймав на себе взгляд Джереми, его чернокожий друг как-то сразу потупился.

— Ты... ты это видел?

Гектор молчал.

Тодтманн направился к нему. Его внезапное резкое движение заставило тень рассеяться. Но в тот момент Джереми не было до нее дела.

— Ты ведь все видел, признайся.

Гектор по-прежнему избегал смотреть ему в глаза.

До Джеремии начинал доходить чудовищный смысл происходящего. Иного объяснения он не находил. Причина, несомненно, крылась в этом.

— Гектор, ты видел эту сомнамбулу. Я это знаю и ты тоже знаешь, только ты, возможно, не понимаешь, что это значит.

Наконец Джеремии удалось привлечь его внимание. Гектор часто заморгал и выдавил из себя:

— Что?

— Боюсь, тебе это не понравится. Мы вывернули все наизнанку. Гектор, дело вовсе не в том, что я становлюсь реальнее и возвращаюсь в наш мир. Книга это достаточно подтвердила, но еще и этот Серый, которого ты только что видел, — один из самых примитивных и безобидных, просто чтобы ты знал, — так вот его ты не должен был видеть. Вот так, непосредственно. Вот почему ты и смог коснуться меня. Это не я снова становлюсь человеком, Гектор... — Джеремия судорожно сглотнул. Это трудно было высказать так, чтобы не огорошить. — Это *ты* перемещаешься в царство Серых. Ты становишься таким, как я.

Говорят, есть люди, сделанные из камня, и сейчас Джеремия готов был поверить, что Гектор из них. Некоторое время тот продолжал смотреть на него как ни в чем не бывало. Затем он чуть ли не с облегчением отлепился от двери и отправился на кухню. Остановившись на полпути, Гектор оглянулся и вдруг сказал:

— А я-то считал, что просто переутомился или у меня галлюцинации. И подумать не мог, что они настоящие.

— Так ты видел *других*?

Гектор кивнул:

— Последние дни. С тех пор, как ты пропал.

— Арос говорил мне, что люди определенного типа время от времени переносятся в его мир. Похоже, мы с тобой принадлежим как раз к этому типу.

Вернулась та же или точно такая же тень. Оба внимательно наблюдали за ней, Гектор — настороженно, Джеремиа — с надеждой во взоре. Вскоре к первой тени присоединилась еще одна, затем появилась третья. Все они были совершенно непохожи на что-либо из того, что Джеремии доводилось видеть до сих пор. Они были примитивны, как могут быть только Серые.

Сгустилась четвертая тень.

— Гектор, мне скоро придется уйти.

— Почему? Они опасны? — Гектор сделал шаг в сторону, стараясь держаться подальше от призраков (впрочем, это была излишняя предосторожность, поскольку для теней интерес представлял лишь король). Они не обращали внимания на Гектора, так же, как и друг на друга. Для них значение имел лишь один человек: Джеремиа Тодтманн. В нем они видели средоточие и надежду своего бытия.

— Туда, где сгушаются тени, являются другие Серые.

Гектор понимающе кивнул:

— Ну да, ворон и этот — как его? — Арос.

— Вот именно. Чем дольше я остаюсь здесь, тем больше рискую быть обнаруженным. Они не станут медлить. Возможно, у меня остались секунды.

— Куда же мы теперь?

Сначала Тодтмани не обратил внимания на то обстоятельство, что Гектор употребил местоимение «мы». Когда же до него дошло, он не сразу смог ответить. С одной стороны, в компании было бы веселее. С другой — это было только его делом. Он не имел права впутывать Гектора, тем более что у того, возможно, еще оставался шанс вернуться в мир живых.

— *Мы* — никуда, Гектор. Я уйду один. Тебе же лучше всего оставить квартиру на несколько часов, а потом потихоньку вернуться. Они знают, что я после этого не вернусь, поэтому ты будешь в безопасности. Потом ты можешь сделать то, что собирался сделать я сам. — Джереми окинул взглядом комнату. — Походи по своему дому. Потрогай вещи и попытайся вспомнить свою прежнюю жизнь. Так сказала Каллистра. Я сам лишен такой возможности, но у тебя еще есть шанс. Не вижу причин, почему бы этому методу не сработать и в твоём случае.

Призрачная фигура с редющей шевелюрой скользнула сквозь его руки.

— Я не брошу друга в беде. Старина, одна голова хорошо, а две лучше. Черт меня побери,

да я бы даже Моргенстрёма не оставил в такой ситуации. Кто же у тебя есть, кроме меня?

— Я не могу позволить тебе пойти на это. — Призрачная стая росла; в районе гостиной толпилось уже не меньше дюжины теней. Они пока не решались подойти, чтобы прикоснуться к Джеремии, однако ближайшая уже находилась на расстоянии вытянутой руки. — Я должен спешить. Черный ворон может появиться в любой момент.

— Джеремия, если ты исчезнешь, я найду тебя на краю света. Я не могу оставить друга, а тебе... тебе ведь больше не к кому обратиться за помощью, верно?

Это была сухая правда. В памяти Джеремии вдруг всплыли имена и лица каких-то старых знакомых, но он понятия не имел, где они жили. Если он правильно понимал методы, к которым прибегали его преследователи, то вся его немногочисленная родня — пусть и дальняя — уже находилась под наблюдением. Что же до друзей... Гектор был самым близким, а Джеремия даже не знал его адреса.

Он приставил руку ко лбу и наклонил голову:

— Боже! Несчастный я человек! Почему Томас О'Райан выбрал именно меня?

— Джеремия!

Король Серых поднял голову и увидел, что Гектор идет к нему с вытянутой рукой. Джеремия вдруг обнаружил, что полчище бестелесных теней бесследно исчезло. Не успел он

понять, что это значит, как Гектор Джордан уже взял его за руку.

На месте квартиры теперь была платная автостоянка возле небольшой железнодорожной станции.

Джеремя взглянул на своего спутника — тот уже выпустил его руку и теперь с немым изумлением озирался по сторонам.

— Гектор, что случилось?

Наконец Гектор заметил его. Откашлявшись, он пустился объяснять:

— Эти паршивые тени исчезли. Я не успел и глазом моргнуть. Ты не заметил, когда это случилось. Из того, что ты... — Гектор снова откашлялся, словно у него комок застрял в горле, — ...из того, что ты мне сказал, я понял, что за нами того гляди явится эта птица.

«Не птица — так Арос», — про себя добавил Джеремя. Так или иначе, но благодаря сообразительности его товарища по несчастью он, возможно, избежал встречи с кем-то из этой парочки. Джеремя сомневался, что Арос мог действительно причинить ему зло, но, если он снова окажется в логове долговязого, его наверняка больше не оставят без присмотра.

— Где мы?

— Похоже, на моей станции. Никогда не думал, что это так глубоко во мне засело.

Джеремя огляделся, желая убедиться, что они действительно одни.

— Нам нельзя здесь задерживаться. — Он шумно вздохнул. — Тебе не следовало помогать мне, Гектор. Одному тебе было бы спокойнее.

— Для чего же тогда, по-твоему, существуют друзья? — Гектор с вызовом скрестил руки на груди. — Так что нам делать дальше?

«А в самом деле, что?»

Он-то надеялся, что благодаря передышке на квартире Гектора у него будет время придумать какой-нибудь план, однако теперь он знал наверняка только то, что по-прежнему находится на положении изгнанника и что Каллистра пожертвовала собой ради его спасения. В который раз, вспоминая о своем постыдном поведении, Джеремия покраснел. Каллистра ради него добровольно стала добычей ворона, а у него на уме было одно — как удрать целым и невредимым.

До него начинало доходить, что если бы он и добрался до своего дома, то все равно не смог бы уйти в реальный мир с грузом предательства. Вот почему он и пребывал в смятении: малодушный и трусоватый Джеремия в нем спорил с другим, с тем, который знал, что он должен найти Каллистру, и будь что будет. *Должен*, однако, было не совсем точное слово. Ему следовало посмотреть правде в глаза: Каллистра стала ему очень небезразлична, он даже хотел забрать ее с собой, в свою жизнь... при условии, разумеется, что она, как и он сам, станет живым человеком.

— Но теперь мне плевать, человек она или призрак, — вслух убеждал он самого себя. — Мне плевать!

— Что?

— Гектор, я должен разыскать ее. Даже если для этого мне придется столкнуться нос к носу с проклятой птицей. Я не могу оставить Каллистру. — Он невесело улыбнулся. — Отдает мелодрамой, да? Я сам не думал, что способен на такое.

Гектор не стал спорить, просто кивнул. Затем он спросил:

— Что ты предлагаешь?

Это был хороший вопрос. Что он *мог* предпринять? Роль короля предполагала власть, но Джеремия понятия не имел, как ею воспользоваться и каковы ее пределы. К тому же он вовсе не желал открытого столкновения с вороном. Это было бы чистым самоубийством. Джереми не мог сказать, умирают ли Серые на самом деле, зато знал, что человеческий якорь вполне на это способен. Томас О'Райан это доказал.

— Не знаю, — наконец признался он. — Думаю, я мог бы вернуться к Аросу и просить его о помощи. Похоже, он единственный, кого ворон уважает.

— А вот этого ты *не хочешь*, старик.

Джеремию удивила твердость в тоне Гектора.

— Почему бы и нет?

Гектор посмотрел по сторонам. Джеремия машинально проследил за его взглядом: они уже слишком долго здесь задержались.

— Ты думаешь, Арос тебе поможет? Не вернее ли предположить, что он помешает тебе искать эту даму?

Вполне вероятный сценарий. Единственной заботой Ароса Агвиланы была власть над Джереми-ей. Каллистрой он вполне мог пожертвовать.

Джеремиа в отчаянии развел руками:

— Просто ума не приложу, что еще делать. Хочешь верь — хочешь нет, но я люблю ее. *Люблю* — одну из Серых!

Его товарищ стоял с каменным лицом, не зная, что сказать в ответ на признание Джеремиа. Тодтманн не винил его: он прежде говорил о своем интересе к Каллистре, но Гектор явно не верил, что этот интерес настолько глубок.

Гектор сложил руки на груди и промолвил:

— Послушай, дружище. Я же не сказал, чтобы ты оставил всякую надежду. Я просто сказал, что не стоит обращаться за помощью к этому упырю, вот и все.

«Удивительно, как он спокоен. Хотел бы я, чтобы тоже мог вот так».

— Что же мне делать?

— Перво-наперво запомни: не *мне*, а *нам*. Все за одного и один за всех. Я от тебя не отстану, сколько бы ты ни талдычил.

Джеремию тронуло такое проявление верности, хоть он и предпочел бы не впутывать Гектора в это дело. Однако спорить с ним не имело смысла: по выражению черного лица было ясно, что решение Гектора окончательно. Так или иначе, он останется с Джеремией.

Снова и снова Джеремиа задавал себе вопрос: куда же теперь?

Словно читая его мысли, Гектор спросил:

— Где ты видел ее в последний раз? Ты кажется, говорил, на поезде?

— Да, поезд шел на восток... ворон гнался за нами по пятам. — «И догонял», — добавил он про себя. Джеремиа был убежден, что только чудо могло спасти Каллистру от когтей ворона.

Выражение лица Гектора смягчилось.

— Старина, ей, безусловно, известно, что она для тебя значит. Она выкрутится. Только я думаю, что нам с тобой надо вернуться в город.

— В Чикаго? — Джеремиа понимал, что это неизбежно, однако при одной мысли о возвращении...

Конечно, Серые водились повсюду, но Чикаго, похоже, был одним из главных центров. Возможно, это началось еще при О'Райане, но теперь продолжалось из-за Джеремиа. Чикаго буквально кишел Серыми, и чем больше их будет, тем больше он привлечет к себе внимания. А это значит — ворон и Арос.

— Лучшее место для начала, судя по твоему рассказу.

— Но если не ворон, так Арос меня заметит.

— Верно, это проблема. — Гектор беспокойно озирался по сторонам. Конечно, высматривал тени. Удивительно, что их двоих до сих пор не обнаружили. Каждую секунду, что Серые их не нашли, Джеремиа считал чудом. — Послушай-ка... а что насчет твоих способностей? Ты не можешь сделать что-нибудь вроде экрана?

— Чтобы укрываться от теней? Нет.

— А ты пробовал?

Джеремия уже открыл рот, чтобы ответить, но осекся. Прокручивая в голове свои похождения в качестве короля-заложника, он вдруг подумал о том, что так ни разу по-настоящему и не пытался использовать свои способности, чтобы защититься от назойливого любопытства собственных подданных. Он бессознательно полагал, что чары, созданные Серыми, нельзя применить против них самих. А вдруг можно?

— Послушай, Джеремия, почему бы не попытаться? Хуже ведь не будет.

— Но я должен защитить и тебя, — задумчиво проронил Джеремия.

А сможет ли он? Когда ворон напал на него возле его дома, он как-то закрылся от него. Что если это просто вопрос воли? И не нужно было куда бежать?

— Я бы на твоём месте не откладывал это в долгий ящик...

— Ладно.

Единственное, что приходило ему на ум, — нужно как следует сосредоточиться. Он зажмурился и попытался представить своего рода невидимую оболочку, которая защищала бы их обоих от вылазок Серых, при этом не стесняя свободы передвижения.

Его мозг зарегистрировал какой-то слабый щелчок.

— Ну что, сделал? — нетерпеливо спросил Гектор, увидев, что Джеремия открыл глаза.

— Что-то сделал. Может быть, это то, что мы хотели.

Вопреки собственной неуверенности, Джереми почувствовал неожиданный прилив бодрости. Как знать, может, он вовсе не такой беспомощный, каким привык себя представлять. Разумеется, следовало отдать должное Гектору: именно он помог Джереми поверить в себя, так же как именно он, Гектор, помог ему выбраться живым из квартиры. Джереми пожалел, что соображает не так быстро, как его чернокожий друг. О'Райан явно сплоховал; Гектор Джордан — вот кто был лучшим кандидатом на престол.

Но у него не было времени, чтобы мечтать о том, что было бы, если бы... Надо было Каллистру.

— Куда мы двинемся?

— Я тут подумал, Джереми. Мы не можем появляться в конторе, и нам, очевидно, не следует показываться на вокзале. Знаешь, за все время, что мы работаем в этом городе, я мало что запомнил, кроме самых заметных зданий. А это не самые безопасные места.

Джереми были понятны его опасения. Практически любое из тех мест, куда он мог переправить их обоих, пользовалось всеобщей известностью. Агвилана наверняка рассчитывал, что он выберет что-нибудь вроде «Большого Джона» или стадиона «Ригли-филд» — оба сооружения Аросу были известны.

Вдруг Гектор улыбнулся:

— Старина, кажется, я придумал. Место, правда, известное, но два против одного, что они не допрут.

— И что это?

— Как ты относишься к тому, чтобы совершить экскурсию на старую водонапорную башню?

Старая водонапорная башня? Джереми пожал плечами — этого здания он не помнил.

Его товарищ по изгнанию посмотрел на него с наигранным изумлением:

— Как? Ты не помнишь старую водонапорную башню?

— Извини.

На самом деле перед мысленным взором Тодтманна всплывал расплывчатый образ какого-то сооружения, однако детали его совершенно стерлись в памяти. Только теперь Джереми начинал понимать, какой безликой, словно окутанной туманом, была его жизнь, пока в нее не ворвались Серые.

— Тем лучше, — успокоил его Гектор. — Я могу описать тебе, где это. Так ты сможешь его найти?

— Надеюсь. Твою квартиру я нашел, имея еще меньше.

— Отлично.

Гектор Джордан пустился сбивчиво объяснять местоположение башни — то ли на Мичиган-авеню, то ли где-то поблизости. Он не был совершенно уверен, однако сказал, что, учитывая

обстоятельства, будет даже лучше, если они окажутся не на самой башне, а где-нибудь по соседству.

Джеремиа согласно кивнул. Он хорошо представлял себе район, о котором говорил его друг. И все же любопытство не позволило ему не задать еще один вопрос:

— А что такого в этой водонапорной башне, что ты ее выбрал? — спросил он.

— Дружище, ты живешь сунув голову в песок. — Гектор сдавленно рассмеялся. — Тебе что-нибудь говорят слова: «Большой чикагский пожар»?

XI

— Если хочешь, чтобы что-то было сделано, сделай это сам! — Арос Агвилана откинулся на спинку трона, первоначально предназначенного для Джеремиа и теперь воссозданного в надежде на скорое возвращение блудного короля. За исключением самого Ароса и двух стоявших перед ним субъектов в накидках с капюшонами, в «Бесплодной земле» никого не было (так было всегда, когда Арос Агвилана занимался делом). Два эльфа угрюмо взглянули на него исподлобья, однако возражать не посмели. Дни их могущества давно миновали, теперь в мире Серых правил бал Арос и ему подобные. — Джентль-

мены, время от времени истину следует искать в избитых фразах!

Он извлек из табачного кармана своей памяти сигарету и затянулся. Эльфы по-прежнему мрачно пялились на него из-под нахлобученных на головы капюшонов. Казалось, только это они и умели — смотреть сердито; а в остальное время были эгоцентричными позерами. Даже лишившись бывшего могущества с приходом так называемого Современного Века Разума, они все еще полагали себя движущей силой мира Серых.

«И что они показали нам за все эти годы, что нами двигали? Повернули не в ту сторону и завели и нас, и наше заклинание для якоря в тупик!»

Этих идиотов уже не вылечишь — старую собаку новым штукам не выучишь.

Лицо Ароса исказила гримаса — его гнев сыграл с ним злую шутку: заставил говорить и мыслить в манере Серых. Это была война нервов. Чтобы быть человеком, чтобы понимать людей, он должен был мыслить как человек.

— Особенно разочаровал меня ты, Оберон. Ты наткнулся на него дважды и даже не смог до него дотронуться.

Старший из эльфов недовольно хмыкнул. С Обероном было особенно трудно: он никак не мог забыть, что когда-то был королем всего. Однако теперь слишком мало людей верили в существование ему подобных, и королевство его почти

исчезло. Правда, Оберон и его немногочисленное племя все еще находили достаточно воли и достаточно верящих, чтобы кое-как поддерживать собственное существование, но последние двое якорей не ставили их ни в грош. Единственные существа из рода Оберона, которые процветали во времена Томаса О'Райана, были лесные гномы, и даже они ушли на комические роли из-за свойственного Томасу юмора и направления современной литературы людей.

«Ты мог бы стать этим королем, Томас, — рассуждал про себя Арос. — Но, как все последние короли, ты не протянул и пятидесяти лет».

Возможно, он правильно поступил, что запретил кому бы то ни было в разговоре с Джеремией Тодтманном говорить — или хотя бы намекать — об укорочении срока жизни человека-якоря. Подобные разговоры только вредили делу.

Он решил, что уже довольно пристыдил Оберона и его товарища. Они еще могли пригодиться; другие были согласны с этим. Эти другие, возможно, были более снисходительны, чем он, Арос, их представитель, но именно поэтому он и стоял во главе, а они прозябали в безвестности. У него была сила идентичности, необходимая, чтобы управлять, чтобы во всех практических вопросах играть роль всесильного премьер-министра при наделенном королевской властью человеке.

— Вернитесь к поискам, — приказал он. — Это проклятое заклинание вы знаете лучше дру-

гих. Да, оно переменилось, но до сих пор ни один якорь не мог воспользоваться его властью, чтобы спрятаться. Это просто невозможно. Джереми Тодтманн, наш *король*, где-то там, и мы должны разыскать его, прежде чем это сделает... сами знаете кто. Я прав?

Вопрос был чисто риторический, и эльфы это прекрасно понимали. Оберон покорно кивнул, выражая готовность в точности исполнить приказы Ароса, хотя по его горящему взгляду было видно — он до сих пор не смирился с тем, что им помыкают. В следующее мгновение эльфов и след простыл.

— Ну вот, с этим покончено. — Арос встал, и трон тотчас же обратился в небытие, чтобы снова материализоваться, когда потребуется произвести впечатление на смертного. «Бесплодная земля» вновь заполнилась Серыми. Аросу Агвилане не было до них дела; он словно не видел меланхолических сомнамбул, которые сновали вокруг него почти так, как спуют они вокруг людей.

Спустившись с возвышения, Арос сделал шаг в сторону. Шаг в сторону в пространственном измерении был похож на шаг вперед или назад во времени, но не совсем. Для большинства Серых в этом не было ничего необычного: примерно так же Джереми Тодтманн переносился с места на место. Однако Серым не нужно было думать о том, куда они желают попасть — они просто оказывались на правильном пути. Сей-

час Арос выбрал путь, который вел потаенный уголок царства снов, принадлежащий ему, и только ему. Там был его туз в рукаве, план на случай, если Джеремиа Тодтманн погибнет.

Скрылся из виду клуб «Бесплодная земля», и под ногами Ароса появились сбегавшие куда-то вниз ступеньки, над которыми витала тень огромного хронометра, похожего на старые карманные часы. Арос торопливо сбегал по длинной винтовой лестнице. Лестница, как и все вообще, что было Серым, являлась лишь плодом воображения, но поскольку Арос был Серым и хотел поступать, как люди, он шел по лестнице вместо того, чтобы просто перенестись. К тому же здесь не существовало времени, а потому его нельзя было потратить даром. Гибкое время, принятое в царстве Серых, реального человека запутало бы, но Серые прекрасно в нем ориентировались. Время летит, когда ты отдыхаешь или развлекаешься или когда приближается срок; время может идти, а может тащиться, как это бывает в дождливый день. Все просто.

Агвилана взглянул на часы. Нерадивым работникам порой кажется, что время вообще стоит на месте. Здесь, в укромном уголке царства теней, это было как нельзя верно. И это было необходимо: время текло для живых, попавших сюда — только медленнее. Арос Агвилана давным-давно держал здесь своего «туза в рукаве», и здоровье этого туза было уже не очень хорошим и тогда, когда он провалился в щель, об-

разовавшуюся в мире реальности. В этом-то и беда с реальным миром: в царство снов часто попадают чуть ли не отходы.

— Нищим выбирать не приходится, — пробормотал он, снова поймав себя на поговорке. В самом деле, нищие. «Туз» Ароса был именно таким. Нищий пьянчужка, пропивший разум и поэтому угодивший в мир Сумрака. На него было жалко смотреть, но поскольку он был человеком, а не Серым, извращенные законы Вселенной давали ему определенные права по отношению к подобным Аросу. При должном наущении из него можно было даже сделать новый якорь — в этом Арос был уверен. Оставшись без хозяина (если предположить, что Джеремиа Тодтманн убит), заклинание начнет самостоятельно искать нового преемника.

А маяком будет служить развалина, которую пригрел Арос. Заклинание обязательно к нему потянется — хотя бы из инстинкта самосохранения, который выработался у него за столетия контактов со смертными.

Внизу лестницы была дверь. И больше ничего. Она стояла гордо и одиноко — очевидно, ей никто не сказал, что вокруг нее должны быть стены. Преодолев последние несколько ступеней, Арос взглянул на дверь, и она отворилась, обнаружив зияющий проем, которому даже больше чем двери полагалось бы знать о необходимости стен. Худощавый Серый не останавливаясь вошел в проем.

Если апартаменты Джереми служили воплощением роскоши, то жилище, где сейчас лежал Аросов избранник, было перекрученным кошмаром старости и гниения, ободранных стен, поломанной мебели и теней столь же черных и алчных, как те, что служили ворону. Они были здесь не по выбору Ароса — их манил гнойный разум обитателя этой дыры.

— Взойди и воссияй, — произнес Арос, держась поближе к двери. Приходилось всегда помнить об опасности подпасть под влияние человеческой мысли... хотя бы и мысли существа, лишь едва человеческого. — Подъем!

На грязной, с провалившимся матрасом кровати, которую избрало воображение Аросова «туза в рукаве», валялась куча тряпья. Где-то под ним лежали мощи обитателя этой комнаты, который даже не шелохнулся, что, впрочем, было в его духе.

«Может, нищим выбирать не приходится, — подумал мертвенно-бледный упырь, направляясь в сторону кровати, — но этого нищего я бы с радостью выменял на Джеремию Тодтманна».

Всякое сочувствие судьбе этого нищего испарилось, когда тот впервые ударил его ножом. Нож, конечно, не причинил Аросу вреда, но оскорбляла сама мысль, что у кого-то хватило наглости ткнуть его ножом. Так ли следует обращаться с тем, кто дал тебе убежище?

«Когда власть перейдет к тебе, я тебе найду занятие на все время, пока не отыщется более подходящий для нее хозяин».

На большее этот тип не годился. Временная заплата, чтобы ворон не захватил власть. Когда выбор пал на Джеремию Тодтманна, Арос едва не ликвидировал свой запасной вариант. И теперь думал, что правильно этого не сделал.

«Все в конце концов на что-нибудь полезно».

Поморщившись от очередного штампа, на который опять сорвался, Арос подошел к кровати и слегка пнул ее по ножке. Ножка задрожала, но не отвалилась. Куча тряпья колыхнулась вместе с ней и снова застыла.

— Эй, есть работа!

На сей раз он наподдал посильнее. Арос старался быть любезным, хотя истинным его желанием было пнуть так, чтобы кровать вместе со своим зловонным содержимым пролетела с полкилометра и лишь там собралась снова на полу. Тогда бы болван точно проснулся.

Когда снова не было никакой реакции, Арос протянул руку и с невыразимым отвращением ткнул в кучу тряпья пальцем.

Палец беспрепятственно прошел сквозь ткань.

Арос заворчал, обеими руками взялся за верхнее одеяло и отшвырнул в сторону. Прodelав то же самое и со вторым, и с третьим, он с изумлением уставился на кровать.

Ничего.

Одеяла скрывали пустоту, созданную заклинанием бестелесную оболочку, наполненную воздухом. Нищий бесследно исчез... но как и куда?

— Он хотел уйти, Арос. Я отпустил его.

— Что? — Арос обернулся на голос — возле двери стоял обезьяноподобный, его давний собеседник. — *Что такое ты сказал?*

— Меня зовут Отто, Арос. Это имя дал мне король. Да здравствует король!

— Не будь идиотом, он же... — Арос не договаривал. Только тут до него дошел смысл того, что сообщило ему это обезьяноподобное убоище. — Так это твоих рук дело? — Он указал на пустую кровать. — Да как ты посмел?

— Джеремия тоже мой друг. И Томас был моим другом. — Зрачки Отто красновато мерцали.

— Где он? — рявкнул Арос, подходя ближе. Он старался держать себя в руках, но это трудно, когда вокруг тебя столько идиотов и столько препятствий.

— Арос, его нет. Тебя я тоже люблю.

— Избавь меня от лживых человеческих сантиментов, *Отто*. Мне они непонятны, а уж тебе тем более.

— Это не так, — возразил призрак. — Теперь тебе нужен Джеремия Тодтманн.

— Который, возможно, уже в когтях у вороны. Ты хоть понимаешь, что твоими стараниями мы можем проиграть игру? Ты понимаешь?

— Это не игра, Арос.

Арос опустил руку к поясу и извлек шпагу из сущности царства снов. Кончик длинного узкого клинка он приставил к груди Отто.

— Тебе повезло, *Отто*, что нелегко приходит к Серым смерть и пытка не решает ничего!

Будь ты человеком, я насадил бы твою голову на кол! Ты *отдал* птице эту игру! Ты этого *хотел*?

— Я хотел как лучше, — спокойно ответил Отто, пожимая плечами. — Джеремиа...

— У меня его нет! Он у птицы! — Видя, что его собеседник понуро повесил голову, Арос опустил шпагу. — По крайней мере, я так думаю... но дальше — тишина, а эта ворона каркнула бы о своей победе во все воронье горло! — Арос поднял руку и почесал подбородок; в ту же секунду клинок растаял в воздухе. — Как знать, может, игра еще не кончена.

Он почти утратил надежду, хоть и отправил этих кретинов на поиски. И все же, если бы ворон победил, все царство снов отозвалось бы эхом на его победный крик. Тот факт, что сам Арос оставался еще свободен, был хорошим признаком. Это значило, что еще не вечер.

Но даже если бы ему удалось найти Джеремию Тодтманна, оставалась еще одна проблема. Тодтманн верил ему едва ли больше, чем ворону. Такая несправедливость его уязвляла — ведь он действовал из самых лучших побуждений. Что ж, такова цена подвига крестоносца. Но крест, который приходилось нести, ничуть не облегчал ответа на вопрос: как найти подходы к Тодтманну? Доверие Джеремии было ему необходимо.

Или... доверие того, кому верит он.

Только одной из Серых верил король, только одна была ему небезразлична. Арос с удовлетво-

рением отметил, что хотя бы в этой части его план сработал. Здесь следовало сделать оговорку: успех в этой части превзошел самые смелые ожидания Ароса... к немалой досаде последнего. Если бы не она, Джереми Тодтманн давно был бы в безопасности, целый и невредимый, готовый следовать рекомендациям своего советника.

— Каллистра... — Если верить эльфам, последний раз Тодтманна видели одного. Скорее всего между Каллистрой и вороном произошла стычка. Не надо быть пророком, чтобы предсказать исход этой схватки. Она принесла себя в жертву ради человека-якоря. *Как... романтично.*

— Джереми ее любит, — произнес обезьяноподобный, часто моргая.

— Да, я знаю...

В голове Ароса вызревал план. Каллистра была единственной, кого человек станет слушать, чьим словам поверит. Если в этих словах будет сказано, что Аросу Агвилане можно доверять, что он способен дать защиту от крылатой парии, Джереми прислушается.

Правда, Каллистра исчезла, но это был сущий пустяк. Если утерян оригинал, сойдет и копия. Арос достаточно хорошо знал Каллистру, чтобы создать подходящего двойника. В чем-то двойник даже предпочтительнее: с ним не будет столько хлопот. Создать его не составит труда — вокруг вечно снуют тени, умоляя дать назначение — пусть даже роль марионетки в смертельной игре. Как только Джереми окажется в его руках, двойника можно будет отпустить.

«Вокруг вечно снуют тени...» — Арос вызвал образ сигареты, затянулся и позволил себе снисходительную, самодовольную улыбку. Имея такие возможности, почему бы ему не подтасовать колоду? Почему бы не застолбить всю территорию?

Зачем ограничиваться одним двойником, когда можно сделать и второго... и третьего?..

— Мне нужно кое-куда сходить и кое с кем встретиться, — проворчал он, — а что касается тебя, Отто, то...

Обезьяноподобного рядом не было. Арос был раздосадован не этим, а тем, что ситуация уже не подчинялась ему так, как раньше. Слишком многое происходило такого, что организовывал не он. Этим придется заняться, но сейчас нужно вернуть своего короля... а тем самым и свой народ.

Джереми Тодтманн стоял перед старой водонапорной башней; перед глазами его проплывали картины страшного пожара, буйствовавшего в Чикаго. Была ли беспечная корова миссис О'Лири* истинной виновницей пожара или нет — вопрос спорный. Одно бесспорно — пожар навсегда изменил облик Чикаго, как когда-то другой пожар изменил облик Рима. Но вот это небольшое сооружение, больше напоминавшее миниатюрный замок, чем водонапорную башню, оно устоя-

* Корова, ставшая якобы причиной Чикагского пожара 1871 г. По легенде именно она опрокинула керосиновый фонарь, от которого загорелось сено в сарае. — *Примеч. пер.*

ло против разъяренного огненного вала и теперь, век спустя, живо напоминало о давнем кошмаре. Глядя на него, Джеремиа почти физически ощущал нестерпимый жар и слышал рев пламени, пожирающего город.

Окутанное тусклым, приглушенным светом, который лился, казалось, ниоткуда, здание приобретало призрачный колорит. Водонапорная башня была одной из самых известных городских достопримечательностей, и Джеремиа никак не мог взять в толк, почему он напрочь забыл о ней. Джеремиа мог утешать себя, что он, по всей видимости, не один такой; люди ежедневно проезжали мимо башни, не замечая ее — разве что останавливались туристы, чтобы сделать снимок, — большинство предпочитало другую — стальную громадину, в которой работали Тодтманн и Гектор. И это несмотря на то, что в Чикаго не так уж много мест, бывших свидетелями истории столь отдаленной.

На другой стороне улицы располагалась насосная станция, уже совсем неприметная. Насосная станция также пережила пожар, однако явно проигрывала рядом с водонапорной башней, с ее впечатляющим куполообразным, крытым позеленевшей от времени медью навершием, под которым находилась дозорная площадка. На этом фоне насосная станция казалась не более чем заведением из сети известных в Чикаго ресторанов быстрого обслуживания. Только близость водонапорной башни не позволяла совершенно забыть о славной истории ее соседа.

Джеремя с грустью подумал о том, какой след он сам оставил в истории. Его уход из мира не отмечен даже надгробной плитой. Еще неделю назад такие мысли не пришли бы ему в голову, теперь же у него щемило сердце. Что после него останется: несколько незаконченных дел и машина, за которую он еще даже не расплатился с компанией?

— Космос, последний рубеж, — услышал Джеремя доносившийся из-за спины голос. — Ты где витаешь, старина?

— Извини, задумался.

Гектор подошел к нему, не переставая ози- раться по сторонам.

— Тогда подумай вот о чем. Мы же не хотим торчать здесь *слишком* долго, с защитой или нет. Если хочешь найти Каллистру, надо пошевели- ваться.

— Ты, как всегда, прав. — Джеремя вынуж- ден был признать, что без Гектора, предостав- ленный самому себе, он перенесся бы прямо в западню. — Единственная трудность в том, Гек- тор, что я по-прежнему не знаю, где ее искать.

И снова первым нашелся его товарищ по из- гнанию:

— Я бы начал поиски с того места, где са- мые глубокие тени — голодные, о которых ты рассказывал. Если он захватил твою подружку в заложницы, то наверняка держит ее в самом центре своих владений.

В словах Гектора, несомненно, был смысл, однако что-то удерживало Джеремию от такого

безумия. Буквально *пойти* в логово ворона? Броситься в драку с его верными псами? Должен быть менее самоубийственный способ.

— Но мы же не можем... вот так...

— Можем, если мы под защитой.

— Но я не уверен, что чары сработали.

— Ладно... — Гектор посмотрел по сторонам, затем его внимание привлекло что-то на другой стороне улицы. По тротуару шли двое: молодые ребята в кожаных куртках. Джеремия невольно поежился при виде этих головорезов. Один из них был белый, другой — латиноамериканец. Оба явно пребывали не в духе.

Следом за ними двигалась тень-призрак. Только на этот раз это была не просто сомнамбулическая тень. Эта тень носила человекоподобное обличье, только скрюченное и с когтями. Она была раза в три меньше подростков, которые ее не видели. Джеремия напомнил себе, что Серый стремится принять обличье того, за кем наблюдает. Эта тварь была такой, какими они были в душе.

— Давай перейдем улицу, пока они не ушли! — С этими словами Гектор, не дожидаясь Джеремии, бросился на другую сторону. Монарх с видимой неохотой последовал за ним. Приятель спешил преградить путь призраку, то есть встать между ним и теми двумя в куртках, которые, разумеется, их обоих не заметили.

Он понял, чего хотел от него Джордан. Джеремия встал так, чтобы призрак не мог его не заметить. Гектор скрестил пальцы на удачу.

Подростки проскочили мимо... а следом проскользнула тень, не обратив никакого внимания ни на Джеремию, ни на его спутника. Джеремия провожал взглядом странную тройцу, пока те не скрылись из виду, и тряс головой, сам себе не веря. Заклинание действовало.

— Ну, что ты теперь скажешь?

На монаршем лице отразилась решимость:

— Надо найти Каллистру и покончить с этим.

— Вот это другой разговор.

Глаза Джеремии загорелись, точно его осенила внезапная догадка:

— Я, кажется, знаю, куда мы направимся. Сейчас прямо там окажемся.

Настал черед Гектора удивиться — только на этот раз.

— И где же это? Просвети меня, не сочти за труд.

— Это в другой башне.

— Ты хочешь вернуться в «Вечный залог»?

Но там ничего нет!

Но Джеремия имел в виду другое.

— Как ты думаешь, откуда лучше всего виден город? Весь город?

Гектор не ответил, но на губах его теперь играла улыбка. Негр кивнул и жестом дал понять Джеремии, что тот может исполнять свое колдовство.

Джеремия так и сделал.

— Проклятие! — Король Серых и его спутник отчаянно пытались устоять на ногах, по-

скольку пол под ними внезапно накренился и начал раскачиваться. Гектор успел ухватиться за перила ограждения, Джереми же поскользнулся и врезался в стеклянную панель. Судорожно сжав подвернувшийся под руку поручень, он принялся лихорадочно соображать, куда их занесло и откуда весь этот хаос.

В те дни, когда верхушка Сирс-тауэр не была окутана облаками, отсюда, со смотровой площадки, открывался ни с чем не сравнимый вид. Весь Чикаго был как на ладони — от северных до южных окраин, от западных пригородов до протяженной береговой линии озера Мичиган. Даже Джереми иногда поднимался сюда, чтобы полюбоваться величественной панорамой. Смотровая площадка была идеальным местом, если требовалось рассмотреть какой-нибудь конкретный район столицы Среднего Запада. Необходимо было лишь привыкнуть к тому, что небоскреб слегка раскачивался.

Так обстояло дело в реальном мире. По всей видимости, в царстве Серых термин «слегка» имел совсем другой смысл.

Подобно брандспойту, вырвавшемуся под бешеным напором воды из рук пожарного, стеклянно-стальное здание небоскреба тряслось и извивалось, точно в пляске святого Витта. Уже не раз, глазами призрака глядя на высотные дома, Джереми задавался вопросом: а что если они и в самом деле такие? Он допускал, что, возможно, все дело в законах перспективы. Он

не раз отмечал, что в уходящих вдаль или внезапно отвесно падавших вниз улицах есть нечто сюрреалистическое — но не до такой же степени. Они с Гектором рисковали сверзиться с самого высокого в мире здания. На то, что их постоянно швыряло на толстые стеклянные панели ограждения, они уже не обращали внимания.

Если до сих пор у Джереми и возникали сомнения относительно того, а стоит ли ему отказываться от королевского трона, сейчас эти сомнения рассыпались в прах. Такая же участь — выпусти он на секунду из рук поручень ограждения — угрожала постичь и его брренное тело.

— Джереми! — крикнул со своего места Гектор. Он стоял, обхватив обеими руками перила, и, казалось, владел ситуацией куда лучше, чем это удавалось его поводырю. — Джереми! Сделай же что-нибудь!

Легко сказать. Может, Джереми и мог бы что-нибудь сделать, но трудно было сосредоточиться. Он быстро открыл, что, когда тебя снова и снова прикладывает о стеклянную панель, это не способствует работе мысли.

— Ты ведь часть этого мира, старина! Ты король всего, что пред тобой! Отрегулируй картинку! Дай ей новую перспективу!

Половина слов Гектора была так же непонятна, как речь ворона в самом его Сером стиле. И все же Джереми понял, чего тот от него добивается. Он был якорем. Он пришел дать ус-

тойчивость миру снов. Он здесь не только ради Серых, но и ради всего их мира.

«Может, мне удастся улучшить ситуацию...» — Он даже не поморщился от этого штампа, потому что уже его разум работал над угрозой. — «Такого не должно быть, — твердил он про себя. — На Сирс-тауэр такого не должно быть. Здание устойчиво, только чуть-чуть колеблется. В безопасных пределах, а не как на качелях!»

Амплитуда колебаний уменьшилась. Джереми сумел как-то закрепиться и прекратить постоянные удары о стеклянные панели. Пол постепенно занял горизонтальное положение. Все еще боясь поверить в успех, Джереми не позволял себе отвлекаться, упорно продолжая представлять небоскреб таким, каким ему положено быть.

«Устойчив. Только слегка покачивается».

Он подумал, почему во время своих путешествий по офису ни разу не заметил этой свирепой тряски. Не найдя удовлетворительного объяснения, Джереми списал это явление на счет обычной для царства теней непоследовательности. Сейчас он придерживался мнения, что единственное, в чем Серые последовательны, — это языковые штампы и намерение как можно сильнее осложнить жизнь Джереми Тодтманна.

Он все еще стоял, судорожно вцепившись в перила, когда на плечо ему легла тяжелая ладонь и Гектор радостно заявил:

— Отлично сработано, старина! Теперь ты видишь, что можешь, если захочешь?

— Это была твоя идея, — сказал Джеремиа, наконец позволив себе разжать онемевшие ладони. Гектор, благодаря своей сообразительности, уже не в первый раз спасал их от трагической развязки. А сам Джеремиа только и сделал, что наобум бросил их на эти качели, что чуть не кончилось катастрофой. Окажись на его месте Гектор, все вышло бы куда спокойнее. Гектор умел думать в критических ситуациях, чему Джеремии, очевидно, еще надо было научиться.

— Ну хорошо. Теперь, когда все, так сказать, устаканилось, пора заняться твоей подружкой... гм-м... так все-таки что же мы ищем?

Действительно, что же они искали? Джеремиа не знал. Загадочное место, окутанное глубокими тенями? Былая надежда найти его теперь казалась ему наивной. Неужели он в самом деле считал, что найти Каллистру будет так просто? Он задумчиво подошел к стеклянной панели на противоположной стороне площадки.

— Ума не приложу, Гектор. Что-нибудь необычное... даже для этого места.

— Я вижу, ты не особенно в это веришь?

— Нет, — проямлил он. — Нет особых причин надеяться.

Вперив взгляд в раскинувшийся под ним город, Джеремиа подумал о пресловутой иглке в стоге сена. А что он ожидал отсюда увидеть? Яркий неоновый указатель?

Внезапно до его слуха донесся свист Гектора.

— Ищите и обряцете! Старик, дуй сюда!

— Что-то нашел? — Джереми оставалось лишь удивляться удачливости его чернокожего друга. Тот, должно быть, имел орлиный глаз.

Когда Джереми подошел к Гектору, тот пристально вглядывался в городской силуэт. Указав рукой куда-то направо, он спросил:

— Похоже на то, что ты ищешь?

Черное пятно закрывало почти целый квартал. Оно не было неподвижным; похожее на гигантскую амебу, оно шевелилось и постепенно поглощало ближайшие окрестности. Нечто подобное Джереми уже видел.

— Боюсь, что да.

Они отошли в сторону. Тодтманн вдруг испугался, что тень каким-то образом их обнаружит. Гектор же был более поражен, чем напуган тем зрелищем, свидетелем которого он только что стал.

— Так вот что ты имел в виду, когда рассказывал о глубоких и голодных тенях?

— Гектор, ты можешь остаться. — Джереми попытался сосредоточиться на том, что ждало его впереди. — Поверь мне, у меня с этим не возникнет проблем.

— Зато у меня возникнут. — С этими словами чернокожий протянул ему руку.

Джереми пожал ее и благодарно кивнул. Конечно, ему хотелось, чтобы рядом был так быстро реагирующий и соображающий Гектор, но он решил, что, если надо будет, отправит его куда-нибудь подальше. Что бы там ни говорил

Гектор, а Джеремиа и так подверг его большей опасности, чем имел право. С этим кошмаром он должен справиться сам.

Путешествие к окутанному тенью кварталу совершилось на удивление легко. Когда неразлучная парочка материализовалась на улице, Джеремиа с удовлетворением отметил, что освоил по крайней мере одно из искусств, которыми должен владеть король Серых. О других он пока мало что знал, а потому не мог и практиковаться. Арос Агвилана так и не рассказал ему всего, очевидно, из боязни потерять контроль над ним.

Квартал был залит слоем скользкой, лоснящейся тьмы. Джеремиа представил себе нефтяной танкер — летающий танкер, потому что в мире грез возможно все, — который, точно на мель, налетел на шпиль радиомачты на крыше небоскреба. Танкеру наконец удастся соскочить со шпиля, но в брюхе у него зияет дыра, сквозь которую на город льются потоки черного золота. Такие картины рисовало воображение Джеремиа, когда он смотрел на этот странный квартал — кусок города, залитый нефтью.

Каллистра, скорее всего, была где-то там.

Подойдя ближе, Джеремиа понял, что это не одна массивная тень, а скорее множество теней, которые накладывались одна на другую. *Полчище черных муравьев, облепивших тушу мертвого животного...* Тени, похоже, не замечали своих новых соплеменников; это могло означать,

что щит, который создал Джеремиа, по-прежнему действовал. Джеремиа почувствовал легкий прилив гордости, однако тут же напомнил себе, что, если бы не советы Гектора, ничего бы у него не вышло.

Не успели они сделать и двух шагов, как из какой-то темной подворотни на улицу вывернул автомобиль и, зловеще сигналив фарами, покати́л по направлению к ним. Джеремиа не обратил бы на него внимания (он уже привык к тому, что реальные люди его не видят), однако что-то в этом авто привлекло его внимание. Это был старый, очень старый автомобиль; он точно съехал прямо с экрана черно-белого фильма... *о гангстерах.*

Нет... он не хотел даже думать об этом. Это было невозможно.

Из заднего окна высунулась голова в мягкой шляпе и «томми»*, легенда Бурных Двадцатых, и эта легенда смотрела прямо на Джеремию.

Чикаго был городом политиков, «мясного» капитала и спортивной меккой, но еще он был родным домом для таких известных личностей, как Джонни Торрио, Дайон О'Баннион и Аль Капоне, «Человек со шрамом». Каждый, кто хоть немного знаком с историей города — в том числе Джеремиа Тодтманн, — не может не подумать о

* пистолет-пулемет Томпсона, оружие времен первой мировой войны, созданное оружейником Дж. Томпсоном, широко использовалось гангстерами во времена «сухого закона». — *Примеч. пер.*

Чикаго и не вспомнить тут же времена «сухого закона» и гангстерские войны. Для многих Чикаго до сих пор остался городом Большого Ала.

Почему, естественно, эти Серые и имели такое обличье.

А это и в самом деле были Серые, а не просто воспоминания, оживленные присутствием Джереми. Серые, хотя тоже были целиком теньями, обладали большей субстанциальностью и независимостью, чем духи прошлого. Эти тени искали что-то конкретное, и этим конкретным мог быть только беглый король.

Несмотря на все усилия сохранить спокойствие, Джеремию захлестнуло волнение. Старомодный лимузин подъезжал все ближе, и он машинально пятился, отступая от края дороги. Гектор, стоявший на противоположной стороне улицы, отчаянно махал руками, показывая, чтобы он не двигался с места. Однако Джереми ничего не мог с собой поделаться — ноги сами несли его к ближайшему переулку. На его счастье, темные фигуры в машине, очевидно, не замечали его присутствия. Они все время озирались по сторонам, и на лицах, полускрытых полями шляп, виднелся совершенно киношный оскал. Ни у кого из них не было своего лица; это были просто воплощенные легенды о гангстерах и бутлегерах, не о ком-нибудь конкретном. И все же у Джереми мелькнула мысль: а сам Аль Капоне тоже сейчас в городе?

Автомобиль медленно проехал мимо. Тодтманн с облегчением вздохнул, но из предос-

торожности остался на месте, на тот случай, если на улице вдруг появилась бы еще одна поисковая группа. Щит действовал, но все же рисковать без нужды ему не хотелось. Он хотел быть начеку — вдруг появится очередная машина или очередное... *что бы то ни было.*

Но больше ничего не материализовалось. Призрачный автомобиль тащился как черепаха — к сожалению, потому что Джереми не хотел двигаться, пока машина не скроется из виду. Он буравил авто глазами, пытаясь заставить его ехать побыстрее.

И тут краем глаза он заметил какую-то фигуру. То, что он увидел, было достаточно, чтобы тут же забыть о машине.

Это была Каллистра, исчезающая за углом дома. Джереми открыл рот, чтобы окликнуть ее, но она уже скрылась. Почему-то он был уверен, что успел уловить на ее лице выражение страха и безнадежности. Испугавшись, что снова потеряет свою бледную фею, он бросился вдогонку.

— Джереми! — крикнул Гектор.

Визг протекторов резко повернувшей машины.

Джереми оглянулся и к ужасу своему увидел, что машина развернулась и теперь неумолимо приближается, постепенно набирая скорость. Интересно, почему они не телепортировались к нему, а положились на скорость призрачного автомобиля. Возможно, ограничения, которые накладывала на них форма, были сильнее, чем полагал Джереми.

Слабое утешение.

Разрываясь между желанием погнаться за Каллистрой и желанием укрепить отказавший щит, Джереми сначала заколебался. Он еще не понял, почему решение бежать за Каллистрой разрушило щит и привлекло к нему столь нежелательное внимание. Опять нелогичность мира Серых сунула его в львиный ров.

Отбросив к чертям осторожность, Джереми устремился к углу, на котором он последний раз видел Каллистру. Гектор звал его, но кандидат в короли не слышал его воплей. Он был уверен, что, пока Серые видят его, они не обратят внимания на Гектора. Пока корона была у Джереми, Гектор не значил ничего.

Разумеется, машина бросилась ему наперехват. Джереми первым достиг угла, но расстояние между ним и преследователями стремительно сокращалось. Он знал, что в любой момент может телепортироваться, но боялся, что тогда окончательно потеряет след Каллистры. Этого он допустить не мог, не мог снова потерять ее.

Тут он услышал, что сзади его догоняет кто-то еще. Пешком. Обернувшись, он увидел Гектора, который уже почти поравнялся с ним.

— Гектор, ты вне игры! — задыхаясь, произнес Джереми. Ему все труднее становилось уследить сразу за всем происходящим: Каллистра, преследовавшие его призраки, теперь еще и Гектор. — Уходи, они тебя не тронут!

Учитывая ситуацию, в которой они очутились, улыбка на лице Гектора казалась совершенно неуместной.

— Один за всех и все за одного, Джеремя! Хочешь ты того или нет, я прилип к тебе как банный лист!

Джеремя, про себя чертыхнувшись, сдался. Ему и без Гектора забот хватало. Каллистры нигде не было видно, и у него закралось подозрение, что она перенеслась в другое место.

Нет, вот она! На сей раз черноволосая фея ждала на автобусной остановке. В сумрачном освещении трудно было разобрать ее черты. К тому же она находилась от него в двух-трех кварталах — слишком далеко для человека, за которым гонятся призрачные автомобили и неземные гангстеры. Решив, что сохранять конспирацию больше незачем, Джеремя окликнул ее.

Каллистра обернулась на звук его голоса, но как только их взгляды встретились, улица внезапно взметнулась волной. Поле зрения заполнили асфальт и бетон. Улица стремительно взмыла к небу, увлекая его с собой. Где-то внизу кричал Гектор, однако ответить ему злополучный монарх не мог, даже если бы захотел. Кое-как оседлав подхватившую его безумную волну, он лихорадочно искал взором Каллистру. Но та бесследно исчезла. Отчаянию его — так же как и страху — не было предела. Ведь она видела его — он был в этом уверен.

Занятый этими мыслями, Джереми не заметил, как волна начала стремительно падать и он окончательно потерял равновесие. Джереми кубарем покатился вниз. В голове у него творился такой хаос, что он был не в состоянии восстановить в памяти свои действия на крыше взбесившегося небоскреба. До его слуха вновь донесся крик Гектора, но очень издалека. Машины-призрака видно не было — видимо, даже умению Серых есть границы. Он уже решил, что они отказались от преследования, но в следующее мгновение увидел их. Они шли пешком по двое по каждой стороне улицы. У двоих в руках были все те же печально знаменитые автоматы, еще у двоих пистолеты. Джереми вовсе не хотелось выяснять, входило в их намерения применять оружие или нет.

Ответ пришел сам собой. Тот, что шел впереди, вскинул свою «чикагскую скрипку» и нажал на спусковой крючок, пустив смертельный рой на фут над головой цели. Джереми не составило труда понять, что это предупредительный выстрел. Им не нужно было его тело; им нужен был он. Однако их предупреждение возымело обратный эффект, послужив для него необходимым толчком. Раз Серые хотят его захватить, пусть потрудятся за свои деньги.

Очень скоро он обнаружил, что они вполне согласны трудиться. Все крышки канализационных люков впереди внезапно взлетели в воздух и рухнули чугуном ливнем. Из открытых люков на

улицу высыпала орда огромных рептилий... аллигаторов. Джереми метнулся в какой-то переулок, но толпа голодных красных глаз заставила его остановиться. Крысы размером с небольшую собаку хлынули не только из выбранного им переулочка, но из *всех* переулков сразу.

Джереми попятился от крыс и аллигаторов, и тут же машина с ревом полетела к нему. Сначала он подумал, что это его преследователи, но сразу увидел желтый цвет машины и табличку на крыше. Такси. Не призрак, а обыкновенное городское такси. Не замечая хаоса, машина спокойно ехала по ходящей волнами улице. Аллигаторы и не думали уступать дорогу, и машина уверенно проезжала сквозь них, не причиняя им никакого вреда. Это лишний раз напомнило Джереми, что все это — его личный кошмар; весь остальной мир просто этого не замечал.

Все пути к отступлению были отрезаны. Легионы призрачных тварей обложили его со всех сторон. Тодтманн потерял и способность концентрироваться, и веру в то, что может обеспечить себе эффективную защиту. Оставалась единственная надежда — попробовать перенестись куда-нибудь, пусть даже снова к себе в контору.

Впрочем, не обязательно в контору. Джереми вдруг осенило; он вспомнил об одном месте, которое использовали сами Серые, но сейчас их скорее всего там не было.

Не успел он подумать об этом, как вздыбленная улица сменилась рядами пустых витрин.

Это была та самая лавка, где он однажды пытался выпить кофе и позвонить по телефону. Ни самого кафе, ни его странного хозяина, похожего на героев Лона Чейни-младшего*, как не бывало. Лавка, как и следовало ожидать, была закрыта. В кои-то веки Джереми оказался прав: Серые не подумали о том, чтобы выставить здесь наблюдение. Здесь они его не ждали. Наконец-то ему удалось перехитрить их.

Удовлетворение сменилось угрызениями совести: теперь он потерял не только Каллистру, но и Гектора. Возможно, обоим теперь приходилось расплачиваться за желание помочь ему... а ведь Гектор — человек. Он мог умереть, если бы призраки так решили. Оставалось надеяться, что Гектор сможет использовать свои собственные — хоть и ограниченные — способности перемещаться в пространстве.

«И все-таки я должен найти его».

Что бы ни значила для него Каллистра, следовало признать, что самая большая опасность угрожает именно Гектору.

«Все возвращается на круги своя! Положение хуже некуда!»

Где теперь искать его товарища по несчастью, он не знал.

Оказавшись внутри, Джереми принялся нервно рассказывать по помещению, ломая голову

* американский киноактер (1883—1930). — *Примеч. пер.*

над очередной проблемой. Он уже начинал сожалеть о том, что кафе больше не было. Дорого бы он заплатил за глоток свежего кофе. Но здесь он был бессилен что-либо предпринять; ему оставалось только радоваться, что он по крайней мере наконец в безопасности.

— Да уж, — пробормотал он, прислоняясь к стене и глядя на улицу, — я-то в безопасности, зато другие за меня отдуваются.

Джеремиа переступил с ноги на ногу, и тут взгляд его упал на пустую банку из-под пива, должно быть, оставленную кем-то из рабочих. Он вдруг почувствовал приступ раздражения. Джеремиа выпрямился и, размахнувшись, что было сил наподдал по банке ногой. Нога прошла насквозь, но в то же самое время какая-то тень промелькнула по комнате. Джеремиа подумал, что банка сейчас звякнет, ударившись о противоположную стену, но она, не долетев, растаяла в воздухе. Джеремиа чертыхнулся. Как следует отфутболить воспоминание о пустой банке — он и на это был неспособен. Впрочем, может, это было и к лучшему. Джеремиа вдруг представил, сколько шуму наделала бы жестянка, ударившись о стену.

«Чуть не вляпался», — сказал он сам себе.

Насколько правильной была эта мысль, он убедился, когда поднял голову и увидел эльфа, который стоял по ту сторону витрины и пристально его рассматривал.

Не успел он охнуть, как почувствовал на плече чью-то ладонь. Она с такой силой стискивала

его плечо, что кости, казалось, вот-вот затрещат. Тем не менее Джеремия попытался перенестись куда-нибудь в другое место, но тщетно — у него никак не получалось сконцентрироваться.

Теперь эльф стоял прямо перед ним... Джеремия — при желании — мог дотронуться до него рукой. Это был один из тех двоих, которые стерегли Джеремию возле его дома. Гораздо выше его, эльф походил на патриция; он напомнил Джеремии античные статуи с той лишь разницей, что в мраморе все же чувствовалось тепло, от этого же веяло смертным холодом. Даже совершенная фигура и идеальные черты лица не могли сделать из него человека.

У эльфа были длинные, цвета слоновой кости, волосы, тронутые — почему-то зеленоватой — сединой. Он держался с королевским достоинством; Джеремия машинально подумал, что никогда не смог бы симитировать его осанку. Эльф взирал на тщедушного человечка одновременно с любопытством и плохо скрываемым презрением.

— Вы наш гость, Ваше Величество, — наконец изрек он.

Джеремия понуро кивнул.

— Вы отправите меня прямо к Аросу?

Лишь на миг выразилось чувство на мягком царственном лице. Потом эльф улыбнулся, обнажив прекрасные зубы. Идеальные зубы хищника, как у Ароса.

— Ты, должно быть, не понял меня, смертный. Наверное, правильней сказать, что ты *мой* гость — отныне и навеки.

Хотя и не связанная и не под охраной, Каллистра все же была узником. Мрачная земля, по которой она шла, не принадлежала к известному ей царству снов. И земля эта не была обширной, поскольку, по ее подсчетам, она обошла ее всего за тысячу шагов. Каллистра это поняла, когда, пройдя тысячу шагов, обнаружила, что пришла туда, где уже была. И куда бы она ни шла, в конце концов оказывалась именно здесь.

— Приятного путешествия! — злорадно усмехнулся ворон, оставляя ее одну. Уже тогда Каллистре следовало бы понять, что ворон приготовил для нее что-то особенное.

Гнев не был чувством, хорошо ей знакомым. Он дал о себе знать, когда Каллистра обнаружила, что призрачная Мэрилин Монро побывала в опочивальне Джереми. И вот теперь в ней снова говорил гнев, но она достаточно хорошо понимала, что, если в небольших дозах это чувство может быть оправданно, то отдаваться ему целиком было опасно — гнев лишал способности рассуждать здраво. Этого она допустить не могла. Если из этой темницы и существовал выход, то найти его можно было, лишь полагаясь на разум. Мыслительный процесс давался Серым непросто; по натуре они были более склонны просто реагировать на то, что их

окружало. Инициатива встречалась редко. Большинству Серых было достаточно обрести форму и субстанцию, и они с радостью принимали и личность, которой требовала форма, какие бы ограничения это ни накладывало. Псевдо-Мэрилин была из их числа.

Каллистра своей индивидуальностью была обязана Аросу и Джереми. Арос использовал ее исключительно в собственных целях. Другое дело Джереми. Он изменил ее, потому что она была ему небезразлична.

«Но сейчас я бы хотела, чтобы рядом был ты, вампир!»

Ей нравился этот смертный, и она бы даже готова была сказать, что любит его, будь она уверена, что то состояние опустошенности, которое охватывало ее, когда его не было рядом, и было любовью. Однако в ее теперешнем положении ей нужен был Арос с его силой и коварством.

Ей необходимо выбраться из этого гиблого места. Ни Арос, ни Джереми не представляли масштаба затеянной вороном интриги. Даже сама Каллистра толком не знала, на что он способен.

«Я хожу по своим следам», — подумала она, увидев, что в очередной раз вернулась в исходную точку. Будучи призраком, Каллистра практически не расходовала энергии, а потому, обдумывая план побега, продолжала ходить. Хожение служило и другой цели. Каждый раз, обходя замкнутый круг, она внимательно смот-

рела по сторонам, надеясь вопреки ожиданию найти хоть какую-то зацепку. Пока, однако, надежды ее не спешили сбываться.

«Джеремя, что с тобой? Дома ли ты, цел ли ты?» — И на эти вопросы она не могла ответить, пока не будет на свободе.

В окружавшем ее однообразии вдруг появилось нечто новое. Местность стала круто забирать вверх. Каллистра окинула взглядом простирившийся перед ней и уходивший куда-то ввысь маршрут — для этого ей пришлось закинуть голову назад. Подозрения ее подтвердились — тропа тянулась прямо у нее над головой. Плоская, как тарелка, равнина внезапно превратилась в колесо, в котором ей отводилась роль белки, которая вечно спешит и вечно остается на одном месте. Птице и здесь не изменило чувство юмора.

Каллистра уже решила, что *не будет* больше ходить, как заметила что-то краем глаза. Она повернулась, но ничего не увидела. Сама не зная почему, она вспомнила о том приземистом существе, с которым Арос имел обыкновение беседовать время от времени и которому Джеремя даровал имя. Отто. Странно — как он мог здесь оказаться?

«Все это штучки ворона», — сказала она себе. Каллистра приняла решение. Она не двинется с места. Не будет гоняться за видениями и бегать по кругу.

Колесо, в которое она была заключена, начало быстро вращаться. Если Каллистра реши-

ла, что ей отведена роль белки, то горько ошиблась. Ворон хочет прогнать ее через сложную серию изменений. Она обнаружила, что не в состоянии устоять на одном месте, поскольку поверхность у нее под ногами становилась чертовски скользкой, если она задерживалась хоть на секунду. Чтобы остаться там, где она была, ей приходилось бежать. Единственным утешением служило то, что она по-прежнему сохранила способность приспособливать свою одежду и обувь к насущным нуждам. В данный момент на ней оказалось что-то более подходящее для бега, нежели сапоги на высоком каблуке и длинная юбка, которую она надела для Джереми.

Темп нарастал крещендо. Тропа к тому же начала бестолково извиваться. Это место — хотя им было бы трудно удивить Серого — было явно придумано, чтобы вывести Каллистру из равновесия. Каллистра была привязана к земле, как любой человек, может быть, даже больше.

«Если бы я только была человеком...»

Тогда не только осуществилась бы ее мечта и рухнула стена, разделявшая ее и Джеремию. Будь она человеком, она могла бы влиять на мир теней, возможно, влиять достаточно, чтобы самой вырваться на свободу. Впрочем, она знала, что мечте ее не суждено было сбыться. Арос намекнул ей о возможности достижения человеческой сущности только с одной целью — он хотел, чтобы она в его интересах манипулировала Джеремией Тодтманном.

Тропа резко метнулась в сторону, и Каллистра едва не покатила кубарем. Только страх, что она больше не сможет встать на ноги, не дал ей упасть. В противном случае она была бы обречена кувыраться до тех пор, пока ворону угодно, чтобы она страдала... а ему было бы угодно — наивно думать иначе. Слово «милосердие» в его лексиконе не значилось.

«Я должна выбраться отсюда!»

Но сколько бы она ни твердила про себя это заклинание, подходящего плана в ее голове не рождалось. Все они не годились для той постоянно меняющейся западни, в которую она попала.

Очередной каприз тропы застал ее врасплох, но она вовремя успела удержать равновесие. Неужели ей придется мчаться по этому порочному кругу вечно? Очевидно, черная птица решила использовать ее как заложницу в своей борьбе с Джеремией...

«Нет! Он на свободе! Он должен был спастись!»

В противном случае положение его безнадежно; он еще недостаточно хорошо понимал ее мир, а уж ворон постарается, чтобы он не узнал лишнего. По щеке ее скатилась слеза, но Каллистра не поверила, полагая, что Серым не дано проливать настоящие слезы хотя бы потому, что сами они были ненастоящие.

Дорожка выпрямилась столь же внезапно, сколь внезапными были до тех пор все ее причуды и выверты. Она уже не извивалась, и Кал-

листра наконец перешла на шаг. Она нахмурилась. Если идти ей стало легче, не значит ли это, что впереди ее подстерегает новое, еще более страшное испытание? Каллистра нервно озиралась, опасаясь, что неведомое — что бы оно ни было — вновь навалится внезапно и она окажется не готова к встрече с ним. Время от времени она собиралась с духом и оглядывалась назад, однако на глаза ей не попадалось ничего такого, от чего могла исходить угроза.

Дорога продолжала выпрямляться, и наконец там, где был замкнутый круг, снова образовалась равнина. Идти по-прежнему было скользко, но уже не настолько, чтобы постоянно думать о том, как избежать падения. Каллистра с тревогой думала о происходивших на ее глазах переменах. Чем дольше она шла, тем больше укреплялась в мысли, что пернатое чудовище задумало что-то ужасное. Но вместе с тем в душе ее снова начинала теплиться надежда. Что если власть короля, которой был наделен Джеремя, начала действовать на нее? Что если он нуждается в ней — или в ее помощи — и сила его желания настолько велика, что простирается даже в эти пределы, стараясь освободить ее?

Каллистре было неизвестно, как действует эльфийское заклинание. Она лишь знала, что оно изменчиво и непостоянно, что оно меняет обличье, вступая в контакт с тем смертным, которого оно призвано обнаружить. Арос говорил о заклинании как о некоей сущности, живущей

собственной жизнью. Получалось, что это тоже своего рода фантом, как и все они. Возможно, заклинание реагирует на Джеремию так же, как реагирует на него обычный Серый.

Вдруг ей все-таки удастся спастись? Каллистри прибавила шагу.

Сами по себе решетки еще не делают тюрьму, хотя нельзя отрицать, что часто они в этом очень помогают. Ворота в реальном мире ничего не значат для Серых, но эти ворота были продуктом глубокого и мрачного воображения черной птицы, а потому сердце Каллистры, или его Серое изображение, сжалось от страха, когда они появились. Первой ее мыслью было, что это западня. Ворон дразнит се, чтобы разбить возникшую надежду, когда она достигнет пика.

Однако, внимательно взглядевшись в барьер с того места, где она остановилась, Каллистри не обнаружила угрозы. Ворота даже нельзя было назвать слишком высокими. Она легко могла перелезть через них. В чем же опасность?

Ответ не заставил себя ждать. У самого основания ворот шевелилась крохотная тень. Ее размеры не могли ввести Каллистру в заблуждение; она хорошо знала, что может таиться за внешним тщедушием присных ворона. Тень не обязана быть большой, ей достаточно быть голодной... а слуги дьявольской сороки всегда такими были.

Насколько она знала, Серый не может умереть в буквальном смысле этого слова, но может быть поглощен или ассимилирован. Каллистри полага-

ла, что такая судьба вполне может служить определением смерти. Ей вовсе не хотелось стать частью призрака, охранявшего ворота, ей не хотелось быть вечно голодной. Ей вполне хватало голода по жизни, для нее запретной.

Тень медленно скользнула вдоль ворот. Слуги ее тюремщика не отличались интеллектом. Они влачили жалкое существование, подчиняясь одному чудовищному инстинкту. Если они и пытались вообразить себя существами, наделенными разумом, это было не более чем маскарадом, фальшивым фасадом, воздвигнутым их хозяином, чтобы скрыть их истинную убогую сущность. Их деятельность ограничивалась неукоснительным исполнением его команд.

Спасение так близко! На сей раз Каллистра не спешила расстаться с надеждой, даже несмотря на присутствие черного стражника. Если бы только ей удалось ввести его в заблуждение, она преодолела бы ворота и вырвалась на свободу.

«Просите, и дастся вам», — подумала она, пристально вглядываясь в смутный силуэт, который как раз в тот момент возник по ту сторону ворот. Это была самая заурядная ходячая тень, почти прозрачная, ускользавшая от глаз. Не более чем сгусток сна, не обремененный сознанием. Рядом с ней часовой на воротах казался гением, сравнимым с величайшими умами человеческой цивилизации. Только два обстоятельства позволяли отнести эту ходячую тень к высшему виду Серых. Во-первых, она была спо-

собна эволюционировать, тогда как присным ворона суждено было вечно оставаться черными дырами отчаяния, темными алчными мыслями, которым не дано стать реальностью.

Вторым и не менее важным отличием была скорость. Маленькая тень отличалась необыкновенным проворством. Меж тем гонимая извечным неутолимим голодом тень часового начала двигаться по направлению к ходячей тени. К удивлению Каллистры, потенциальная жертва не спешила раствориться в воздухе, а просто устремилась прочь со скоростью, лишь едва превышавшей скорость стражника. Алчное черное пятно попыталось сократить разрыв. Оно выбросило вперед длинные щупальца, но тщетно.

При виде того, как ненасытная извечная жажда заставляет призрачного привратника, забыв об инструкциях, гоняться за пришельцем, Каллистра подумала, что появление последнего вряд ли было случайным. Тень материализовалась в этом месте намеренно, желая отвлечь внимание черного стража ворот, с тем чтобы дать Каллистре возможность незаметно скрыться.

— Джеремя... — помимо воли сорвалось с ее губ, однако страж ничего не услышал.

Только Джеремя мог отправить сюда этого гонца. Каллистра не знала больше никого, кому она была бы настолько безразлична, чтобы этот кто-то беспокоился о ее участи. Она изменила Аросу, единственному, кто еще мог нуждаться в ее услугах, и он, скорее всего, не стал

бы расходовать ради нее свою драгоценную энергию, даже если бы знал, где она.

Текущий страж, точно загипнотизированный, продолжал погоню. «Теперь или никогда!» — решила Каллистра, прекрасно понимая, что стоит стражнику заметить ее — ей конец. Не в состоянии перенестись через ворота мысленно, женщина-призрак бросилась бежать, положившись исключительно на силу человеческих ног. Ей вдруг показалось, что до ворот еще чертовски далеко, но она не позволила отчаянию овладеть собой. Стоит ей поверить в свои страхи, и они, преломившись в искаженном свете Серого мира, могут стать реальностью. Одна неверная мысль, и ее заветная цель могла обратиться в бесконечно далекую, недостижимую точку. Каким бы несуразным ни казался ей временами реальный мир, сейчас она с радостью приняла бы его со всеми его странностями.

До кованой решетки ворот оставалось рукой подать. Десять шагов. Восемь. Четыре шага. Два.

Каллистра протянула руку, и ворота с глухим скрипом отворились. Ураганный ветер едва не подхватил ее, но она устояла, предпочитая сама выбирать дорогу, а не полагаться на слепую стихию. Не исключено, что ветер также был гонцом Джереми, но Каллистра не хотела рисковать. Каждый шаг требовал от нее титанических усилий, и все же она наконец преодолела барьер, отделявший ее от свободы.

И здесь черное пятно почти настигло ее.

Всплеск самоуверенности едва не стоил ей существования. Уже поставив ногу за ворота, она совсем забыла, что открытые створки могут привлечь внимание привратника. Забыв об опасности, в мыслях она уже была на свободе. А за спиной у нее возникла черная тень и чуть не преуспела в захлестывании смертельной петли, которую Каллистра даже не заметила. Серую спас лишь свирепый ветер, потому что заставил ее пошатнуться и тень промахнулась.

Каллистра ахнула и, вдруг лишившись своих способностей, отдалась на волю неистовому ветру — лишь бы оказаться подальше от стража кованых ворот. Ветер усиливался, теперь это был настоящий шквал, который трепал ее как пушинку, и Каллистра уже готова была пожалеть о своем скоропалительном решении. И все-таки то, что она сделала, было не напрасно. Хотя она и вращалась, как волчок, все же время от времени ей на глаза попадались то ворота, то призрачный страж при них. Разъяренный, он пытался дотянуться до нее, но усилия его оказывались тщетными. По неведомой Каллистре причине он не мог протянуть свои щупальца больше чем на метр-полтора от ворот. Возможно, на этот раз часовой неукоснительно следовал инструкциям ворона, который специально ограничил его ареал, чтобы тот не мог отлучиться. Скорее всего, зона его ответственности вообще не простиралась дальше ворот, порожденных воображением черной птицы. Вырвавшись за

пределы досягаемости стражника, Каллистра завоевала свободу.

Правда, свобода ей представлялась не совсем так.

Она описывала круг за кругом, точно затягиваемая водоворотом, воронка которого становилась все уже и уже. Невозможно было сосредоточиться на чем-то конкретном, потому что вокруг ничего конкретного не было, если не считать ветра и призрачных ворот с их голодным часовым. Небогатый выбор. Каллистра уже испугалась, что променяла одно узилище на другое, что ее жалкие потуги лишь доставляют удовольствие ворону, который в любую минуту, презрев ветер, может появиться и забрать ее.

Тут Каллистра увидела где-то внизу — или это было вверх? — отверстие, к которому ее неужержимо влекло. И скорость ее полета — или падения? — неумолимо нарастала по мере приближения к отверстию. Отверстие расширялось, теперь оно было похоже на одного из цепных псов ворона.

Каллистра провалилась в него... и почувствовала, что к ней вдруг полностью вернулись волшебные силы. Постепенно успокоившись, Каллистра замедлила свой полет, чтобы осмотреться — не маячит ли впереди новая опасность. Ничего подозрительного она не обнаружила, зато сразу узнала место, в котором очутилась. Она снова была в Чикаго — или, вернее, над Чикаго.

Внизу виднелась крыша того самого здания, в котором в мире Серых находился клуб «Бесплодная земля».

Не успев порадоваться обретенной свободе, Каллистра с тревогой подумала о том, почему ее занесло именно сюда. Ей стало еще тревожнее, когда она телепортировала себя в помещение клуба и увидела, что он пуст. Вокруг не было ни тени.

Но нет, не совсем. За одним из столиков маячила одинокая фигура Отто. Глаза его вспыхнули, погасли, затем снова загорелись красноватым пламенем и сфокусировались на Каллистре. Обезьяноподобный молчал.

— Где все? Почему в клубе никого нет? — спросила она. Только очень серьезная причина могла заставить обитателей клуба покинуть его: в клубе они чувствовали себя не столь неприкажными.

— Идет охота. Все боятся или участвуют.

Каллистра нахмурила брови:

— Что еще за охота? Они ищут Джеремию, так?

— Он очень популярен.

— Избавь меня от твоих острот. — Каллистра перенеслась к столу и предусмотрительно заняла место напротив Отто. — Последнее время ты хорошо информирован. Ты это замечаешь?

Красноватые глазки часто заморгали, потом он снова вперился в Каллистру тяжелым взглядом.

— Я всегда таким был, Каллистра. Мне было просто трудно помнить. Трудно было помнить все. Разговор начинал ее беспокоить.

— Что ты имеешь в виду?

Словно не слыша ее вопроса, Отто изрек:

— Каллистра, ты нужна Джереми.

Джереми... Как бы ни хотелось ей узнать, что планируют другие Серые, ее мысли прежде всего занимал Джереми. Если Отто решил потягаться умом с Аросом и вороном... что ж, его право. С нее же было довольно интриг. Нет, Серые не так плохи, как люди, они хуже. Они куда более одержимы и беспокойны, чем те, чьи сны и мысли их породили.

— И где же он? Скажи мне!

— Я его люблю, Каллистра. Так много королей и ни одного имени. Так давно живу, так много забыто. Я помню эльфов. Я многое о них помню.

— Прибереги эту тарабарщину для Ароса! Если Джереми тебе друг, скажи мне, где он!

— Его взяли эльфы, Каллистра.

Обезьяноподобный был неподвижен как камень — только глаза его двигались. Казалось, им просто *необходимо* двигаться.

Эльфы?

— Он снова в лапах Ароса. — Тревога не покидала ее — она не доверяла долговязому призраку. — Где Арос мог найти его, если не здесь?

— Он не у Ароса, Каллистра. Он у эльфов.

Теперь Каллистра отлично понимала, почему Джереми Тодтманн не хотел бы оставаться

человеком-якорем, в котором так нуждались ее собраты. От бестолковых ответов Отто она так разозлилась, что при иных обстоятельствах она просто восхитилась бы своей столь человеческой реакцией.

— Это я уже слышала! Скажи же что-нибудь связанное! Как это возможно, чтобы он был не у Ароса, если он у...

Отто медленно кивнул, когда смысл ее слов до нее наконец дошел. Глаза его снова вспыхнули, затем погасли, и обезьяноподобный не добавил к своему объяснению ничего, кроме одного слова — имени:

— Оберон.

Глаза Каллистры стали под стать глазам ее собеседника, и она подумала, насколько запутаннее станет игра теперь, когда эльфы решили действовать самостоятельно. Вряд ли намного.

Обезьяноподобный буквально буравил ее взглядом, словно решение, которое она примет, определит судьбу Джереми раз и навсегда. К сожалению, так оно могло быть. В мире Серых ничего нельзя отвергнуть заранее.

— Думаю... — начала она и смешалась, не желая произносить того, что должна была произнести. Должна. Ради Джереми. — Думаю, мне надо поговорить с Аросом. Он единственный, кто может помочь.

Каллистра не стала дожидаться ответных слов Отто. Следовало как можно быстрее найти Ароса. Высокая фея тут же исчезла, нахмутив совершенной красоты лоб.

Отто часто заморгал, затем тупо уставился на освободившееся место. Неожиданно довольным голосом он изрек:

— Я хорошо помню эльфов. Эльфов и заклинание.

В сказках, которые Джереми помнил с детства, смертные, побывавшие в стране фей, возвращаясь, обнаруживали, что на Земле прошли долгие годы. Зная теперь, что эти создания на самом деле — Серые и что время здесь другое, он понимал смысл старых легенд. Прошли уже дни с того момента, когда он, ничего не подозревая, оказался в мире теней, однако все это время он мало спал и еще меньше ел. То есть он просто не мог припомнить, когда ел в последний раз. Пару раз ему предлагали выпить, что до остального... напрасно он копался в памяти, пытаясь вспомнить последнюю еду.

Однако теперь он имел возможность восполнить это упущение. Эльфы устроили в его честь банкет. Джереми боялся стать предметом насмешек, оказавшись «гвоздем программы», однако опасения его оказались напрасны. Он был почетным гостем.

Вместе с тем он оставался узником.

— Вина? — услышал он вкрадчивый голос. Подняв голову, он увидел склонившуюся над его плечом стройную девицу в облегающем газовом платье бледно-голубого цвета; в руке у нее был хрустальный графин. Джереми пока-

чал головой, предпочитая отказаться как от вина, так и от невысказанного предложения, которое он прочел в ее глазах. Даже если бы Джеремиа всерьез заинтересовался женщиной-эльфом, по сказкам он помнил, что заводить отношения с подобными особами не рекомендуется. Эльфы слыли известными шутниками, дурачившими простофиль, а Джеремиа уже чувствовал себя таковым.

С почетного места, на котором сидел Джеремиа, банкетный зал был как на ладони. Интерьеры впечатляли: мраморные колонны, увитые виноградом; золотые блюда и посуда, шикарный белый стол (кто-то из гостей сказал, что он сделан из алебастра или чего-то в этом роде); гобелены на стенах, прославлявшие подвиги и победы эльфов, главным образом — самого Оберона.

Наряды гостей в роскоши не уступали интерьерам: шелковые платья, переливавшиеся всеми цветами радуги; перстни с изумрудами, жемчужные ожерелья; усыпанные драгоценными камнями эфесы и ножны; бриллиантовые диадемы, некоторые из которых достигали фута и более в высоту, но казалось, это нисколько их не портит. Сами эльфы отличались неземной красотой, даже мужчины. Любой из них легко завоевал бы сердца — и кошельки — Голливуда и Мэдисон-авеню. Все они старались заглянуть Джеремии в глаза, заставляя его все время краснеть. Хуже всего было то, что для эльфов не

имело ровным счетом никакого значения, мужчина он или женщина. Их вкусы не знали подобных скучных ограничений. Вкусы самого Джереми, к счастью, были более консервативны.

Словом, все в этом зале — зале короля Оберона — буквально подавляло величиим и роскошью... все, кроме одного обстоятельства.

Такого крохотного банкетного зала Джереми не видел. Стены были так близко, что ему становилось не по себе. По сравнению с баром «Бесплодная земля» королевство Оберона было словно втиснуто в чулан. Притом что миру Серых было неведомо такое понятие, как физические границы, это казалось тем более странным.

Джереми опустил голову и поймал устремленный на него пристальный взгляд Оберона. Джереми потупился и сделал вид, что занят едой. Ему не хотелось привлекать к себе излишнее внимание властелина эльфов. Он боялся, что банкет кончится и ему начнут предъявлять какие-нибудь условия.

Он скоро обнаружил, что здесь эльфы и феи — это одно и то же. Оберон и его подданные были квинтэссенцией многих-многих сказок. Встречались, правда, небольшие различия между гостями и слугами, которые больше походили на героев современных детских комиксов.

Подали очередное блюдо — молочного поросенка, изо рта у него торчало яблоко. Пахло аппетитно, и Джереми, несмотря на то что

съел уже довольно много, поймал себя на том, что ему не терпится отведать и этого. Он вдруг обнаружил, что здесь, похоже, можно съесть столько, сколько душе угодно. Даже еда была здесь частью волшебной игры воображения.

Его не отпускало гнетущее чувство, что здесь должен быть кто-то еще, такой же настоящий, как он, и одновременно Серый. Однако Джереми Тодтманн никак не мог вспомнить, кто это мог быть. Если бы рядом действительно были другие человеческие существа, он наверняка бы вспомнил.

Разглядывая жареного поросенка, он краем глаза видел Оберона, который теперь разговаривал с королевой Титанией. Дважды Джереми пытался разглядеть ее и дважды не смог определить, кого она ему напоминает, хотя она, несомненно, была самой красивой из присутствовавших на банкете женщин. Рискую привлечь внимание Оберона, он еще раз попытался рассмотреть королеву Титанию. Кого же она ему напоминала? Какого-то близкого ему человека...

Он забылся — слишком долго не сводил глаз с Титании, и Оберон наконец перехватил его взгляд. Как только это произошло, все исчезло — не было больше ни королевы Титании, ни банкета. Только глаза Оберона.

«Нет! Опасность!»

Тодтманн моргнул, чтобы незаметно отвести взгляд. Лицо Оберона потемнело. В затянутой элегантной перчаткой руке Оберон держал кубок с

вином. Воздев руку, он с силой ударил основанием золотого кубка по алебастровой поверхности стола, грозя разнести его вдребезги.

— Пир кончается.

Остальные эльфы как по команде прекратили пить и жевать, синхронно отодвинули стулья, вышли из-за стола и, образовав идеальную колонну по два, удалились. Слуги так быстро убрали со стола, что казалось, все исчезло само собой. За столом остались лишь Оберон и Титания.

— Моя дражайшая супруга не имеет ничего против того, чтобы время от времени иметь связь с человеком. Особенно с человеком твоего королевского положения.

Не успел он опомниться от столь неожиданного заявления, как заговорила Титания голосом музыкальным, как мелодия весны:

— Есть и другие, если ты предпочитаешь разнообразие. Все же надеюсь, что ты не забудешь обо мне.

«Не смотри им в глаза!» — напомнил себе Джереми. Именно так в сказках и фильмах они ловят смертных... или это вампиры? Джереми решил, что это почти одно и то же: Оберон был очень похож на графа Дракулу.

— Благодарю вас... за весьма щедрое предложение... только... только давайте как-нибудь в другой раз.

— Разумеется, — сказала королева фей, и звук ее голоса заставил Джеремию поежиться. В душе Джеремиа готов был принять ее предложение —

да и какой мужчина на его месте не хотел бы этого? — однако сознание, кто перед ним, внушало опасения. Джеремиа мучительно пытался вспомнить, кого же она ему напоминает, кого-то, кто так много значил для него. Кого-то...

Каллистра! Он до боли стиснул ладони, и это, пожалуй, было единственным, что могло бы выдать охватившие его чувства, однако он держал руки под столом и никто ничего не заметил. Джеремиа знал, что сейчас должен быть настороже, как никогда. Хотя он и считал, что способен противостоять их воле, эльфам удавалось манипулировать его сознанием. Они действовали постепенно, шаг за шагом, заставляя его забывать об одном и думать о другом. Каллистра была не единственным его воспоминанием, которое эльфы старались стереть из его памяти; он все еще помнил какого-то человека, мужчину, который был с ним в мире теплей, только вот имя... имя постоянно ускользало.

Кроме того, Джеремиа вспомнил лицо Оберона, каким оно было, когда тот со своим спутником настигли его в пустой лавке. Помнил он и слова Оберона о том, что смертный будет его гостем отныне и навеки.

«Вот я и сижу здесь, на пиру, устроенном в мою честь!»

Несомненно, все подстроено Обероном. Впрочем, какой толк от того, что он это знает? Ощущая на себе пристальный взгляд Оберона, Джеремиа не мог ускользнуть отсюда, иначе давно бы уже перенесся обратно в лавку.

— Как пожелаешь, — сказала Титания, когда он отказался от ее очень щедрого предложения. — И я буду ждать, пока ты пожелаешь.

Ее слова заставили Оберона улыбнуться, но улыбка была недобрая.

— Пора поговорить о другом, смертный. О том, чтобы уничтожить птицу и Ароса, это пугало, и вернуть царству теней былую славу. О новом золотом веке, когда люди и эльфы снова будут жить в гармонии и согласии, вспоминая о сегодняшних невзгодах как о кошмарном сне.

Эльф не разделял склонности других призраков изъясняться штампованными рифмами, и вместе с тем его высокопарный, ритмический слог в чем-то казался еще большей пародией на живую речь. Джереми не удивился бы, если бы кто-то из этих двоих, Оберон или Титания, стал цитировать Шекспира.

— Мы знаем, ты бы хотел вернуться в измерение смертных, — продолжал Оберон, — но это играло бы на... когти ворону. Он будет только рад, если ты исчезнешь, тогда не будет короля, а следовательно, не будет и контроля над ним.

Оберон говорил веско, убежденно, однако Тодтманн не слишком доверял королю волшебной страны, чтобы принимать каждое его слово за чистую монету. Черная птица могла бы отпустить его еще тогда, когда они с Каллистрой были у него дома, но вместо этого ворон напал на них, заставив отказаться от намерения по-

кинуть пределы царства Серых. Нет, Оберон или ошибался, или лгал.

Первое представлялось сомнительным.

Оберон принял его молчание за выражение интереса и даже согласия и удовлетворенно кивнул:

— Ты ведь понимаешь — ворона нельзя предоставить самому себе. Вот и хорошо! Кроме того, теперь ты уже должен был понять, чего стоит слово Агвиланы. Говорю тебе, старый мошенник себе на уме. Не зря его называют злым гением. Его заботит только собственная слава. Он ничем не лучше ворона.

— Но ты был с ним заодно, — сбитый с толку, пробормотал Джереми.

— Это было продиктовано необходимостью. Но времена меняются, Джереми. Все течёт, все меняется. Когда-то мир был чистым и непорочным. О, и тогда существовали черные тени и злые мысли, но влияние их было ничтожно. В те дни, когда люди верили в эльфов, троллей, драконов и тому подобное, в мире царили стабильность и порядок. Из царства грез мы следили за теми, кому обязаны своим существованием, защищая их от самих себя. Хотя мы ваши дети, но и люди те же дети. Под нашим неусыпным контролем люди учились укрощать в себе зверя... и им это удавалось... почти всегда.

Вошла служанка, которая принесла три кубка и графин. Она поклонилась господину и госпоже, затем — столь же учтиво — отвесила поклон Джереми. Он вежливо кивнул ей, пой-

мав себя на том, что ему приятны такие знаки внимания.

Служанка наполнила кубки прозрачной жидкостью. Когда она поднесла кубок Оберону, тот недовольно нахмурил брови и указал в сторону Джереми. Юная фея вспыхнула — румянец странно контрастировал с изысканной бледностью ее лица — и поспешила к нему. Джереми хотел было отказаться, вспомнив, что выпил уже довольно много вина, как вдруг ощутил ужасную сухость в горле. Фея, смущенно потупив взор, поставила кубок перед ним и поспешила назад, чтобы обслужить Оберона и Титанию.

Когда служанка удалилась, Оберон поднял кубок и сделал глоток. То же самое проделала и Титания. Тодтманн рассеянно смотрел на стоявший перед ним кубок, стараясь придумать благовидный предлог, чтобы отказаться. Так ничего и не придумав, он поднял кубок и чуть-чуть пригубил. Напиток был холодным и острым, напоминая на вкус апельсиновый сок. Все же Джереми не рискнул выпить до дна.

— Мы хотели помочь людям еще больше, — продолжал Оберон. — И тогда некоторые среди нас предложили создать заклинание, которое найдет мудрого человека среди смертных и приведет его к нам, чтобы он жил среди нашего народа. Мы рассчитывали, что, благодаря нашим советам, собственному уму и способностям, которыми наделит его наше искусное

заклинание, наш человеческий собрат по роли преодолеет опасности и невзгоды, которые подстерегают человека на пути к зрелости. — С этими словами король эльфов вскинул голову и расправил плечи. Джеремя машинально едва не повторил его телодвижение. Оберон со своей королевой являли внушительное зрелище. Если она излучала красоту и желание, от него исходило ощущение силы и решимости. — Не стану обманывать тебя, смертный — мы преследовали и собственные интересы. Мир среди людей означает мир в нашем царстве.

«Мы знаем, что вам во благо», — подумал Джеремя. Ему показалась забавной разница между тем, что рассказывал ему Арос, и словами Оберона. Но последнему он не верил. Возможно, Арос тоже лгал ему, но его рассказ был ближе к истине. Тодтмайн знал, куда клонит эльф, но, поскольку плана бегства у него не было, он решил молчать в надежде на то, что ему удастся что-нибудь придумать... или объявится Арос в поисках своих пропавших союзников. Долговязый казался Джеремии более предпочтительным выбором.

— Не сомневаюсь, Арос сказал тебе о заклинании. Хоть ложь его нелепа, я знаю, что все объяснения основ нашего заклинания, возможно, были ближе к истине, чем остальной его рассказ. — Он снова глотнул из кубка; на сей раз Джеремя не последовал его примеру. — На самом деле я допускаю, что его история о том,

что отклонилось от плана, тоже лежит в границах правдоподобия. Сказать по правде, Джереми Тодтманн, никто толком не знает, что именно случилось. Известно лишь то, что с каждым последующим королем заклинание все больше и больше выходило из-под контроля. Оно выбирало смертных, которые совершенно не подходили для выполнения возложенной на них миссии. Безумцев и фанатиков. Но когда те оказывались в нашей среде, мы были уже не в силах что-либо изменить. Тьма, которую прежде нам удавалось держать в узде, разлилась. Мы стали все больше опасаться, что тьма изменит не только нас, но что она поглотит и реальный мир. — Глаза Оберона вспыхнули. — И это было началом конца того, что должно было стать Веком Гармонии!

Эти последние слова все еще звучали в ушах Джереми, когда он вдруг обнаружил, что стоит — вместе с Обероном и Титанией — на какой-то возвышенности; перед ними открывался ласкающий взор холмистый пейзаж. Светило солнце, воздух наполняло пение птиц, вдали виднелась небольшая деревушка — крыши домов были сплошь крыты соломой. Настоящий рай для живописца. Разумеется, это не было реальностью. Это была воображаемая реконструкция мира, каким его видел король эльфов. Оберон хотел, чтобы Джереми поверил в этот мир. Поняв все это, а еще то, что Оберону не удалось провести его, Тодтманн почувствовал себя увереннее.

— Вот что могло бы быть, если бы заклинание не отбилося от рук! В мире царила бы идиллия! Но вместо этого каждый король норовил все больше очернить мир, питая тьму.

Сказочный пейзаж внезапно поблек и начал дробиться. На месте лесов и зеленых холмов появились мощенные дороги и здания — искаженной формы, предвещающие недоброе. Из птиц остались одни вороны. Тот, кто не был знаком с миром теней, мог решить, что его преследует страшный кошмар. Земля пахла гнилью, а небосвод скрыли от глаз зловещие тени. Все словно вымерло — лишь крики черных птиц оглашали окрестности. Это место внушало отчаяние. Тодтманну становилось все труднее делать вил, что его это не волнует. Однако он выдержал. В этом жутком ландшафте реальности было не больше, чем в прежнем идиллическом пейзаже. Это была всего лишь очередная иллюзия Оберона.

Тодтманн старался пропускать мимо ушей слова Оберона, однако всякий раз, когда тот заговаривал о способности Джереми влиять на оба мира, слова эти впивались в него, подобно колючкам. Арос когда-то намекал ему на возможность оказывать подспудное влияние на мир Серых, однако не в том объеме, который имел в виду Оберон, пытавшийся заручиться поддержкой человека. Кто из них был прав? Неужели оба?

Впрочем, это не имело значения. Правда заключалась в том, что в обоих случаях Джереми

являлся всего лишь орудием чужой воли. Серые — точнее, Арос, ворон и Обсерон, — видели в нем способ, который позволял бы им не только обеспечить равновесие своего собственного неустойчивого мира, но и управлять мыслями и мечтами людей. Непонятно только, почему им был нужен именно он?

Обсерон излучал самодовольство и уверенность. Он, видимо, уже решил, что победил.

— Впервые мы имеем возможность повернуть время вспять! — заявил Обсерон. — Сначала придется действовать медленно, но чем шире будет распространяться наше влияние на мир снов, тем быстрее и легче будет твоя работа!

Возле самых губ Джеремии материализовался кубок, который поднесла ему изящная сливочно-белая рука. Вздвогнув от неожиданности, Джеремия увидел, что Титания теперь стоит рядом и даже одной рукой обнимает его. Ее попытки всучить ему кубок были весьма настойчивыми, и ему уже показалось, что она готова силой влить жидкость ему в глотку. Это было то же самое вино, от которого он недавно отказался. Если они таким образом пытались парализовать его волю, то это им не удалось. Не считая незначительных провалов в памяти, Джеремия соображал вполне трезво. Правда, то обстоятельство, что он все время находился в здравом уме, пока не очень помогало ему.

«Но ведь тогда, на крыше, у меня получилось... и потом, позже, я смог создать щит. Возможно, я мог бы...»

Что именно? Он не был героем. Какой бы силой его ни наделяли, он умудрялся ее утратить. Гектор — тот наверняка знал бы, как поступить в подобной ситуации. Джеремиа был уверен, что его друг давно бы вытащил его отсюда. Но почему же он сам не может?

На плечо ему легла тяжелая ладонь Оберона. Джеремиа непроизвольно поежился, что не осталось незамеченным Обероном. Кажется, этим он еще больше уронил себя в глазах властелина эльфов. Тот привлек Тодтманна к себе, освободив его, по крайней мере, на время, от искушений, которые в виде ли вина или чего-то еще предлагала ему Титания.

— Тебе предстоит миссия огромной важности, смертный. Я знаю, тебе может показаться, что это дело тебе не по плечу, однако будь уверен, я не оставлю тебя заботой.

Видимо, преисполненный самых благих намерений, Оберон весь сиял, что лишь усиливало подозрительность Джеремиа. Впрочем, король эльфов этого не видел. Джеремиа Тодтманн, хоть и был невысокого мнения о своих собственных возможностях, решил, что ни в каком случае не позволит Оберону себя использовать. Джеремиа понимал, что он замышляет: вернуться в прошлое, в те времена, когда в мире царили невежество и предрассудки, а эльфы доминировали в мире Серых и люди были более податливы их влиянию. Альтруизм едва ли входил в число достоинств Оберона, а его суждение о том, что

хорошо для человечества, сложилось явно без учета мнений людей. По Оберону выходило, что иного пути просто не существовало.

— Ты понимаешь, что должен делать, Джеремя?

Оберон наверняка не обрадовался бы, если бы знал, как понимает свой долг Джеремя. Сделав вид, что ему весьма интересно то, что говорит Оберон, Джеремя снял с плеча его руку и устремил взгляд вдаль, притворившись, что заморожен открывшимся перед ним страшным зрелищем. Эльфы молча ждали, пока он постигнет весь ужас того, что происходило на его глазах. Джеремя подошел к краю холма, на котором они стояли, и заглянул вниз. У него под ногами был отвесный обрыв, который уходил вниз на несколько сотен футов. Стараясь не выказывать страха, он наклонился еще больше, как будто хотел получше рассмотреть, что там внизу... и прыгнул.

Он постарался подавить панику и мысленно представить здание старой водонапорной башни. Возможно, это было не самое удачное место, чтобы переноситься именно туда, но оно первым пришло ему в голову. Он надеялся, что Оберон не сразу оправится от неожиданности и у него будет время, чтобы перенестись подальше, на автостоянку возле торгового центра, что неподалеку от его дома. А там... там видно будет. Каллистра и Гектор до сих пор пропадали неизвестно где, и пока Джеремя не нашел их, он не мог думать о собственной безопасности.

Все это промелькнуло в его мозгу в какие-то считанные секунды. Наконец, мысленно нарисовав образ автостоянки, Джеремиа попробовал телепортироваться туда.

— Смертный, лучше бы ты поддался моим соблазнам. Боюсь, теперь я вынужден силой навязать свои желания. Мне искренне жаль.

Оберон стоял от него в каких-нибудь двух-трех ярдах. Его облаченное в доспехи тело окружала ослепительная аура. Король эльфов был похож на древнего рыцаря, только ростом был гораздо выше самого высокого из смертных, а доспехи его из тонкой стали были цвета леса. Крылатый шлем с забралом скрывал верхнюю часть лица, прекрасного и одновременно страшного, как сама смерть. В одной руке Оберон держал длинный кнут — черный хлыст из коровьих жил, расходящийся в конце на девять хвостов с шипами, обещавшими мучительную боль. В другой руке эльф держал щит, украшенный гербом, на котором был изображен черный единорог, дерущийся с огромной птицей. Стоит ли говорить, что этой птицей был ворон.

Они стояли вовсе не на автостоянке, а в лесистой местности, которую незадолго до этого показывал ему Оберон. Теперь в этой местности причудливо переплетались картины идиллического прошлого и ужасного настоящего, каким его рисовало воспаленное воображение эльфа. Извилистые дороги начинались и обрывались посреди густого леса. Певчие птицы садились на

мрачные, деформированные здания. Тень окутывала деревню, однако на стенах ближайших строений играло солнце. По зеленым полям прыгали вороны, больше похожие на весенних дроздов. Картина, которая до сих пор сохраняла устойчивость лишь благодаря воле Оберона, теперь, лишившись ее, начинала распадаться.

Но королю эльфов, похоже, не было до этого дела. Он видел перед собой лишь тщедушную фигурку смертного, который осмелился пойти наперекор ему.

— Проводите *короля* в апартаменты, достойные его титула.

Словно из-под земли появились два воина и схватили Джеремию под руки. Пока они боролись с ним, Титания присоединилась к своему супругу. Потом она подошла к Джеремии и пальцем нежно провела по его щеке. От нее исходил аромат полевых цветов.

Она покачала головой и сокрушенно поцочкала языком.

— Ах, Джеремия Тодтманн, не стоило вести себя так скверно. Твое пребывание здесь, у нас, могло оказаться таким приятным. Теперь оно будет мучительным. — Титания улыбнулась и снисходительно потрепала его по щеке. — Впрочем, не бойся, Оберон не убьет тебя. *Этого* я никогда ему не позволю.

— Оставим игры, моя дорогая, — произнес король эльфов. — Его Величеству пора удалиться.

— Ах да, конечно, — пробормотала сиятельная госпожа. Затем она вскинула голову и сме-

рила несчастного узника надменным взглядом. — Знаешь, ты очень удачлив.

Джеремя не мог выдать из себя ни слова.

— О да, очень удачлив, — повторила королева Титания. — Вообрази, что было бы, выпади ты за пределы страны эльфов! Ты мог бы столкнуться с вороном или с Аросом! — Она повернулась — взлетели шелковые, усыпанные бриллиантами юбки — и закончила: — Меня охватывает дрожь при одной мысли о том, что мог бы сделать с тобой ворон! По крайней мере, здесь он тебя не достанет.

Джеремя все еще не оправился от изумления, когда стражники потащили его прочь.

XIII

Ворон летел в пограничной зоне, между миром реальности и миром теней, и решимость довести до конца последний эксперимент делала его непривычно молчаливым. Вообще-то ворон любил поболтать, и не только потому, что любил звук своего голоса, но и потому, что немногие — помимо Ароса — отваживались на то, чтобы хотя бы перекинуться с ним парой слов. Впрочем, ему было плевать. Черную птицу вполне устраивало собственное августейшее общество.

Линия, отделявшая реальность от мира грез, стерлась. Появился силуэт Чикаго, настоящего

Чикаго, не подозревавшего о вторжении воро-
на. С минуту он, словно бросая вызов всему
живому, парил над городом. Он прибыл сюда и
останется здесь столько, сколько потребуется.
Конечно, закончив эксперимент, он исчезнет,
но это будет его выбор.

Затем он опустилсЯ между высотными дома-
ми, наводя панику на голубей, и наконец уви-
дел свою цель. Он чуть изменил курс и камнем
устремился к земле.

Кошка пробиралась между мусорными бач-
ками, стоявшими на заднем дворе здания, в
котором располагался один из элитных ресто-
ранов. Однако внимание ее привлек совсем не
отвергнутый кем-то недоеденный бифштекс. Нет,
кошка была истинным охотником, а бифштексом
лакомились как раз ее потенциальные жертвы.
Жирные крысы, обленившиеся от обилия еды,
были подходящей дичью для черно-коричнево-
го хищника. Кошка ела ровно столько, сколько
было необходимо для удовлетворения аппетита.
Кошка знала, к чему приводит чревоугодие. В
этих каменных джунглях шанс остаться в жи-
вых имел лишь тот, кто обладал хорошей реак-
цией и постоянно держал ухо востро.

Именно эти качества и нужны были черной
птице для эксперимента.

Крылатая фурия обрушилась на кошку, ког-
да та подстерегала особенно жирную крысу. Во-
рон уже готов был вонзить когти в кошачью
спину, но кошка, которая на своем веку уча-
ствовала не в одной драке, вовремя извергну-

лась и встретила его ударом лапы. Ворон захлопал крыльями и отлетел в сторону.

Кошка с шипением выгнула спину и еще раз ударила наглую птицу. Время от времени кошке случалось закусить какой-нибудь птахой — обычно это были зазевавшиеся голуби. Иногда на глаза ей попадались и более крупные птицы, но они, как правило, парили высоко в небе, а эта явно не принадлежала к их числу.

— Любопытство сгубило кошку! — ерническим тоном прокаркал ворон, хотя и понимал, что та едва ли способна оценить его остроумие.

Он снова набросился на четвероногую тварь.

Какой бы необыкновенной реакцией та ни обладала, ей было трудно тягаться со стремительной, как молния, птицей. Кошачьи лапы мелькали в воздухе. Иногда казалось, что удар ее достиг цели и сейчас полетят перья, но ворон каким-то чудом успевал увернуться. И наоборот, птичьи когти то и дело терзали кошачью плоть, оставляя красные отметины на ее черно-бурой шерсти. Вскоре это была уже не драка, а избиение. Кошка, наконец в полной мере осознав нависшую над ее жизнью опасность, попыталась ретироваться, но ворон, глумливо похохатывая, не давал ей покинуть поле боя.

Задняя дверь ресторана распахнулась и во двор выскочили двое мужчин в поварской форме, вооруженные палками, чтобы положить конец кошачьему концерту, который они ожидали застать на улице. То, что предстало их взорам, заставило их опешить.

Ворон восседал на безжизненно обмякшей тушке своей жертвы и хохотал. Затем вонзил когти в еще оставшийся открытым кошачий глаз, из которого фонтаном ударила кровь. Наконец пернатый хищник заметил двух мужчин и, недовольно покосившись в их сторону, взмыл в небо. Оттуда он окинул взглядом поле боя: один из мужчин, задрав голову, провожал его изумленным взглядом; второй тыкал пальцем в обгаренное кровью тело побежденной.

Он *убил!* Этого было довольно! Он наконец разрушил барьер!

— Скажут тоже, девять жизней!

Пришло время смертному исполнить свою роль. Пришло время ворону исполнить свою судьбу.

Он *убил!* Он все еще ощущал дурманящий вкус крови. Насколько слаще самому иметь возможность забрать чужую жизнь и использовать то, что осталось, как поступил бы с человеком, которого убил. И какое блаженство ожидает его, когда его грандиозный план будет доведен до конца!

Ворон открыл дорогу в мир теней и, накаркивая себе под клюв веселый мотивчик, исчез.

— Джеремиа?

Несостоявшийся король Серых открыл глаза и постарался привыкнуть к тусклому освещению. Руки у него саднили. Инстинктивно он хо-

тел потянуться вперед, но руки его были задраны над головой и скованы цепями.

— Джеремиа?

Голос был до боли знакомый...

— Каллистра?

— Джеремиа! — Она вышла из тени, точно такая же, какой он видел ее в последний раз. Высокая и прекрасная, чародейка крепко обняла его, заставив испытать наслаждение и боль одновременно — боль, потому что она с такой страстью привлекла его к себе, что едва не оторвала руки.

— Мне жаль, что так все получилось, Джеремиа, — прошептала она. — Они сделали тебе очень больно?

— Нет... просто оставили здесь висеть.

Каллистра погладила его по щеке:

— Бедный Джеремиа! Я с тобой. Я о тебе позабочусь.

Он заглянул ей за плечо в страхе, что того гляди нагрянет стража и лишит его последней надежды на спасение. Однако Каллистра, похоже, не спешила. Вдруг принялась вытирать грязь с его лица...

— Ты не можешь как-нибудь освободить меня от этого? — Он нетерпеливо дернул цепи.

— Подожди. — Из ниоткуда в ее ладони возникла чашка, которую она тут же протянула королю-узнику. — Выпей это, Джеремиа. Это поможет.

Его мучила жажда, однако с этим можно было и подождать. Свобода была дороже.

— Каллистра, я выпью, как только мы выберемся отсюда. Освободи меня! Оберон может вернуться в любой момент.

— Если ты хочешь, чтобы у тебя были силы преодолеть дорогу, которая нам предстоит, ты должен выпить это, милый Джеремя.

Тодтманн пытливо посмотрел на нее, затем стиснул зубы и отвернулся.

— Джеремя? В чем дело?

— Ты не Каллистра, — промолвил он, глядя в сторону. Смотреть ей в глаза могло быть опасно. — Если ты не Каллистра, значит, ты эльф.

— Что ж, я старалась, — задумчиво промолвила Каллистра, но уже не своим голосом — этот голос скорее мог принадлежать Титании. Взглянув на нее, Джеремя увидел, что к той вернулись ее пышные формы. Она все еще сжимала в ладонях кружку. — Мне казалось, я прекрасно справилась с ролью...

— Ты отлично справилась, — сказал Джеремя, играя на ее тщеславии. На самом деле она все испортила в тот самый момент, когда в руках у нее появилась кружка. Даже не принимая во внимание то, как настойчиво она добивалась, чтобы он выпил из этой чашки, оставаясь при этом прикованным к цепям, беззаботное выражение ее лица не могло не насторожить его. Еще минута, и Джеремя и без всякой чашки понял бы, что она не та, за кого себя выдает.

— А я-то так надеялась убедить тебя, надеялась, что ты выпьешь. Вино забвения куда при-

ятнее, чем то, что уготовано тебе Обероном. Может, изменишь свое решение?

— Сожалею, но нет.

— Действительно жаль. — Титания улыбнулась и с тем исчезла. Джереми с удивлением подумал о том, что черты ее лица совершенно стерлись из его памяти.

Теперь, когда сознание его вполне прояснилось, он мог оглядеть «апартаменты», которые приготовил для него Оберон. Хотя дальше чем на метр разглядеть что-то было трудно. Вокруг висели тени, но по крайней мере это не были черные, алчные тени ворона. По обе стороны от него возвышались простые грубые каменные стены. Он уже знал, что за спиной у него такая же стена, только в ней имеется крохотное отверстие, сквозь которое в его темницу проникал хоть какой-то свет. Цепи были из металла, но не железные — возможно, серебряные. Это, видимо, не имело значение для тех, кто надел их на него — главное, чтобы держали.

«Ну так что, Ваше Величество? — усмехнулся он про себя. — Что дальше?»

Его отказ потворствовать желаниям Оберона казался нелепым. Теперь ему придется просидеть в этом каземате столько, сколько потребуется королю эльфов, чтобы убедить его в том, что он зря упрямится. Но даже понимание того, что он собственноручно обрекает себя на страдания, не могло заставить Джереми примириться с требованиями его тюремщика. Оберон добивался воз-

вращения мрачного средневековья, а Джеремиа уже понимал, что он действительно способен заставить и реальный мир и мир теней двигаться в этом направлении. Действуя под контролем Оберона, он должен будет лишить человечество будущего и загнать в прошлое. Какие бы проблемы ни стояли перед современным человечеством, Джеремиа все же считал, что лучше оставить все как есть, чем возвращаться в так называемые «идиллические» времена, по которым тосковал король эльфов. Джеремиа Тодтманн не намерен использовать свое могущество в этих целях.

«Свое могущество...»

Да, оно есть. Оберон, Арос, ворон... все видели огромные возможности в его наведенных заклинанием способностях, но преследовали лишь свои цели. Все стремились изменить мир и считали, что именно *он* — ключ к этим изменениям.

И монарх поневоле думал, насколько же велико на самом деле его могущество. Если в мире грез он пользуется такой властью, почему не в состоянии вырваться из какой-то паршивой темницы? Он должен. Иначе почему его тюремщик связывает с ним такие грандиозные планы?

— Есть только один способ выяснить, — пробормотал Джеремиа. Он снова дернул цепи, только чтобы убедиться. Да, очень прочные. С этим ничего не сделаешь. Как же он должен он них избавляться? Одного желания было мало — он уже убедился на опыте. До этого он попытался телепортироваться, и у него ничего не

получилось, хотя он не знал, почему. Что же остается?

А как, собственно, он до сих пор использовал свою силу? Поставил защитный блок, чтобы отразить нападение ворона... Переносился с одного места на другое. Дал имя, а стало быть, и стабильную форму тени. Остановил обезумевший небоскреб.

Насколько он помнил, перечень его подвигов на этом обрывался. Вместе с тем это разнообразие не могло не удивлять. Для простого смертного он обладал массой талантов. Как знать, возможно, имелись и другие, о которых он еще не подозревал. К примеру, чего добивался от него Оберон? Чтобы он сделал мир теней таким, каким он был в далеком прошлом. Арос ясно дал понять, что один человек, попавший в царство Серых, имеет на него больше влияния, чем все люди на Земле вместе взятые.

Арос. Долговязый упырь был с ним довольно откровенен, но не умалял ли он его, Джереми, возможности?

«Коль скоро я могу изменить мир, то могу изменить и этот маленький уголок мира грез».

Облизав пересохшие губы, Тодтманн вспомнил свои действия на смотровой площадке Сирс-тауэр, надеясь исполнить нечто подобное. Тогда ему сопутствовал успех, несмотря на то, что его постоянно швыряло из стороны в сторону и он рисковал загреметь вниз. Теперь его ничто не отвлекало, разве что цепи, но они-то и являлись объектом эксперимента.

На сей раз Джереми не просто попытался представить, что цепей на нем больше нет. Он попытался вообразить всю окружавшую его обстановку, но без цепей. Джереми не был уверен, что находится на верном пути; он вообще ни в чем не был уверен. В сложившихся обстоятельствах это был его единственный шанс.

«Та же камера, то же здание, то же царство теней, только одно маленькое отличие — нет цепей».

Воображение услужливо нарисовало ему эту картину. Для него она была реальна. Джереми увидел, как он опускает руки, поскольку, раз цепей нет, то зачем же держать руки в таком неудобном положении.

И тут до него дошло, что он и в самом деле опустил руки.

У него ныли мышцы, суставы ломило, но он был свободен! Джереми, не веря своим глазам, поднес руки к лицу и просиял. Руки были свободны!

«Я сделал это!»

Что именно он сделал, монарх не очень ясно себе представлял, но у него получилось, а это было главное.

«Надо просто взглянуть на вещи в ином свете».

Не об этом ли говорил ему Гектор, когда они застряли на верхушке Сирс-тауэр? Похоже, Гектор во всем оказывался правым. Вот кому надо было бы привлечь внимание Серых. Разумеется, Джереми Тодтманн был далек от мысли, что его товарища по несчастью обрадует такая пер-

спектива, но ему было приятно представить в роли короля Серых такого способного кандидата, как Гектор Джордан.

«Однако пока в этой роли выступаю именно я! — напомнил он себе. — И коль скоро с этим ничего не поделаешь, надо по крайней мере воспользоваться преимуществами своего положения».

Возможно, ему хватило бы одной попытки, чтобы сбежать из темницы, в которую упек его Оберон, но Джеремиа Тодтмани не принадлежал к числу тех, кто сломя голову бросается в неизвестность. К тому же он не хотел раньше времени будить подозрения Оберона.

Вперив взор в темноту, повелитель страны призраков обдумывал свой очередной ход. Если он смог *настроить* картинку таким образом, чтобы на ней не было цепей, следовательно, сможет сделать так, чтобы оказаться в открытом поле или просто в зыбком тумане, который, собственно, и составлял существо мира грез. Ему не обязательно перемещаться в пространстве — достаточно сказать себе, что ничего из того, что его окружает, больше не существует. Губы его растянулись в улыбке. Все стало просто.

Однако уже мгновение спустя улыбки его как не бывало. Раздался скрежет, и в темнице, выйдя из тени, появился эльф-стражник. При виде Джеремии он замер; на лице его появилось растерянное выражение — видно, он никак не мог понять, куда подевались цепи.

Джеремиа отреагировал почти инстинктивно. Его не устраивало, что эльф находился в

камере; ему нужен был вариант этой же сценѣ, но без эльфа.

Он настраивал собственную реальность.

Эльф исчез. Сцена стала только такой, какой была до неожиданного появления стражника. Словно никакого явления и не было.

«Неужели это сделал я?»

Тодтманн было задался вопросом: а куда, собственно, он отправил бедолагу-эльфа, но от мысли о том, что он, возможно, вообще положил конец его существованию, заставил себя отключиться. Конечно, он сделал это вынужденно, однако эльфы — не самые сочувствующие из Серых и вряд ли отнесутся к этому с пониманием.

Его даже немного напугало то обстоятельство, что он, Джереми Тодтманн, владеет такой силой. Еще больше, однако, его пугала необходимость прибегнуть к ней снова. Выбора у него не оставалось — это был единственный способ вырваться на свободу. Они могли заблокировать его способность к телепортации, но здесь, видимо, были бессильны. Может, это имело какое-то отношение к дару влиять на мир Серых и придавать ему форму? Это было единственное логичное объяснение, которое приходило на ум. Возможно, все остальные его таланты пожалованы ему в придачу к короне.

Так или иначе, но Джереми не мог позволить себе задерживаться. Если все, что от него требовалось, — это мысленно представить себя в каком-то месте — ну хоть в открытом поле, — то надо было сделать это... и сделать немедленно.

Подземный толчок, после которого он едва устоял на ногах, не входил в его планы. Джеремя уже готов был отказаться от своих намерений, как вдруг на его глазах стены темницы отделились от пола и сложились назад, совсем как откидная крыша кабриолета. Стены и крыша продолжали складываться и постепенно исчезали из виду. Джеремя ожидал, что взору его предстанут внутренние покои дворца Оберона, но он ошибался. Перед ним простиралось серое небытие, среди которого можно было различить смутный пейзаж — поросший высокой травой луг. По мере того как его темница пожирала самое себя, очертания становились все более отчетливыми. Вспомнив, какая участь постигла апартаменты, предоставленные ему в свое время Аросом Агвиланой, Джеремя поспешил выйти за пределы исчезающей камеры и ступил на луг, который формировался на его глазах. Ощувив под ногами твердую почву, он с облегчением вздохнул.

Пол, словно дождавшись, когда заключенный покинет пределы камеры, ухнул в тартарары. Джеремии приятно было осознать, что ему не пришлось испытывать эту догадку на себе.

С немым изумлением он наблюдал, как рушится сказочное королевство. Стены падали во внутренние дворики. Роскошный сад на мгновение завис над бездной, а потом сорвался вниз и бесследно исчез. Птицы, едва успев вспорхнуть с шатающихся дворцовых башенок, исчезали, словно их никогда и не было.

А затем... раздался хлопок и сказочное королевство сгнуло.

Джеремя стоял, замороженный жутковатой мистерией, разыгравшейся на его глазах. Наконец, точно очнувшись от сна, он подумал о том, что стало с эльфами. Он открыл рот, как будто собираясь оправдаться, но издал лишь похожий на шипение звук. У него тряслись руки. Он не собирался изводить их. Вовсе нет. Он лишь хотел обрести свободу.

— Что я наделал? — пролепетал он.

Призраки не могут просто так взять и умереть... но верно ли это в данной ситуации? Джеремя вернулся на несколько шагов назад и устоял на то место, где только что было могущественное королевство Оберона. Все — замок, сады, земли, а главное, обитатели — кануло в небытие.

Кануло... и на нем лежала ответственность за это. Джеремя продолжал вглядываться в никуда, словно надеясь, что все вернется на свои места, но ничего не происходило. Он оборвал существование сказочной страны.

Он отвернулся и, чувствуя отвращение к самому себе, пошел прочь. Он не знал, куда идет. Впрочем, перед ним открывалось единственное направление. Ему хотелось одного — поскорее уйти от того места, где еще недавно была процветающая страна эльфов. Хотелось забыть и не думать о том, что он сделал.

Как вдруг он услышал за спиной гул, который все время нарастал. Это не были раскаты

грома — скорее топот, словно спасалось бегством стадо слонов. Джеремиа замедлил шаг, затем остановился. Гул приближался. Джеремиа заставил себя оглянуться и посмотреть туда, где осталось место последнего упокоения целого королевства.

— *Боже мой!* — попытался произнести Джеремиа, но не смог — настолько ошеломляющее зрелище предстало его взору. Перед ним веером расстилалась твердь, тут же преобразуясь в прихотливый ландшафт. Как по мановению волшебной палочки вырастали деревья, с которых в разные стороны разлетались птицы. Точно на дрожжах росли горы и холмы. Вставали из праха первые сооружения эльфов.

— Как ты посмел, смертный? Как ты посмел так бессердечно расправиться с моим царством?

Голос звучал отовсюду одновременно. Джеремии не нужно было напрягать память, чтобы вспомнить, кому он принадлежит. Он бросился бежать.

Оберон в сопровождении целого легиона конных рыцарей легко обогнал Джеремию, отрезав ему единственный путь к отступлению. Ландшафт все время менялся; вокруг снова были горы и леса королевства эльфов. Рыцари, увлеченные погоней, казалось, не замечали того, что творилось вокруг. Они растянулись по тропе в колонну и остановились. Впереди был Оберон. Король эльфов снова был облачен в доспехи и в одной руке держал тот самый щит, украшен-

ный гербом, на котором единорог сражается с вороном — только на сей раз в другой руке, затянутой железной перчаткой, он держал длинный меч с усыпанной драгоценными камнями рукояткой, сверкавший, точно солнце. Острие меча указывало на Джеремию.

— *Как ты посмел?* — страшным голосом ревел Оберон, и гулкое эхо вторило ему. — *Как ты посмел, когда нас осталось так немного?*

Оберон чуть опустил меч.

Рыцари в сверкающих доспехах двинулись на Джеремию.

Он попятился, зная, что бежать ему некуда. Оставалось одно — поступить так, как он до этого поступил — как оказалось, не слишком в этом преуспев, — с королевством Оберона.

Сверкающий ряд всадников исчез.

Затем они появились снова.

И снова растаяли в воздухе.

И снова материализовались на том же самом месте.

В отчаянии Джеремия решил сменить тактику. Если он не мог добиться того, чтобы они окончательно сгинули, может, у него получится какой-нибудь трюк с ландшафтом.

В самой гуще всадников откуда ни возьмись появилась гора. Кони ржали, шарахались и вставали на дыбы, сбрасывая седоков. Кое-кто попытался обогнуть гору, а двум это удалось.

Тогда Джеремия несколько изменил пейзаж, добавив к нему реку, один берег которой ока-

зался прямо у его ног, а другой преграждал путь всадникам. Могучие животные, не имея времени остановиться, бросились в воду, увлекая за собой рыцарей.

К своему разочарованию, Джеремиа обнаружил, что доспехи эльфов не тонут... или это сами эльфы так хорошо плавали. Но так или иначе атака их захлебнулась.

Однако... Джеремиа совсем забыл об Обероне.

Изырая какие-то таинственные проклятия, властелин эльфов продолжал указывать мечом в сторону Джеремии. Джеремиа приготовился к худшему, ожидая удара молнии или чего-нибудь в этом роде.

Но тут вода в реке закипела, вспучилась и начала стремительно прибывать...

Затем вода расступилась, и показалось огромное шупальце.

Над поверхностью воды восстал гигантский монстр — непонятно, каким образом этот исполин поместился в небольшой реке, тогда как место ему было разве что в океане. От него поползли сотни, как показалось Джеремии, щупальцев, и каждое норовило схватить его. Огромная, в виде клюва, алчная пасть открылась и захлопнулась, а единственный глаз взирал холодно и недобро. Монстр был кроваво-красный, в чем, видимо, нашла отражение жажда крови, коей был мучим Оберон.

Тот, кто изучает легенды и фольклор, непременно узнал бы в этом чудище знаменитого

Кракена*, однако на непросвещенный взгляд Джереми, перед ним был просто невероятных размеров кальмар.

В глазах у него рябило; словно сама смерть тянула к нему свои щупальца. Джереми лихорадочно соображал, как ему защититься от взбесившегося монстра... решительно ничего не приходило ему на ум...

Разве что прибегнуть к помощи... другого морского чудовища...

Занятый исключительно своей потенциальной добычей, Кракен не заметил, как сзади из воды появились смутные очертания нового персонажа. Лишь когда гигантская тварь, прибывшая на помощь Джереми, набросилась на него, Кракен втянул щупальца. Однако он потерял слишком много времени. Вызванный воображением Джереми монстр издал трубный глас; его разверстая пасть была у самого глаза Кракена.

Могучие щупальца обвивали длинную шею и могучий торс защитника Джереми, но было уже поздно. Страшные челюсти сомкнулись, и клыки впились в кальмарий глаз. Во все стороны брызнул гнойный иxor, и щупальца задержались, точно в агонии, и обмякли. Вырвав у Кракена глаз, второй монстр не успокоился, но принялся буквально рвать того на куски.

Кракен все еще не сдавался, все еще сжимал щупальца на шее своего обидчика, но тот, все

* легендарное морское чудовище, обитающее у берегов Норвегии и служащее причиной гигантских водоворотов. — *Примеч. пер.*

больше свирепея, снова впился в то место, где еще недавно был глаз.

Схватка закончилась так же внезапно, как и началась. Кракен потерял слишком много заменявшей ему кровь жидкости, чтобы продолжать борьбу. Кальмар безволею съезжился, и тогда монстр, которого в отчаянии призвал Джеремя, начал подминать его под себя. Через какое-то время от Кракена не осталось и следа, кроме разбросанных по берегу разрозненных останков плоти и черного пятна на поверхности волшебной реки.

Издав победный клич, Лохнесское чудовище вслед за своим поверженным соперником исчезло под обманчиво безмятежной водной гладью.

В бессильной злобе, изрыгая проклятия, Оберон занес меч над головой и метнул его в стоявшего перед ним человека. Он словно не замечал разделявшего их расстояния.

Джеремя машинально отошел назад, уже приготовившись защитить себя при помощи очередного колдовского действия, но меч, несмотря на все старания его обладателя, упал, не долетев. Он вонзился в воображаемую землю на расстоянии двух вытянутых рук от Джереми.

Миг спустя Оберон уже стоял, коленопреклоненный, возле своего меча.

— Я покоряюсь, Ваше Величество, — потупив взор, произнес он.

Джеремя недоуменно посмотрел по сторонам, затем перевел взгляд на стоявшую перед ним на коленях фигуру короля эльфов.

— *Что?*

Оберон, видимо, не привык повторять дважды, но тут ему пришлось наступить на горло своей гордыне:

— Я покоряюсь тебе, Джеремиа Тодтманн, *король Серых*.

— Так я победил? — Если это был очередной трюк, то весьма странный трюк. Но как еще можно было объяснить то, что произошло? Как он мог победить Оберона, короля эльфов? Едва ли это можно было назвать сказкой! Но даже и в сказке победа над злом не совершается так просто...

Однако факт оставался фактом: Оберон — сама покорность — стоял перед ним на коленях. Он вынужден был признать свое поражение.

— Ты выиграл, — произнес он, поднимая голову. — Пусть ты невежествен, как младенец, но ты выиграл, смертный. Посмотри вокруг — ты видишь мое королевство. Посмотри вокруг, и ты поймешь, что, если бы я продолжал сражаться и дальше, скоро у меня не осталось бы ничего. Я на пределе.

Впервые с начала этого странного и скоротечного сражения Джеремиа спокойно осмотрелся. Поначалу его удивило заявление Оберона. Страна эльфов показалась ему точно такой, какой она была перед тем как быть поверженной в прах силой его воображения. Деревья, холмы, замок — все было на месте. Только вот по краям...

По краям все силуэты... были словно размыты?

Впервые это бросилось ему в глаза, когда он получил вгляделся во дворец Оберона. Края его расплывались. Но не так, как у Лохнесского чудовища. Нет, дворец словно растворялся, исчезал, и процесс разложения начинался по краям. Король Серых еще раз окинул взором пейзаж — теперь та же печать разложения явственно угадывалась на всем. Это было похоже на то, как угасают воспоминания.

— Все держится только моей волей, — пояснил Оберон, на чьем лице высокомерно-надменное выражение сменилось выражением глубокой тоски и страха. — Моя воля — это единственное, что не дает стране эльфов кануть в небытие. Сказочная страна таяла по мере того, как таяла вера в нее. Иссякнет моя воля — не будет и страны. Только моя воля, которую я приобрел, когда вера в мое королевство была еще сильна, — так вот, только моя воля позволяет удерживать состояние устойчивого равновесия. — Эльф сокрушенно покачал головой. — Ничего из того, что ты видишь, смертный, не существует, даже в призрачном мире. Банкет — это дым, придворные сотканы из тумана. Осталась лишь горстка тех, кто помнит дни былого могущества, лишь горстка тех, кто вместе со мной сохраняет живую память о славном прошлом.

Джеремя не мог не отметить про себя, что если все это и было одной только иллюзией, то иллюзией весьма основательной.

— Ты хочешь сказать, что ничего этого на самом деле нет? — спросил он.

Оберон медленно поднялся на ноги. Тодтманн невольно напрягся, но тот лишь печально покачал головой. От его воинственности не осталось и следа.

— Я покажу тебе, что осталось от славного королевства эльфов.

Пейзаж снова стал другим.

Как если бы кто-то взялся нарисовать фантастическую страну, но потом ему это надоело и он бросил это занятие на полдороге. Были намечены силуэты деревьев и гор, обозначено их место в общем пейзаже. Дворец Оберона являл собой полустертое изображение неопределенной формы и размера. Джереми почувствовал себя персонажем комикса, который существует пока лишь в набросках. Не было ни отчетливой формы, ни глубокой перспективы. Единственными предметами, обладавшими объемом, были: он сам, король Оберон да шесть или семь стоящих у него за спиной мрачноватых личностей в плащах с надвинутыми на глаза капюшонами. Джереми узнал одного из них — он видел его раньше у своего дома. Но той фигуры, которую Джереми ожидал увидеть, здесь не было.

Глаза Оберона вспыхнули; он понял, кого высматривает Джереми в группе его приближенных.

— *Туман*, смертный. Все, что у нас осталось, — это воспоминания и туман.

Только теперь Джереми понял, что никакая серьезная опасность ему не угрожала. Сила Оберона была так же иллюзорна, как и его ко-

ролевство. Лишь постольку, поскольку он, Джеремиа, верил в его могущество, Оберон мог воздействовать на него. Стоило ему усомниться, и сила Оберона растаяла, как утренний сон.

Повелитель эльфов приложил руку к тому месту, где полагается быть сердцу, и опустил на одно колено; остальные поспешно последовали его примеру. Не осталось ни гнева, ни надменности. Голос Оберона, стоило ему произнести слово, начинал дрожать.

— Наше существование в твоих руках, Джеремиа Тодтманн. Не жизнь, нет. Этого даже ты не в состоянии нам даровать. В твоей власти делать вещи такими, какими ты хочешь их видеть. Ты можешь по собственному усмотрению придать нам зримые очертания.

— Я просто хочу вернуться домой, — прошептал король поневоле. — Я хочу домой!

Оберон кивнул; Джеремии на мгновение показалось, что ему понятно его желание.

— Здесь я бессилён помочь, Ваше Величество. Если кому-то и известен обратный путь, то только ворону или Аросу.

Джеремиа получил именно тот ответ, услышать который более всего боялся. У него не было выбора. Только долговязый теперь мог помочь ему найти Каллистру, Гектора, обойти ловушки ворона, и так далее, и так далее.

— Но как мне найти Ароса? Подскажи.

— Джеремиа Тодтманн, я могу указать тебе путь к пограничной сфере между двумя мирами.

Больше ничего. Где искать Ароса Агвилану, о том ведомо одному Аросу.

Джеремия желал большего, однако рассчитывал на меньшее.

— Ну так покажи. Для начала мне нужно разыскать своих друзей.

Оберон не спешил вставать на ноги.

— Но сперва я прошу тебя о благодеянии.

— О благодеянии? — Джеремия смешался. — Ты хочешь сказать, об услуге? Я правильно понял?

— Да. — Оберон оглянулся на своих подданных, затем снова перевел взгляд на Джеремию. — Я прошу, чтобы ты постарался поверить.

— Поверить во что?

— В эльфов, фей, драконов, единорогов... хотя бы чуть-чуть.

Джеремия окинул взором жалкое сборище. Так вот что осталось от детских снов и сказок. Возможно, эльфы и не заслуживали его жалости, но то, вот что они превратились, не могло не вызвать у него сочувствия. Нет, Оберон здесь ни при чем. Просто должна сохраниться вера в сказочную страну.

— Я постараюсь.

Облаченная в доспехи фигура поднялась, и в тот же самый миг их иллюзорное царство вновь заиграло живыми красками, хотя по-прежнему трудно было различить силуэты, словно не хватало памяти, которая могла бы еще больше поддержать иллюзорное существование страны эльфов.

— Тогда идем. Я покажу тебе, как выйти отсюда. — Доспехи исчезли; теперь Оберон был облачен в дорожное платье, какое было на нем, когда он стоял у дома Джеремии. — Но прежде чем мы попрощаемся, ты должен понять одну вещь, Джеремия Тодтманн.

— Что же это?

Краски вокруг поблекли, и царство эльфов постепенно исчезло. Последние живые картины растаяли в воздухе, сменившись затянутой туманом пустотой, так хорошо знакомой Джеремии.

— Победить меня — это пустяковое дело. Я не более чем воспоминание. С каждым минувшим в реальном мире днем я все больше превращаюсь в иллюзию — даже по здешним меркам. Но когда ты столкнешься с вороном... тогда тебя ждет настоящее испытание. Потому что он почти такая же реальность, как и ты сам.

Джеремия поежился, однако виду не подал.

— Я не собираюсь сражаться с ним.

Его провожатый скептически посмотрел на него и коротко кивнул.

— Ради мира Серых надеюсь, что не собираешься. — Он оглянулся, словно что-то привлекло его внимание. — Разумеется, тебе все равно придется каким-то образом убедить ворона, ты согласен?

Место, в котором они находились, напоминало чистилище. И не рай, и не ад. Джеремия не обращал внимания на окружающее; он вдруг вспомнил нечто, что слышал то ли от Ароса, то ли от кого-то другого.

— Оберон, это ты создал чары, носителем которых я стал? Ты был среди Серых, произнесших заклинание?

Внезапно они остановились как вкопанные. Джеремиа понял, что их путешествие подошло к концу, хотя никаких явных признаков этого не было видно.

Лицо Оберона потемнело.

— Нет, смертный. Меня не было среди тех, кто сделал это. Мне повезло. Те, прибегая к чарам, испытали слишком большое напряжение... они забыли самих себя... Ничего страшнее для нас невозможно придумать. — При этих словах король эльфов даже вздрогнул. — Они имели облик, были почти *личностями* и лишились всего этого. Мы были бессильны им помочь. Я ничего не мог сделать для них, как и для многих других, которых постигла та же участь в результате того, что люди постепенно утрачивали веру в нас.

«Так вот что значит смерть для Серых...»

Арос рассказывал, какие изменения претерпевают призраки, когда меняются людские сны, но он впервые слышал о том, что их может подстергать и такая судьба. Он вспомнил о Каллистре, но отбросил прочь тревожные мысли. Джеремиа даже подумать не мог о том, чтобы лишиться ее.

— Прости, — сказал он. — Ты можешь ответить еще на пару вопросов? Важных вопросов.

Эльф невесело улыбнулся:

— Мне больше нечего от тебя скрывать.

— Какова была истинная цель заклинания? Было в этом нечто большее, чем желание выбрать человека, который бы надзирал за порядком вещей? — Джеремиа секунду колебался; его все еще не отпускали сомнения — не захочет ли его бывший противник что-то скрыть от него. — И зачем наделять таким могуществом чужака? Смертного? Неужто вы хотели, чтобы вами управляли?

Оберон — к немалому изумлению Джеремии — кивнул, и в этом его жесте сквозило явное одобрение.

— Справедливый вопрос. Разумеется, мы не хотели, чтобы нами управляли, Джеремиа Тодтманн. Никогда. В действительности чары были созданы так, чтобы выбрать наиболее податливого человека и управлять его волей, как захотим мы.

Итак, король призван был служить простым инструментом их воли и не более того. По сути, ему была уготована участь послушного, хоть и могущественного, раба. Этого Джеремиа услышать не ожидал.

— Но произошла осечка?..

— Не сразу. Первые двое или трое оправдали наши ожидания, но каждый последующий все больше и больше отклонялся от эталона. Когда мы наконец осознали масштаб отклонения, было уже поздно. Чары вышли из-под нашего контроля.

Примерно то же Джеремиа уже когда-то слышал.

— И еще одно, если не возражаешь, — сказал он. — Понимаю, я просил ответить лишь на пару вопросов, но...

— Смертный, если это поможет тебе победить ворона, я с радостью тебе отвечу.

— Вот-вот, я как раз о нем. Какое место в вашем мире занимает ворон? Откуда он взялся? Тебе это известно?

Оберон на минуту задумался, потом покачал головой и произнес:

— Пожалуй, нет ничего сложнее, чем ответить на вопрос, где и когда возникает Серый. Чаще всего мы просто есть. Однако что касается проклятой птицы, она уже существует почти так же долго, как и заклинание. Можно даже сказать, что чары притягивают его, точно так же, как цветок притягивает пчелу. Где заклинание, там он кружит поблизости.

— И никто за это время не остановил его?

— Никто не знал и не знает, как.

После этого ответа у Джереми больше не было вопросов.

XIV

Арос Агвилана сидел на заднем сиденье «роллс-ройса» и курил свою вечную сигарету. До сих пор ни одна из его приманок не сработала. Блудный смертный так и не попался

в его сети, и он уже начал всерьез тревожиться — не попал ли тот в когти ворона. Однако нет надежды без огня, или что-то в этом роде. То, что он не может даже распутать поговорку, означало только одно — ворон окончательно загнал его в угол.

— Арос.

Он несколько не удивился, увидев того, кто вдруг посмел материализоваться рядом. По правде говоря, эта тень ему порядком надоела.

— А-а, так это то самое лицо, у которого тысяча двойников, — сквозь зубы процедил он, не вынимая сигареты изо рта. — А я-то грешным делом думал, что ты исчезла навек, Каллистра.

Женщина-призрак нахмурилась:

— Нет. Благодаря тебе, Арос.

— Ведь это ты сбежала с нашим королем... которого я почему-то не вижу рядом с тобой. Какая жалость!

— Пуская дым воспоминания, ты его не вернешь. — Каллистра, едва сдерживая гнев, вся подалась вперед. — Арос, он имел полное право уйти, и я имела полное право помочь ему в этом!

Арос не привык к такому бурному проявлению чувств, однако сделал вид, что ничего не заметил.

— Так ему удалось бежать?

— Нет. — Каллистра откинулась на спинку сиденья и постаралась несколько умерить свой

пыл. — Но мы знаем, где он находится... или находился...

— Мы?

Каллистра подозрительно покосилась по сторонам:

— Мне сказал об этом Отто.

— Вот оно что. — Арос вскинул брови, изображая удивление. — Видимо, мне пора побеседовать с нашим обезьяноподобным другом. У меня такое чувство, что он от нас что-то утаивает.

Каллистра была того же мнения, но сейчас Отто занимал ее мысли меньше всего. Она думала только о Джереми.

— Ты сможешь мне найти его?

— Если я правильно понял, говоря «его», ты имеешь в виду некоего Джеремию Тодтманна, смертного, блудного короля, якорь Серых. Или ты говоришь об Отто? — Арос, верный привычке, выкинул сигарету, которая тотчас же растаяла в воздухе, и улыбнулся Каллистре: — Только не надо эмоций. Я знаю, о ком ты говоришь. Разумеется, я помогу тебе. С моей стороны было бы глупо поступить иначе, не так ли? Пусть уж лучше Джеремиа нежится в моих объятиях, чем корчится в когтях черной птицы, или я не прав?

Каллистра кивнула, теща себя надеждой, что ей не придется пожалеть об этом. Она подумала, что было бы лучше, если бы Отто остался с ней. *Куда же он сгинул?* Впрочем, это не важно.

— Арос, он у эльфов.

— Вот как? — Арос на мгновение обнажил свой истинный лик, на котором лежала печать

гнева, но тут же опомнился и надел маску парочитого равнодушия. Эльфы были его союзниками, и Каллистра об этом знала. Не слишком преданными ему, но все же союзниками. Арос не любил предателей, особенно когда предавали его. Усилием воли взяв себя в руки, Арос промолвил: — Думаю, нам надо переговорить с Обероном. И немедленно.

Автомобиль-призрак бесшумно завернул за угол. Темные улицы Чикаго исчезли, и их место заняло мощеное шоссе, отливающее золотом. «Роллс-ройс» несясь по нему так же бесшумно и плавно, как если бы это был асфальт.

— Теперь уже скоро, — сказал Арос и, обращаясь непосредственно к «роллс-ройсу», добавил: — Немного помедленнее. Оберон такой обидчивый тип.

Автомобиль, за рулем которого не было водителя, послушно сбавил ход. Затем, к изумлению Каллистры, он и вовсе остановился.

Арос Агвилана нетерпеливо подался вперед:

— Я сказал «помедленнее», а не «остановиться».

Каллистра выглянула в окно. То, что она увидела, ей совсем не понравилось.

— Арос... посмотри.

Тот, хоть и неохотно, последовал ее совету.

— Так, и что же мы здесь имеем?

Проще было сказать, что они не имеют. А не имели они ландшафта, поскольку даже дорога перед ними и подступавший к ней с обеих сто-

рон лес бесследно исчезли. «Роллс-ройс» застрял в пустоте, в небытии.

— Немедленно назад, — скомандовал Арос. «Роллс-ройс» не подчинился.

Тощий как жердь призрак тяжело вздохнул.

— Боюсь, нам придется обойтись без удобств. — Арос взял ее за руку. — Ты не возражаешь, дорогая?

— Можно подумать, у меня есть выбор.

— Разумеется, нет. — Арос улыбнулся. — Что ж, думаю, нам пора исчезнуть.

Но ничего не произошло. Они удивленно уставились друг на друга.

Затем Арос Агвилана откинулся на сиденье, извлек из пустоты сигарету и затянулся.

— Каллистра, в данной ситуации я готов выслушать твои предложения.

Каллистра не слышала его. Как только она поняла, что они попали в западню, ее осенило. Она знала, чьи это проделки. Нет, не ворона — другого.

Но почему она была так уверена, что за этим стоит именно Отто? Больше того, она готова была дать голову на отсечение — будь это возможно, — что сделал он это не для того, чтобы причинить им вред, но для того, чтобы не дать им найти Джеремию.

Что такое он ей говорил? Что-то насчет того, что помнит эльфов...

Джеремия вступил в иллюзорный мир Чикаго, отметив, что, несмотря на его длительное пребывание в стране эльфов, здесь все еще стоя-

ла ночь. Оберон, перед тем как расстаться, заверил его, что она будет той самой ночью, которой Джеремиа покинул Чикаго, — никакой другой. Как сказал бы Арос, в мире теней время — вещь относительная, однако Джеремию все это лишь сбивало с толку.

Призрачный свет пограничного мира едва теплился, однако обычная городская иллюминация позволяла как следует разглядеть здание старой водонапорной башни. Последний раз, когда Джеремиа ее видел, ему было не до того. Некоторые находили башню отвратительной, но Тодтманн думал, что она ему даже нравится. Он чувствовал странное родство с этой древней башней и с насосной станцией, что стояла напротив. Они трое были беженцами из времени и пространства, никак не связанными с окружающим миром.

Джеремиа вздохнул и огляделся вокруг. Он думал найти здесь Гектора, хотя и понимал, что надежды на это практически нет. Оберон не мог помочь ему в этом; он не знал Гектора, а следовательно, был не в силах и указать его местонахождение. Король эльфов премного сожалел, но предложить ничего не мог.

Сначала он должен найти Гектора. Их было только двое простых смертных в мире Серых. Все казалось просто. Только вот Джеремиа не имел ни малейшего представления, с чего начать. Тот же Оберон считал, что Джеремиа сможет обнаружить присутствие своего друга, но не знал, как.

Тодтманн был даже рад, что наконец отделался от короля эльфов — его занудство могло лишить присутствия духа кого угодно. Джеремию уже не вдохновляла победа над сказочной страной, он чувствовал, что силы его на исходе.

Гектора не было, но не было и ворона с его цепными псами, а это уже утешало. Не было и ходячих теней, но эти могли появиться в любой момент — когда дело касалось присутствия смертного, у них появлялось шестое чувство.

— Здесь околачиваться бесполезно, — себе под нос пробормотал Джереми.

Раз Гектора нет, стало быть, он где-то в другом месте, а значит, надо отсюда двигаться.

Что он и сделал.

Джереми материализовался на автостоянке возле дома Гектора, затем, ничего не обнаружив, перенесся в его квартиру. Сначала он ничего не заметил. Квартира была такой же, какой он видел ее в последний раз. Он осмотрел гостиную, но не нашел никаких признаков, которые указывали бы, что его друг здесь появлялся. Джереми уже собирался исчезнуть, как вдруг краем глаза заметил какое-то движение. Он направился в сторону кухни.

— Гектор?

Мелькнула чья-то тень.

— *Джереми?*

Чернокожий так внезапно выскочил из-за угла, что они чуть не столкнулись лбами. В последний момент Джереми успел отпрянуть. Он уже хотел заключить своего друга в объятия, но

раздумал, вспомнив, что тот не поощряет фамильярности.

— Старина, а я-то уже решил, что ты сгинул навеки! — Гектор похлопал его по спине, но это была единственная вольность, которую он себе позволил.

— А я боялся, что ворон тебя сцапал!

— После того как ты удрал, на меня никто не обращал внимания. Я был вроде пятого колеса, которое никому не нужно. Так где же ты был? Что случилось?

Вздохнув, Джеремия принялся рассказывать о том, как пытался бежать, и о своей встрече с Обероном и Титанией.

— «Мой царь здесь ночью будет веселиться, — неожиданно начал декламировать Гектор, — Смотри, чтоб с ним не встретилась царица! Он на нее взбешен, разгневан — страх...»

— Что это?

— Шекспир, темнота! «Сон в летнюю ночь». Оберон и Титания — это король и королева эльфов.

Лицо Джеремии исказила гримаса.

— Так я и думал. Как я сразу не догадался? — Он пригладил ладонью волосы. — Ну вот и все, что произошло — со мной, по крайней мере. А у тебя что?

Гектор прислонился к стене и пожал плечами:

— Как я уже и сказал, ничего. Когда ты исчез, я вернулся сюда и стал ждать. Решил, что когда-нибудь ты должен объявиться. Если бы

через некоторое время ты не пришел, отправился бы тебя искать.

— Рад, что тебе не пришлось этого делать.

Гектор скрестил руки на груди:

— Слушай, я понимаю — я уже задавал тебе этот вопрос. И все же. Что дальше?

— Что дальше? — растерянно повторил Джереми и сокрушенно вздохнул. — Пора заканчивать с этой чертовщиной. Но сначала я должен сделать две вещи. Первое, это найти Каллистру.

— Отлично. С удовольствием познакомлюсь с этой женщиной. Просто сгораю от нетерпения посмотреть, такова ли она на самом деле, какой ты ее изобразил.

Тодтманн смущенно улыбнулся:

— Она именно такая. Второе, что мне надо сделать, — это найти способ, как избавиться от королевской мантии... от этого якоря, к которому они липнут.

Гектор задумчиво прищурился.

— Интересно, как ты надеешься это сделать? Я понял, что ты должен кого-то предложить вместо себя.

— Я думал, что могу просто отказаться от этой роли. Каллистра, кажется, считает, что такое возможно. Чары — или как это у них называется? — будут самостоятельно искать очередного кандидата. Черт, возможно, у них уже кто-то и есть на примете. — Поймав на себе настороженный взгляд Гектора, Джереми невольно потупился. Чем больше он рассуждал о том,

чтобы пустить все на самотек, тем больше чувствовал себя отъявленным трусом.

— Звучит рискованно, — заметил Гектор. — Может, тебе найти какого-нибудь сумасшедшего.

— А у меня есть какой-то выбор? — Джереми с вызовом посмотрел на своего друга, теперь настал черед Гектора отвести взгляд. Однако Тодтманн не чувствовал себя победителем. Он по-прежнему чувствовал себя трусом и подлецом. Какое он имеет право перекладывать свои проблемы на плечи Гектора? Это только его, Джереми, трудности — и больше ничьи.

— Это может и подождать, — наконец произнес он. — Пока я должен разыскать Каллистру.

— Это верно. Только хорошо бы на этот раз нам повезло больше.

— Да-да. Только вот все дело в том, что я совсем не уверен, что она у ворона. Ты видел, какие... — Джереми вдруг замер. Он почувствовал, что что-то назревает. Он уже понял, что.

— В чем дело? — Гектор беспокойно огляделся по сторонам.

— Нападение!

Квартира вся была окутана тенью, одной черной, алчной тенью.

— Берегись! — крикнул Гектор и толкнул Джеремию в грудь. В тот же самый миг черное шупальце скользнуло между ними.

— Гектор, руку!

Чернокожий колебался лишь мгновение. Увидев, что над ними взметнулось еще одно чер-

ное, как эбеновое дерево, щупальце, он вцепился в протянутую к нему руку Джереми.

Действие перенеслось в другое место: теперь перед ними маячила громадина Сирс-тауэр. Осмотревшись, Джереми мгновенно пожалел о своем решении. Тени были повсюду, и ближайшая уже ползла к нему.

— Старина, бежать нам некуда — спрятаться тоже нигде! Используй свою чертовщину, покажи им где раки зимуют! Пусть подожмут хвосты!

Как раз этого Джереми делать не хотелось. Он не хотел сражаться с полчищем ворона. Однако, похоже, другого выбора у него не было. Укрыться было решительно нигде. Оставалось либо сражаться, либо сразу признать себя побежденным.

Загнанный в угол, он все же отказывался даже думать о том, чтобы сдаться.

— Я помню, каким должно быть это место, — пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Здесь не было теней, здесь была жизнь. — Джереми не спускал глаз с надвигавшейся на него тени. — Ты не из этой жизни!

Тень не растаяла, однако чуть сдала назад.

— Я же сказал, что ты не из этой жизни! Ты и тебе подобные! Вы не более чем игра больного воображения! Дурные сны!

Теперь попятились и остальные тени. Когда их не стало, взору Джереми Тодтманна предстал город — таким, каким он помнил его. И все же в нем было нечто новое. Свет — почти живой — заливал те пространства, которые еще

несколько мгновений назад заполняли черные тени. Джеремя все еще смотрел на мир глазами Серого, но теперь этот мир был таким, каким должен был быть, а не таким, каким рисовало его воображение ворона.

— Поднажми, Джеремя! Они уже обратились в бегство!

Воодушевленный, Джеремя бросился за отступавшими тварями. Теперь он видел, что бояться их нечего. Без ворона, своего предводителя, лишённые питательной среды, которой служил для них страх их жертв, тени были такими же бессильными, каким на поверку оказался Оберон. Это были трусливые создания, даже более трусливые, чем еще недавно он сам. Джеремя не хотел быть излишне самоуверенным, однако в предвосхищении неминуемой победы сердце его ликовало. Ему было приятно ощущать себя победителем, человеком, диктующим условия.

По дороге Джеремя продолжал представлять город таким, каким хотел его видеть. Присные черной птицы не осмеливались попадаться ему на пути и в панике отступали. Джеремя знал, что отступают они не только перед ним. Они в страхе разбегались перед живыми картинами Чикаго — Чикаго его мечты, — которые наваливались со всех сторон, заставляя тени искать убежище в самых укромных углах.

«Однако где же ворон?» — спрашивал себя Джеремя. Этот вопрос не давал ему покоя. Ворон непременно должен был дать о себе знать.

— Дружище, победа у нас в руках! — крикнул Гектор, и его слова развеяли последние сомнения Джереми, который уверенно продолжал свою миссию, изгоняя тени, осмелившиеся наводнить город — его город. Тени корчились, превращаясь в жалкую пародию.

Чернильные пятна пятнились все дальше и дальше. Еще немного, и они оказались бы в ловушке, и Чикаго был бы освобожден. И тут он увидел ее.

Каллистра стояла посреди сгущавшейся тьмы, в немой мольбе простирая к нему руки. Затем тени подхватили ее и поволокли прочь, а ночную тишину прорезал знакомый смех. Джереми обернулся, но никого не увидел.

— Кнопка, кнопка! У кого кнопка? — услышал он глумливый голос.

— Где он? — Птицы нигде не было, хотя голос ее, казалось, несется отовсюду.

— Спокойно, дружище! — сказал Гектор, тревожно озираясь по сторонам. — Мы найдем его. Только не поддавайся на его провокации.

В который раз Гектор с его самообладанием наставлял Джеремию на истинный путь. Завидев Каллистру в столь отчаянном положении, Джереми уже был готов броситься в самую гущу поджидавших его монстров. Но не таков был Гектор. Он-то понимал, что победить крылатую бестию можно, лишь имея холодную голову. В противном случае победителем выйдет черная птица: Каллистра будет потеряна безвозвратно, а самого Джеремию, скорее всего, ждет смерть.

«А я бы ударил, как обезумевший носорог!» — Даже теперь Джереми не переставал удивляться: о чем думал пресловутый Томас О'Райан, когда остановил свой выбор на нем? Чувство юмора — это одно, но вручать бразды правления в столь неумелые руки... Джереми недоумевал. О'Райан, видно, был еще большим глупцом, чем тот, кого он выбрал себе в преемники.

И все же что-то подсказывало Джереми, что О'Райан был совсем не дурак.

Впрочем, какое это теперь имеет значение?

«Что ж, я хотел покончить со всем этим. Теперь мне представился подходящий случай».

— Какие будут предложения, Гектор?

Чернокожий улыбнулся зловеще:

— Проклятие! Будь я на твоём месте, я бы вызвал его на поединок и повыщипал ему все перья! Старина, сила на твоей стороне!

Да, у него была сила. В этом он не сомневался. Каким бы грозным противником ни был ворон, он был всего лишь Серым со всеми присущими ему ограничениями. Джереми был человеком.

— Я сделаю это.

— Помни, я с тобой!

— Гектор, оставайся там, где стоишь! Я это серьезно!

Его спутник уже хотел ввязаться в очередной спор, но увидев потемневшее от гнева лицо Джереми, передумал:

— Хорошо-хорошо, но — на всякий случай — знай, что я рядом.

Тодтманн кивнул и снова повернулся лицом к тьме. Прежде чем вызывать ворона, он хотел убедиться, что тени больше не будут служить ему помехой.

Как выяснилось, его опасения были напрасны. Тени покорно ретировались; их больше не нужно было подгонять. Страх их оказался столь велик, что Джеремиа почти физически ощущал его присутствие в воздухе.

Оставалось разобраться с вороном.

— Где ты?

Ернический смешок заставил его вздрогнуть, но Гектор положил руку ему на плечо и шептал на ухо:

— Не давай ему морочить тебе голову! Это единственное, на что он еще способен.

— Ты умеешь лишь выскакивать из-за угла и брать людей на испуг! — что было мочи закричал Джеремиа, не обращая внимание на струившиеся по лбу ручейки пота. — Теперь посмотрим, каков ты в равном бою!

— Некоторые из нас, — донеслось до слуха Джеремии, — более равны, чем другие!

Тут перед ними возникло черное пятно, которое моментально превратилось в крылатую тень. Несмотря на свой боевой настрой, Джеремиа вдруг почувствовал нестерпимое желание повернуться и кинуться прочь с этого места. Однако он не сделал этого. И не только потому, что не мог оставить в беде Каллистру и Гектора. Он понимал, что не успеет сделать и нескольких шагов,

как ворон настигнет его и разорвет на части. К тому же в глубине души он действительно хотел покончить с проклятой птицей — хотел собственными глазами увидеть ее конец.

— Выше голову! — подбадривал его Гектор.

— Все в порядке. — Он соврал, но какой был бы прок, признайся он сейчас, что сердце у него ушло в пятки.

— За что боролся, на то и напоролся! — со смехом произнес ворон. — Биться будем или мириться?

— Мне нужна Каллистра!

— А что ты можешь предложить, когда ее ты хочешь получить?

Сделка? Какая может быть сделка с вороном? Это немыслимо! Разве можно ему хоть в чем-то положиться на его слово? Ведь он само двуличие.

— Никаких сделок. Просто я *требую*.

Глаза птицы из багряно-красный сделались холодными и белыми как иней. Эбеновый дьявол громко расхохотался... и мир на глазах Джереми перевернулся вверх тормашками.

Оба приятеля полетели кувыркком. Джереми успел схватиться за столб, Гектор висел, уцепившись за пожарный гидрант. Ворону же, казалось, вся эта чехарда нипочем. Он продолжал, как ни в чем не бывало, парить на том же самом месте.

— А теперь мне нужен кто-нибудь из зрителей! — каркнул ворон, и в следующее же мгновение появилась Каллистра. Как и оба мужчины,

она была повернута вверх ногами и к тому же прикована к колесу.

— Каллистра!

Ворон не стал затыкать ей рот, чтобы усугубить страдания Джереми — они могли разговаривать, но не касаться друг друга.

— Джереми, ты не должен был здесь появляться! Ты не можешь победить его!

Не может? Так Каллистра не верит, что у него есть шанс? Последняя надежда угасала.

Джереми пробовал подтянуться вперед, но для этого ему необходимо было разжать руки. Но тогда он рисковал упасть на небеса.

— Крутится, крутится колесо, и только мне ведомо, где остановится оно! — на манер ярмарочного зазывалы горланил ворон.

И колесо действительно начало вращаться. Каллистра в страхе закричала.

— Джереми! — раздался голос Гектора, который предпринимал титанические усилия, чтобы приблизиться к своему спутнику. — Ну давай же! Представь что-нибудь такое, чтобы остановить это!

Крики Каллистры разрывали Джереми сердце, не давая сосредоточиться на деле. Наконец ему все же удалось нарисовать в воображении мир, каким он должен быть, в котором все стояло бы на своих местах. Таким, каким он был и будет всегда.

Мир вновь принял нормальное положение. Гектор, который находился ближе к земле, крикнул и встал на ноги. Джереми же еще не

которое время описывал круги вокруг столба. Ему показалось, что он вот-вот задохнется.

Черная птица уже не смеялась.

— Пусть чудеса не кончаются, — пробормотал ворон и, посмотрев ледяным глазом на колесо, заставил его остановиться так, чтобы Каллистра оказалась вниз головой. — Давайте-ка прольем свет на этот предмет!

— Джеремя! — охваченная паникой, закричала Каллистра. — Берегись!

Он не забыл фокус со светом, столь же алчным и кровожадным, как тени. Это было творением злого гения, прекрасным и страшным одновременно. Видимо, ворону каким-то образом удалось исказить его смысл, потому что Джеремя не верил, что оно было рождено монстром. Ведь внешне оно было скорее антитезой, противоположностью черной тени, нежели ее близнецом.

Вспышка была ослепительной; Джеремя тщетно пытался защитить глаза. Рядом с ним корчился Гектор, также не привыкший к столь яркой иллюминации.

— Вы видели свет? — издевательским тоном осведомился ворон. — Видите свет?

— Как бы сделать, чтобы он заткнулся? — спросил Гектор. — Или, по крайней мере, вырубить эту проклятую лампочку? Ты же должен быть невосприимчив к подобным штукам. Ведь это та же тень, только яркая.

Так ли? Было ли подобно это творение обычной тени? Джеремя вспомнил, как он впер-

вые столкнулся с этим. Тогда его присутствие вызвало замешательство.

Он сделал шаг вперед. Свет остановился, почти мгновенно отреагировав на его приближение. Джеремиа сделал еще шаг. На сей раз светящаяся тень попятилась — точно так же, как прежде это делали ее темные соплеменники.

— И снова в бой! — рывкнул ворон, но светлое пятно продолжало пятиться. Птица принялась отчаянно хлопать крыльями, глаза ее налились кровью. На мгновение показалось, что ворон совершенно растерян. Потом он обратил взор на предположительно смертного и изрек: — Иногда бывает, что именно мелочи мешают нам жить! Никогда на моей памяти не было такого бесчестного и несправедливого дня!

— Он готов, старина! — закричал Гектор. — Твоя очередь. Ударь ему по больному месту!

Ударь по больному месту... Джеремиа понятия не имел, где у ворона больное место, но был преисполнен решимости наказать его. Довольно ворону-призраку охотиться за ним, точно он кролик, а не человек, довольно отравлять жизнь ему и той, дорожке которой у Джеремиа никого не было. Если он и сомневался относительно того, стоит ли положить конец существованию эльфов или нет, то насчет ворона никаких сомнений у него не было. Если ворона можно отправить в небытие, то он, король Серых, сейчас этого пожелает. Он сконцентрировал все внимание на источнике своих бед...

Но птица не исчезла.

Нельзя сказать, чтобы ворон вовсе не пострадал. Птица закаркала, скорчилась, начала оплывать и вскоре превратилась скорее в какую-то бродячую тень, чем во что-то, похожее на птицу. Светлое пятно испарилось, а тени — теперь, когда их хозяин как будто возвестил о своем поражении, — съжились до ничтожно малых размеров.

Джеремия перевел дух. Вопреки его воле птица не была повержена. У Джеремии возникло странное ощущение — словно он сам служит помехой собственным же усилиям, как если бы он распылял свою волю, пытаясь уничтожить два разных предмета, и один из них — неверная цель.

Неверная цель?

Осененный страшной догадкой, он перевел взгляд на Каллистру.

У нее не было рта; в какой-то момент ворон, это порождение дьявола, просто стер его с лица женщины. И все же она кричала, кричала громко, потому что, когда страдал ворон, страдала и она.

Охваченный отчаянием, Джеремия Тодтманн попытался внести коррективы в свою тактику, сделать так, чтобы ворон оказался его единственной целью. Но Каллистра по-прежнему оставалась во власти черной птицы. Чем больше усилий прилагал Джеремия, чтобы повергнуть ворона, тем сильнее кричала Каллистра.

На его глазах она начала таять. Она таяла, а все попытки Джеремии, казалось, лишь ускоряли процесс ее распада.

Вдруг из-за спины Джереми, вооруженный крепкой, размером с бейсбольную битку, палкой, выступил Гектор — на лице его было написано намерение атаковать корчившуюся в судорогах птицу. Подойдя на расстояние вытянутой руки, он размахнулся и наотмашь ударил по пернатой твари... Такой подачи Джереми еще не доводилось видеть.

Черный съездившийся комок взмыл в воздух и пулей полетел в самый конец улицы, где его немедленно поглотила тень. Оттуда донесся слабый, глухой удар — птица шмякнулась на мостовую. В глазах Джереми можно было прочесть разочарование — он явно ожидал услышать что-то другое. Он ждал взрыва. Это было бы заслуженным концом птицы-демона.

— «Каркнул ворон: «Nevermore!»» — прошептал Гектор и выпустил из рук палку, которая растаяла в воздухе, не коснувшись земли.

Nevermore... Реальность обрушилась на Джеремию напоминанием о судьбе другой женщины...

— Каллистра!

Не было ни колеса, ни распятой на нем пленницы.

Встав на четвереньки, Джеремия принялся шарить на земле.

«Она *должна* быть где-то здесь! Это ошибка! Серые не умирают, — без устали твердил он про себя. — Серые не умирают!»

— Джеремиа...

Он раздраженно сбросил с плеча руку Гектора. Она *должна* быть где-то здесь! Это просто фокус! Просто чары перенесли ее в другое место! Он провел руками по тому участку улицы, где еще недавно плавало колесо. Никаких признаков того, что Каллистра умерла, равно как никаких признаков того, что она просто покинула это место. Порождение Сумрака, Каллистра не могла оставить следов ни в первом, ни во втором случае. Однако...

— Джеремя... дружище...

Джеремя не желал ничего слушать.

— Гектор, мы должны найти ее! — Он направился туда, где виднелись остатки теней, которые, завидев его, съежились от страха. — Наверное, он куда-то телепортировал ее.

— Ее больше нет, Джеремя.

— Этого не может быть!

Джеремя не верил ему. Он бы увидел... он бы понял. В памяти его прокручивались кадры, запечатлевшие последние моменты — до того, как вмешался Гектор и вывел ситуацию из тупика. Джеремя был уверен — или почти уверен — что неожиданные действия его друга должны были разорвать путы, которые удерживали Каллистру. Не мог же ворон утащить ее с собой?

В самом деле не мог?

Гулким эхом по улице прокатился хохот ворона.

Джеремя чертыхнулся. Неужели крылатый призрак непобедим? Впрочем, если он все еще существует, значит, и Каллистра... тоже.

— Где он?

Гектор огляделся по сторонам:

— Такое ощущение, что он повсюду... однако... мне сдается... — Он указал направо. — Он там!

— Идем! — Король Серых устремился туда, куда указал его друг; перед глазами у него плыли красные пятна, образы расплывались и дробились. Джеремии чертовски надоели выходки ворона, он устал от всей этой истории. Он хотел одного — покончить с проклятой птицей, забрать Каллистру и вернуться домой.

Если она еще жива...

— И снова в бой! — прокаркал ворон.

По улице на всем ее протяжении пробежала трещина. Затем трещина начала расширяться, образуя что-то вроде ущелья.

— Желтая линия разделила две дороги, уходящие в разных направлениях, — откуда-то прокаркал ворон. — Простите, не могу воспользоваться двумя сразу... Придется удовлетвориться одной... или другой.

Друзья поспешно вскочили на одну сторону улицы, которая теперь и в самом деле представляла собой две. Джеремиа, по-прежнему следуя на звук голоса, стараясь не упускать из виду и все расширявшуюся, теперь уже не трещину, а настоящую расселину.

Очевидно, птица не собиралась удовлетворяться только этим, поскольку, когда расселина стала достаточно широкой, улица накренилась и начала заваливаться. Стоявшие на тротуаре мусор-

ные бачки опрокинулись и покатались в разверстую пропасть. Хоть рассудком Джеремиа и понимал, что все это происходит в сфере грез, иллюзий и снов, все же ему было сложно отделаться от мысли о том, что Чикаго стоит на пороге самой что ни на есть реальной катастрофы.

Джеремиа, не сводя глаз с опрокидывающейся улицы, попытался восстановить в памяти, какой она была до сих пор. С потрескавшимся асфальтом и канализационными люками на проезжей части, а главное — совершенно плоской.

Мир перед его глазами покрылся рябью...

...и улица снова стала ровной. От разрушений, вызванных злой волей ворона, не осталось и следа. Даже трещина исчезла.

Джеремиа никак не мог отдышаться. Его усилия по концентрации воли не прошли для него даром. Он начинал понимать, какое душевное напряжение требуется, чтобы произвести подобные изменения. Его первые попытки, которые он предпринял, еще будучи в гостях у Оберона, теперь казались легкой забавой. Он понял, что постепенно в нем накапливается усталость.

— Джеремиа! У тебя все в порядке?

— Да... только немного вымотался.

Гектор наклонился к нему:

— Послушай, старина, думаю, ты справишься с ним, раз уж ты можешь останавливать его фокусы. Он пытается сбить тебя с толку. Он уже не тот, ты здорово ему всыпал. Ты должен нанести решающий удар, и с ним будет покончено!

— Сначала я должен найти Каллистру! Мне надо понять, была ли это действительно она, или это очередной трюк.

Джеремя расправил плечи. На улице установилась непривычная тишина.

— Джеремя, все, что от тебя требуется, это перехватить инициативу, — настойчиво гнул свое Гектор. Несмотря на все передрыги, он по-прежнему выглядел молодцом — даже умудрился не запачкаться. Джеремя брезгливо поморщился при виде собственного мягкого костюма. — Ты должен ударить первым, чтобы не дать ударить ему. Последний раз ты почти достал его, но позволил улизнуть!

Позволил улизнуть? Если и так, то лишь потому, что ворон использовал Каллистру в качестве живого щита. Если бы Джеремя продолжил атаковать его, она могла бы... *погибнуть*. Более подходящего слова он подобрать не мог. Все остальные — раствориться, прекратить существовать — были не более чем эвфемизмами. Серый, которого больше не существует, мертв.

— Устал? — прокаркал ворон. — Тогда почий в мире!

Тьма начала сгущаться на улице, но Джеремя, обнаружив в себе силы, о существовании которых и не подозревал, сжал волю в кулак и крикнул в пустоту:

— *He-e-em!*

В мгновение ока тьма рассеялась.

— Нет? Нет? — злобно проскрипел ворон, чувствуя, что теряет контроль над ситуацией. —

Хоть бейся в стенку головой, а верх опять же будет мой!

— Джеремя, действуй! — шепнул ему на ухо Гектор и ободряюще похлопал его по спине. — На сей раз не упусти его! Покажи ему, кто здесь хозяин!

— Я сказал «нет», — промолвил Джеремя, все ближе подступая к черной птице. Каллистры поблизости не было. — Ты мне надоел!

— Сколь злей укуса змей детей неблагодарность! Ведь это я сделал тебя тем, кто ты есть!

Джеремя горько рассмеялся:

— Ты только разрушаешь. Ты не умеешь созидать. Ты разрушил мою жизнь.

Ворон, увидев, что Джеремя находится от него на расстоянии вытянутой руки, расправил крылья и отступил.

— Тень тени жизни ты влачил! Ты был живым мертвецом, жизнь смертного — всего лишь дым!

В словах птицы была правда, но это лишь укрепило решимость Джеремии:

— Но это было не твое дело. Ведь не ты выбирал меня, или это не так?

Джеремя протянул руку, чтобы схватить ворона, но тот оказался проворнее. Отскочив на безопасное расстояние, он лишь расхохотался.

Джеремя пришел в ярость. Он снова попытался схватить ворона, и на этот раз ему повезло — пернатый монстр попался.

Ворон злобно каркнул и что было мочи ударил Джеремию клювом, но тот не разжал ладо-

ни. Птичьи когти оставляли глубокие кровавые борозды на его запястье, однако Джеремя, преодолевая боль, изловчился и второй рукой схватил птицу за горло. Он буквально жаждал свернуть ему шею и увидеть, как безжизненно поникнет птичья голова. Но ворон, казалось, был сделан из стали. Джереми лишь удавалось удерживать в руках яростно трепыхавшееся тело.

Как вдруг ворон начал таять. Сначала он весь как-то странно вытянулся, потом обмяк и стал оплывать, точно разогретый воск. Боясь очередного подвоха, Джеремя хотел покрепче сжать ладони, но в руках у него теперь было нечто, по консистенции напоминавшее ртуть. Лишь обладая богатым воображением, можно было принять это нечто за птицу. Кучка перьев и склизкая, на глазах разлагающаяся плоть.

— Держись, Джеремя! — подал голос Гектор, который, видно, не знал, чем он может помочь другу в данной ситуации. Впрочем, оно и понятно. Птичья тушка претерпевала столь стремительную трансформацию, что лишняя пара рук скорее была бы только помехой. К тому же, похоже, все было кончено.

— Заложница! — возопило тягучее, отвратительное месиво. — Заложница! Полцарства за заложницу!

Заложница?

— Каллистра? Где она? Говори!

— Поздно! — Пара глаз, один алый, как кровь, второй — желто-белый, смотрели на

Джеремию из страшного груза в его руках. — Поздно, поздно! Око за око, смерть за смерть!

Ворон последний раз рассмеялся и обратился в дым.

Джеремиа с отвращением разжал ладони. То, что осталось от черной птицы, вылилось на мостовую, нечеловеческие зрачки смотрели на Джеремию осуждающе. Ворон еще пытался смеяться, но язвительного, едкого смеха уже не получалось — до слуха Джеремии доносился лишь глухой клекот.

— Око за око... — изрекла растекшаяся по асфальту тошнотворная лужа.

— *Где она?*

Ответа Джеремиа так и не дождался. Он еще раз повторил свой вопрос, однако черной птице было не до разговоров. Над жидкой массой курился дымок. Темное пятно неумолимо съезжалось и наконец окончательно испарилось, а мгновение спустя растаяли и последние струйки дыма.

— Гектор, Боже мой! Что же я...

Где-то кричала Каллистра. Сердце подсказывало Джеремии, что это она: слишком точным был расчет времени. Так мог планировать только ворон, пусть и находившийся на половине дороги, которая вела в небытие. Мгновенно забыв о птице-демонe, Джеремиа побежал на крик — Гектор вслед за ним. Крик повторился, крик приводил Джеремию в отчаяние, но одновременно служил и утешением. У него разрывалось

сердце, когда он представлял себе ее мучения, однако то обстоятельство, что она еще кричала, означало, что у него, возможно, еще есть время, чтобы спасти ее от мести ворона.

Почему-то Джеремиа Тодтманн не удивился, оказавшись возле Сирс-тауэр. Ворон — безотносительно его отношения к Джеремии — благоговел перед циклопическими масштабами этого сооружения. Возможно, его привлекала высота, а возможно, были другие причины, о которых Джеремиа не знал. Однако неудивительно, что ворон выбрал именно это место для акта возмездия.

Верные слуги ворона, тени, все еще окутывали большую часть здания и не спешили ретироваться при виде смертного. И на то у них имелась веская причина, потому что там на башне, привязанная к ней невидимыми узами, томилась Каллистра. Тени окружали ее со всех сторон, они пока лишь играли с ней, как кошки играют со своей добычей. Тени протягивали к ней темные щупальца, касались ее и вбирали щупальца назад. Вокруг нее словно действовала некая недоступная для них зона, но она все больше и больше сужалась.

В ушах Джеремии до сих пор стоял злорадный смех ворона.

— Проклятие! — буркнул Гектор. — И что ты собираешься предпринять?

— Не знаю... Они не желают отступить! Раньше они всегда отступали.

— Давай, Джеремя, вперед! Иначе тьма ее сожрет!

Тодтманн посмотрел на своего друга:

— Не знаю, что я могу...

— Дружище, у тебя больше нет времени думать! — Гектор во все глаза смотрел на башню. — Один уже подбирается к ней!

Тодтманн резко обернулся и указал пальцем на Каллистру; он думал лишь о том, что она должна быть рядом с ним, подальше от злобных полчищ этой каркающей дряни. Если он действительно избранный якорь, тот, от кого зависит устойчивость и равновесие этого мира снов, то в его власти воссоздать эту сцену такой, какой он ее представляет, — в его власти разрушить последнюю западную черной птицы.

Искристый свет пробежал по стенам Сирстауэр. Джеремя почувствовал, что еще не все потеряно, что появилась надежда. Тени поблекли, снова сгустились и снова поблекли. Ему показалось, что Каллистра отделилась от башни и плывет к нему.

Однако сосредоточенная работа его воли была прервана странным звуком, напоминавшим хлопанье птичьих крыльев, вслед за которым раздался сдавленный саркастический смех. Джеремя моргнул, и этот звук исчез, но ворон уже сделал свое дело.

Его черное полчище пришло в движение... Ближайшая тень уже подползла совсем близко к Каллистре, все еще распятой на башне.

Джеремиа закричал, но было поздно. Калли-стра успела понять, какая страшная участь ей уготована, успела только раскрыть рот в ужасе.

Тень поглотила ее.

С уст Джеремиа сорвалось ее имя, затем он упал на колени. Он затряс головой, словно надеясь отогнать ужасное наваждение. Он подвел ее, подвел ее дважды. Судьба давала ему отсрочку, но он не воспользовался ею. Ворон — даже прекратив свое существование — вырвал женщину, которую Джеремиа любил, из самых его рук. Не важно, что она была Серой; Джеремиа знал, что тени для Серого означали смерть. Каллистра прекратила существовать, как только тень поглотила ее.

Он даже был бессилен дать выход душившей его боли и отомстить призрачным убийцам, поскольку тени, закончив свою черную работу, в мгновение ока растворились. Не в состоянии совладать с чувствами, Джеремиа в отчаянии колотил кулаками по холодному бездушному асфальту.

Прошло несколько минут, и кто-то шепотом позвал его по имени. Джеремиа знал, что это Гектор. Он не хотел реагировать, но негр не собирался дать Джеремиа утонуть в жалости к самому себе. Джордан положил руки ему на плечи и склонился над ним:

— Джеремиа, мне очень жаль, право... Мне казалось, что она уже у тебя в руках! Честное слово.

— Томас О'Райан, — пробормотал Джереми. Поначалу даже он сам не очень хорошо понимал, почему вдруг у него с языка сорвалось имя его предшественника, но чем больше он думал об этом, тем более убеждался, что это неспроста. — Черт побери, Гектор, что такого он во мне увидел? С тех самых пор, как меня втянули в эту историю, я не сделал ровным счетом ничего! Что он себе думал?

Гектор лишь покачал головой. Он не знал ответа.

«При всей своей власти я не могу спасти единственное дорогое мне существо! Лучше бы я остался у Оберона. Даже он знал бы, как поступить!»

Гектор Джордан посмотрел по сторонам:

— Здесь пока вроде бы спокойно, но нам все же лучше перебраться в другое место. Куда-нибудь, где ты мог бы спокойно все обдумать.

— Гектор, я хочу одного — избавиться от этого ярма, которое надели мне на шею. Теперь, когда Каллистры не стало, мне больше ничего не нужно от этого мира. Мне плевать, что с ними со всеми будет; я просто не желаю больше служить им «королем». *Королем!* Лучше было бы сказать, якорем. Он сам идет ко дну и тянет за собой все, что тебе дорого. Если бы я только мог избавиться от всего этого...

В глазах Гектора появилось тревожное выражение.

— Старина, будь осторожен в своих желаниях. Они могут исполниться. Помнишь, что я тебе говорил? Неизвестно, кем окажется твой пре-

емник. Это может быть кто-нибудь, кто ворону придется по душе.

В тот момент Джереми было все равно. Пусть Серые — да и породившее их Человечество — катятся ко всем чертям — скатертью дорога. *Скатертью дорога?* Он тихо выругался, поймав себя на фразе в стиле Серых. Мир снов проник в его кровь и плоть, и его уже тошнило от всего этого.

— Хорошо, что прикажешь мне делать? — огрызнулся Джереми. — Может, сам хочешь попробовать?

Гектор помрачнел, однако, с минуту помолчав, ответил:

— Если мне пришлось бы выбирать из двух зол — то да. Лучше получить короля, которого ты знаешь, чем неизвестного.

Джереми фыркнул:

— Судя по манере говорить, ты вполне годишься... — Заметив, что Гектор и не думает улыбаться, он вытаращил глаза: — Ты что, серьезно?

— Серьезнее не бывает.

— Да ты понятия не имеешь, во что вляпываешься!

— Скажем, у меня предчувствие. Хуже, чем сегодня, все равно уже не будет.

Наконец-то ему предоставлялась возможность отречься... Заманчиво... Слишком заманчиво, чтобы верить... Опять же он чувствовал себя не в своей тарелке. Гектор просто до конца не представляет, что значит принять на себя роль якоря.

— Гектор, ты просто не понимаешь, что это значит! Жить среди созданий самых худших твоих кошмаров — буквально! Вечно видеть жизнь, но никогда уже в ней не участвовать! Жить среди тварей, порожденных самыми темными снами Человечества! Никогда больше не коснуться другого... человека. Никогда!

— Видно, тебе самому все это нравится, раз ты с таким жаром отговариваешь меня.

Неужели он не понимает?

— Я отговариваю тебя, потому что ты не знаешь, что это такое!

Гектор выпрямился и, не сводя с Джеремии глаз, изрек:

— Тебе не убедить меня. Либо я, либо первый безумец, на которого наткнутся чары.

Где-то в глубине души Джеремиа был даже рад, что ему пришлось уступить в этом споре. Если в мире и существовал человек, которому он со спокойной душой мог передать королевскую мантию, то этим человеком был Гектор Джордан. Что было бы теперь с ним, Джеремией Тодтманном, если бы рядом не было Гектора с его самообладанием и острым умом? Томас О'Райан был близок к цели: стоило ему лишь заглянуть в другой отсек «Вечного залога»... «Впрочем, как знать, — подумал Тодтманн, — может быть, этот ирландец так все это задумал с самого начала». Отдать власть Джеремии, чтобы тот убрал ворона, а потом вручил чары своему чернокожему другу.

Последнее соображение показалось ему абсурдным, смехотворным. Он стал королем по странной прихоти глупца, и пусть он уничтожил ворона, но попутно погубил Каллистру. Если Гектор хочет занять его место, пусть так оно и будет. Пусть это будет его головная боль, его мука, его страхи.

Джеремия вдруг вспомнил, что не знает, как передать чары. Он истерически захохотал. Когда он рассказал об этом Гектору, тот не нашел в этом ничего забавного.

— Должна же у тебя быть хоть какая-то идея!

— Я знаю только, что для того, чтобы вернуться в прежнюю жизнь, мне надо сосредоточиться на воспоминаниях о ней, но тогда чары будут предоставлены самим себе. Нет гарантий, что они выберут именно тебя.

— Вот тебе и на! — фыркнул Гектор. — Он, оказывается, ни черта не знает.

Джеремия не ожидал, что Гектор так распадется, и его это задело. Он встал и с нескрываемым раздражением сказал:

— Я тут был малость занят. Может быть, ты это даже заметил?

— Извини, — сконфуженным тоном произнес Гектор. — Ты прав. Нервы, знаешь ли...

Готовность друга признать свою ошибку несколько успокоила Джеремию.

— Поверь, я и сам не прочь узнать, как это делается.

— Знаешь... может быть, тебе это известно.

— Что ты хочешь сказать?

В глазах Гектора блеснула надежда; он ткнул себе в лоб пальцем и сказал:

— Старик, это должно быть у тебя в голове. О'Райан увидел тебя, решил, что ты и будешь его преемником, и — раз! — ты им стал!

— Но ему пришлось умереть, чтобы чары перешли ко мне!

— Откуда тебе известно? — Гектор лукаво прищурился. — Ты всегда рассматриваешь самый худший вариант. А что если допустить, что тебе достаточно просто захотеть, чтобы чары перешли ко мне?

— Я *хочу*, чтобы чары перешли к тебе!

— Думаю, ты не до конца прочувствовал это желание. — Гектор помолчал, затем добавил: — Наверное, физический контакт может нам помочь. Мы должны сесть и взяться за руки. Я видел, в кино этот способ срабатывает.

Джеремиа хотел возразить, сказать, что это абсурд, что такое бывает лишь во второсортных фильмах, но потом он вспомнил, где они находятся. Если это и был избитый киношный штамп, то вполне в духе Серых.

— Возможно, в этом что-то есть, — сказал он. — Готов попробовать. Где ты предлагаешь этим заняться?

— Можем сесть прямо здесь.

— На улице?

— Старина, решайся. Теперь или никогда. Пока мы будем искать подходящее место, твой приятель Арос нас сцапает.

Арос...

— Ты не поверишь — я совершенно забыл о нем.

— Зато я не забыл.

Джеремяшний раз убедился, насколько лучше подготовлен Гектор к той роли, которую Серые так опрометчиво поручили ему. Гектор обладал отменной реакцией и вместе с тем способностью анализировать ситуацию. Для всех — и для Серых, и для Человечества — будет лучше, если трон достанется такому, как Гектор Джордан, а не вечному неудачнику Джереми Тодтманну.

— Что ж, попробуем, — согласился Джеремя.

Они сели на тротуар, который нельзя было охарактеризовать ни как холодный, ни как влажный — к нему вообще не подходили никакие определения, поскольку он был лишь иллюзией и существовал постольку, поскольку так хотел Джеремя.

Гектор протянул обе руки, и Джеремя сжал их в своих ладонях. Должно быть, со стороны это выглядело забавным, но ничего лучшего они придумать не могли. Если их постигнет неудача, что ж, они поищут другое решение. Но что-то подсказывало Джереми, что Гектор знает, что делает. Через какое-то мгновение Джеремя освободится от всего, останутся лишь горькие воспоминания о том, как он не смог спасти Каллистру. Он знал, что от этого бремени ему не избавиться никогда.

Да он и не хотел...

— Приготовились, — сказал Гектор.

Джеремя кивнул и крепко зажмурился. Он действительно хотел, чтобы у них получилось. Чары не принесли ему ничего, кроме боли. Гектор хотел обладать ими, что ж — воля его... Джеремя больше не чувствовал угрызений совести из-за того, что пытался переложить на чужие плечи свои проблемы. Его друг справится куда лучше, чем он. Гектор Джордан — это не Джеремя Тодтманн.

Он почувствовал, как что-то сдавило ему мозг.

И тьма навалилась на него со всех сторон.

Он попытался воспротивиться: он брыкался, размахивал руками, отбиваясь изо всех сил. Наконец до него дошло, на кого он — объятый страхом — обрушил град ударов.

Это был Гектор.

Джеремя в ужасе вытаращил глаза. Перед его взором, словно в замедленной съемке прокручивались страшные кадры. Гектор, без чувств, взмывает в воздух и, не издавая ни звука, летит к стене ближайшего здания. Странное дело, когда он ударяется о стену, та прогибается — Гектор же бесформенной кучей падает ниц.

— Боже, Гектор! Нет! — Джереми кажется, что он кричит, на самом же деле с уст его срывается лишь слабый шепот. Он с трудом поднимается на ноги и, пошатываясь, направляется к своему другу. Если он убил Гектора...

Он успевает сделать три, может, четыре шага, как вдруг видит перед собой темную фигуру. Джеремя с облегчением вздыхает, но на сме-

ну облегчению приходит недоумение, а затем страх.

Образ Гектора Джордана дрожит, как картинка на экране неисправного телевизора, и Джереми никак не удается поймать его в фокус. Прежде только однажды Джереми видел нечто подобное — это было, когда он расспрашивал двойника Мэрилин о Томасе О'Райане.

Гектор был никакой не Гектор, а Серый.

XV

— 4 то с тобой, Джереми? — спросил ускользающий от взгляда Гектор. — У тебя такой вид, будто ты увидел призрак.

Только теперь, когда Джереми знал, кто перед ним, он наконец понял, что крылось за привычкой Гектора сыпать штампами, вворачивать к месту и не к месту цитаты, часто их перевирая, и говорить в рифму. Невероятно — как он раньше не догадался? И как давно тянется этот маскарад? Давно. Вероятно, с того самого момента, как Гектор впервые заметил его в зеркале.

Его просто водили за нос.

— Старина, ты что, язык проглотил?

Джереми отступил на шаг назад:

— Ты не Гектор. Не подходи ко мне!

По губам псевдо-Гектора скользнула улыбка. Он больше не мог утаить правды.

— Наверное, ты прав.

— Где он? Где настоящий Гектор? — Тодтманн уже и сам догадывался, но он хотел получить подтверждение своим подозрениям.

— У твоего приятеля вместо мозгов — булыжники, — ответил двойник. — А теперь — один большой булыжник.

Боже праведный! Неужели и Гектор тоже?.. Нет, только не это!

— Ну-ну, полно. — Двойник усмехнулся и, опустив голову, принялся разглядывать свое тело. — С глаз долой, из сердца вон.

И Гектор Джордан стал распадаться.

Сначала лицо его облупилось, кожа почернела и покрылась струпьями. На щеках вылезли перья. Отслаивающаяся по бокам головы ткань преобразилась в крылья, которые начали неумолимо расти. Нос и рот вытянулись вперед и слились в одно. Из жил у него на шее выскочила пара оснащенных острыми когтями лап. К вящему ужасу Джереми, голова его приятеля вдруг отделилась от туловища и осталась висеть в воздухе. Туловище же рухнуло, обратившись в отвратительную, лишенную скелета кучу плоти, от которой, правда, через секунду-другую не осталось и следа.

Последние человеческие черты, по которым еще можно было бы узнать в летающей голове именно голову, все больше съеживались и наконец исчезли. Взмыв на высоту в два человеческих роста, восставший из праха ворон дико

расхохотался, увидев исполненные животного ужаса глаза своего врага.

— Я совсем не тот человек, которым был когда-то?

Джеремя, замороженный небывалым зрелищем, не спускал с птицы глаз. Ему следовало давно понять, что Гектора нет в живых. Ворон не мог рисковать — он должен был сделать так, чтобы вдруг не объявился настоящий Гектор. Более того, чтобы устроить такую гениальную мистификацию, крылатому демону было недостаточно иметь в своем распоряжении лишь тень Гектора. Ведь при всех странностях его лексикона псевдо-Гектор отличался удивительным сходством с оригиналом.

Сначала Каллистра, теперь еще и это. Джеремя понятия не имел, что хочет от него черная птица, зато знал, что она от него получит.

Король Серых подверг ворона *адаптации*.

Зловещая тень задрожала. Джеремя почувствовал, что сердце вот-вот выскочит у него из груди. На сей раз монстру от него не уйти! На сей раз ворон заплатит за обе смерти!

Чудовищной силы толчок сотряс землю. Джеремя потерял равновесие и, не устояв на ногах, упал, больно ударившись спиной о мостовую. Концентрация была нарушена.

— Ты не можешь уничтожить меня, Джеремя Тодтманн! Я — это ты! Ты моя сила! Ты скорее уничтожишь луну, солнце, звезды, чем меня!

Ворон носился вокруг него с такой скоростью, что Джеремия был озабочен лишь одним — как защитить лицо. Он едва успел вскинуть руки, чтобы не дать длинным, как ножи, когтям вцепиться ему в глаза, и только сдавленно простонал, когда они рассекли ему кожу на тыльной стороне ладоней. Ворон снова бросился к нему, но на этот раз остановился на полдороге.

Джеремия опустил окровавленные руки. Боли он не чувствовал. Он понимал, что дьявольская птица просто хочет показать ему, на что она способна.

— Чего ты хочешь от меня?

— Всего.

— Но зачем?

— В самом деле, зачем? — Ворон отлетел в сторону и сел на уличный указатель. С минуту он сосредоточенно чистил клювом перья, затем обратился к своей жертве один кроваво-красный глаз. — Чтобы мечтать о несбыточном, конечно. Чтобы черпать жизнь до дна. Чтобы смело вторгаться туда, куда до сих пор не ступал ни один Серый! Чтобы иметь возможность посещать этот островок под названием Земля не только транзитом.

— Так ты хочешь попасть в реальный мир?

— Я хочу принадлежать к истинному миру!

Принадлежать к истинному миру. Джеремия попробовал представить ворона как часть земного мира. Картина выходила жутковатая. Едва ли ворон удовольствуется тем, что будет просто

существовать среди людей. Нельзя допустить, чтобы он переступил границу. Но единственным барьером, отделявшим ворона от его цели, был Джеремиа, а он чувствовал себя совершенно бессильным перед этим демоном.

И вопреки всему, вопреки полной безнадежности, он сказал:

— Я не могу тебе этого позволить.

Ворон, по своему обыкновению, рассмеялся:

— Не можешь? *Должен!* Я в ухо королям шептал все эти годы, и шли за ними Серые народы! Моих заклятий лъстивых тень приблизила последний этот день! И сами короли, как тень, шли вслед за мной на каждую ступень, пока наконец не явился ты! Время пришло, сказал морж, и час настал! Ты — кульминация моего плана, которым я, как рычагом, поверну королевскую власть! Я вел тебя и друга твоего, но стал не нужен он, и смерть взяла его.

Эксцентричная манера речи ворона не могла скрыть чудовищного смысла его откровений. Как долго он плел сети своего заговора? Если верить его словам, в его план оказалась вовлечена целая череда королей из числа смертных — выходило, что он последовательно манипулировал выбором, который осуществляли чары, и никто не понимал, что на самом деле выбор всегда оставался за ним. Ворон не остановился даже перед убийством — ему потребовалось обличье Гектора, чтобы одурачить Джеремию, обманом заставить его отказаться от чар в его пользу. План его был невероятно сложным и

изошренным. Какое место в нем отводилось каждому последующему королю-смертному? Какие черты или достоинства искал он в своих марионетках? И почему именно на нем, на Джереми, интрига достигла своего пика?

Джереми лихорадочно соображал, нельзя ли как-нибудь отвлечь внимание ворона, хотя и понимал, что нельзя предотвратить неотвратимое.

— Но ты и без того посещаешь истинный мир, не так ли?

— Фигаро здесь, Фигаро там. Мне все время приходится возвращаться или исчезать в воздухе. Разве это жизнь?

Нет, это не жизнь. Вечно все сводилось к одному и тому же. Как бы реальны ни были Серые, они не жили — по человеческим меркам. Для реального мира они оставались привидениями, навевными снами фантазиями, которые испарялись или меняли обличье по прихоти тех, которые действительно жили. Даже ворон, который смог по-настоящему *убить*, все-таки не был реальностью. Однако ворон чего-то явно не договаривал... Да и не должен был...

В конечном итоге это не имело значения. И снова, вопреки своему сокрушенному духу, повергнутому в печаль смертью Каллистры, Джереми не сдался ворону:

— Я не допущу, чтобы вышло по-твоему. Я остановлю тебя... — Даже ему было трудно поверить в свою угрозу. Слишком силен был в нем страх... — всем, что в моей власти, что в моих силах, чтобы остановить тебя.

— Кто же теперь мечтает о несбыточном? Ты все еще не понял, кто я, Джеремиа Тодтманн? Серые — это страхи и грезы, сны и слезы! И Серого народа касается всяк смертный мимоходом. Да, из всех, кто касается мира снов, более всех это делает король, якорь. Здесь сны становятся явью, и чудеса становятся фактом... а *страхи* обретают *плоть*! — Болтливая сорока замолчала, предоставляя Джеремию вникнуть в смысл своих слов, потом заговорила вновь: — И это я — квинт-эссенция страхов и кошмаров каждого из приведенных сюда якорей едва ли не с того самого момента, как возникли чары. Я выросал с каждым из этих безумцев и копил силы, играя на их параноидальных маниях и темных страстях! И страхи королей мой рост питали; и страсти якорей мне силы прибавляли!

Джеремиа вспомнил, о чем говорил ему Оберон. Теперь все становилось на свои места, обретая страшный смысл. Если влияние, которое оказывали на мир Сумрака попадавшие сюда волей чар люди, и было несопоставимо большим, чем влияние всего человечества, то равным же образом усиливалась и их собственная тайная склонность к пороку, усиливались обуревавшие их осознанные или подсознательные страхи. Чары, призванные являть могущество избранного смертного, обнажали и усугубляли присущие ему страхи, делая их почти осязаемыми, субстанциональными сущностями.

В мире теней это означало одно: страхи надеялись силой, получали собственное обличье и

право на самостоятельное существование. В конце концов все они воплотились в облике крылатого монстра.

Ворон вдруг начал яростно бить крыльями; Джеремиа вздрогнул от неожиданности, чем вызвал очередной приступ демонического хохота.

— Да-да, Джеремиа Тодтманн! Я воплощение твоих самых страшных кошмаров! В буквальном смысле.

А затем весь мир сделался пламенем.

Было очевидно, что ворон в данном случае ни при чем. Так же, как и Джеремиа, ворон явно не ожидал такого поворота событий; в панике он суматошно захлопал крыльями и взмыл ввысь. Джеремиа, не в силах пошевелиться, в немом изумлении смотрел на то, как геленна огненная пожирает Чикаго.

Великий чикагский пожар...

Тяжелая лапа закрыла ему рот, не давая возможности даже пикнуть. Лохматая рука обхватила грудь; Джеремиа начал задыхаться.

— Ты мой друг, Джеремиа, — шепнул хрипловатый голос Отто.

Друг или нет, только обезьяноподобный подхватил Джеремию и потащил прочь из объятых пламенем города и подальше от крылатого демона. Джеремиа мало что видел (мешала огромная лапа), однако успел заметить, как трепыхается в огне обезумевшая от жара птица. Языки адского пламени упрямо тянулись к птице, но крылатой твари каким-то образом вся-

кий раз удавалось уклониться от их смертельных объятий. Ворону, всецело поглощенному борьбой с пламенем, явно было не до Джереми, на что Отто, видимо, и рассчитывал.

И здесь таилась еще одна загадка. Когда Джереми последний раз видел обезьяноподобного, последний — как он помнил — не отличался сообразительностью. Он едва-едва мог поддерживать самый примитивный разговор. И вдруг он разрабатывает и проводит настоящую спасательную операцию.

Пространство вокруг них было залито тусклым мерцающим светом. Сгинули чикагские монстры-небоскребы, и взору Джереми предстала заболоченная равнина, которая простиралась в этих местах еще во времена, когда даже форта Дирборна*, предтечи самого Чикаго, не было и в помине. Пока Отто тащил его по влажной траве, Джереми вспоминал Каллистру, которая была его первым гидом по этим местам.

— Взойди и воссияй! — неожиданно рявкнул Отто; с этими словами он поставил Джеремию на ноги и легонько встряхнул. — Теперь не время спать — тем более видеть сны!

Обезьяноподобный наконец убрал свою лапу с его рта. Джереми показалось, что к губе у

* Форт Дирборн — военный форпост в устье реки Чикаго, основан в 1803 году и назван по имени военного министра Генри Дирборна, по чьему приказу был построен. Разрушен индейцами в начале англо-американской войны 1812—1814 гг. Восстановлен в 1816—1817 г. после строительства канала Эри. Окончательно заброшен в 1837 году, когда Чикаго получил статус города. — *Примеч. пер.*

него прилип настоящий волос, и он брезгливо сплюнул.

— Куда ты меня тащишь? — спросил он.

— Туда, где рождается радуга, Джеремиа Тодтманн. Где синее небо, куда не доносится пение птиц. Туда... дальше забыл.

В этот самый момент перед их взорами вновь появился городской пейзаж. Никакого преобразования не было. Город просто возник из ничего. Он по-прежнему был объят пламенем, только теперь огонь не казался таким... управляемым. Обычный пожар. Джеремиа, который приготовился ощутить под ногами мягкую, болотистую почву, оступился и едва не упал. Только благодаря Отто, который вовремя подхватил его под руки, он не ударился головой о каменную мостовую.

— Он сильнее. Твой страх слишком силен.

— Что... что это значит? — вновь обретая почву под ногами, спросил король-невольник.

— Он не лгал тебе, Джеремиа Тодтманн. Он — ожившие страхи тех, кто был подобен тебе, твоих предшественников. Он сделал так, чтобы ты его боялся более всего на свете; твоё смятение питает его.

— Ты хочешь сказать, что чем больше я его боюсь, тем он сильнее?

— Правдивей слов не говорил язык.

— В таком случае я проиграл, не так ли? — Джеремиа обратил взор к темному небу, ожидая увидеть на нём ещё более темное пятно, которое обернется вороном. — Я не могу просто

отмахнуться от своего страха. Он сидит глубоко во мне.

— Да, он знает толк в своем черном ремесле, — согласился Отто и причудливо скосил один глаз к небу. Джеремия невольно вспомнил, как взирал на него ворон. — Мы должны уйти отсюда, Джеремия Тодтманн.

Чикаго исчез, и вместо него появились лесистые холмы, которые тянулись насколько хватало глаз. Идиллическая панорама сельской жизни с разбросанными там и сям маленькими уютными домиками. Вместе с тем пасторальный пейзаж вызывал в душе Джеремии смутную тревогу, вызывая ассоциации с другим местом и другим временем.

— Похоже на страну эльфов. Где правит Оберон.

— Оберон.

Что-то в тоне, каким его спутник произнес это имя, заставило Джеремию пристальнее взглянуть в его глаза. Отто все еще оставался существом весьма расплывчатой формы, а потому с уверенностью сказать, что выражало его лицо, было трудно. Однако Джеремии показалось, что он мучительно пытается припомнить нечто связанное с повелителем эльфов.

— Мы в стране эльфов?

— Нет, — произнес обезьяноподобный. — Мы в старой доброй Англии.

В Англии? Джеремии давно хотелось побывать там... но не при таких же обстоятельствах.

— Но почему мы здесь?

Словно не слыша обращенного к нему вопроса, Отто изрек:

— Я помню Оберона. Помню эльфов.

— Ты...

— Я помню чары. — Вспыхнули глаза-семафоры. — Я помню сотворение.

— Ты помнишь сотворение чар? — Оберон рассказывал ему, как Серые, которые выдумали чары, забыли самих себя, утратили идентичность и — если можно так выразиться — фрагментировались. Не будучи больше эльфами, они вернулись в свое примитивное состояние и стали похожи на ходячие тени.

Однако один из них, похоже, забыл не все. Серый, которого Джереми в шутку окрестил в честь обезьяны-долгожителя из чикагского зоопарка, некогда был одним из самых могущественных правителей царства снов.

Чем больше Отто вспоминал, тем плавнее текла его речь. И все же, когда Джереми слушал его, ему казалось, что Отто рассказывает не о себе, а о каком-то своем знакомом, которого давным-давно потерял из виду.

— Чары были трудными. Создатели пытались соединить грезы с реальностью, связать мир Сумрака и мир людей. Сначала ничего не вышло. Но если не получается с первого раза, ты должен пробовать снова. Было предложено связать жизнь и силу чар с сознанием их носителя. Чары должны были питаться за счет его мыслей, одновременно концентрируя их. План казался безупречным. Кристально ясным.

Отто больше не смотрел на него, весь уйдя в воспоминания.

— Рассудок — это ужасная вещь, — как бы между прочим заметил он. — Мы привязали чары к первому избранному, но мы были лишь тени, а он — человек. Натяжение оказалось слишком сильным. Успех вскормил поражение. — Обезьяноподобный как-то жалко заморгал. — Я уже не мог сохранять устойчивое состояние. Моя индивидуальность, которую я так лелеял, рассыпалась. Как карточный домик. И все же у меня оставались силы, Джереми Тодтманн. Я не все забыл и отчаянно цеплялся за то небольшое, что помнил. Сколько мог.

Так проходит мирская слава... Джереми, которому в жизни было нечем похвастаться, тем не менее знал, что она, жизнь, у него есть. Пусть он не сделал за свою жизнь ничего выдающегося, но зато у него была личность. Он был кем-то узнаваемым. Тогда как для Отто существование складывалось из вечных попыток вспомнить нечто давно забытое и неспособности что-то предпринять из вечного страха забыть то небольшое, что ему удавалось вспомнить. Лишь получив новое имя, он нашел в себе силы заглянуть назад в свое прошлое.

— Ворон... он действительно таков, как говорит?

— Да, Джереми Тодтманн. Теперь я это знаю.

В каком-то смысле эльфы сами содействовали сотворению ворона. Чары вызвали его из не-

бытия, а в дальнейшем и укрепили его, чему он сам старался способствовать.

Мелькнула смутная догадка — ворон, чары. Джеремя хотел ухватить ее, но она, не успев сформироваться в мысль, сгинула в бездне подсознания. В сознании всплыл другой вопрос:

— Отто! Мог ли я на самом деле передать ему власть чар?

Обезьяноподобный ненадолго задумался, наконец ответил:

— Да.

Он снова попытался облечь в слова то, что не давало ему покоя:

— Но не будет ли это...

— Ты не должен этого делать, Джеремя Тодтманн, — перебил его Отто. — Это сделает его могущество безграничным. Он сможет коснуться реального мира.

Легкий ветерок покачивал ветки деревьев, но Джеремя, принадлежа к царству грез, был невосприимчив к нему. Сейчас он был бы рад даже урагану, если бы только он был посланцем реального мира.

— Все это какая-то чертовщина! Заставляет даже пожалеть, что здесь нет Ароса.

Глаза обезьяноподобного загорелись неровным светом, выдавая охватившее их обладателя возбуждение.

— Арос ничего не может сделать. Ворон заставил бы его забыть самого себя. И Каллистра тоже. Они...

Джеремя едва сдержался, чтобы не схватить Отто за шкирку:

— *Каллистра? Так она... она жива?*

Теперь всполошился обезьяноподобный:

— Ты не должен думать о них, Джеремя Тодтманн. Не должен. Ради них. Ради...

Но Джеремя уже не слышал его.

— *Каллистра!* — благоговейно, как заклинание, повторял он. — *Каллистра!*

— Ты не должен о них думать.

Образ ее стоял перед глазами: Каллистра, стройная, неземная, само совершенство; бледная богиня с волосами цвета полуночи. Чем дольше он думал о ней, тем явственнее становился ее образ. К своему изумлению Джеремя поймал себя на том, что воображение его одновременно рисует и образ Ароса Агвиланы. Долговязый упырь стоял рядом с Каллистрой, опираясь на трость.

— Нет! — закричал Отто, взмахивая рукой. Джеремя не успел отреагировать — оплеуха прилась ему в область подбородка. Он завертелся волчком и грохнулся оземь. Затем встряхнул головой и уставился на призрак.

— Однако это запрещенный удар, мой старый друг.

Отто обернулся на голос и сокрушенно вздохнул:

— Поздно. Слишком поздно.

Женская тень опрометью бросилась к поверженному, ошарашенному Джереми и кинулась ему на грудь.

— Джеремя! Что с тобой?

— Каллистра! — пробормотал он.

— Что он с тобой сделал?

Джеремия потер ладонью подбородок:

— Все в порядке. — Учитывая недюжинную силу Отто, можно было сказать, что он еще легко отделался. — Думаю, он не хотел причинить мне боль.

Отто вновь обратился к лежащему у его ног Джеремии.

— Хотел привести тебя в чувство, но слишком поздно. Арос не должен появляться здесь. Он, как и ты, привлекает птицу. Теперь ворон решительно настроен тебя найти, Джеремия Тодтманн.

— Черный дьявол никогда не решится напасть, увидев всех нас — особенно *меня*, — заявил Арос. — Он не дурак, чтобы совать свой клюв туда, куда ворон костей не заносил. — Мертвенно-бледный призрак поморщился от собственного штампа.

— Арос, он никогда не боялся тебя. Он тебя использовал. Ты проложил ему путь.

— Абсурд!

Отто пожал плечами:

— Лучшая марионетка — это та, которая не видит нитей. Ворону был известен каждый твой шаг.

— Мы теряем время! — вмешалась в их спор Каллистра, помогая Джеремии подняться на ноги. — Единственная надежда Джеремии — покинуть наш мир!

Тодтманн, почувствовав, что головокружение прекратилось, решил наконец сам сказать пару слов о том, как он представляет себе свое будущее.

— Послушайте, вам не кажется, что я могу иметь...

— Ага, вся банда в сборе!

Вместо холмов и перелесков старой Англии появились окутанные зловещей тенью чикагские небоскребы. Небоскребы, которые продолжали пылать.

— Слишком поздно, — бормотал Отто. — Слишком поздно.

— Красная смерть воцарится над всем! — прокаркал ворон.

Призрачный огонь чикагского пожара больше не охотился на ворона, но его нельзя было назвать и хаотичным. Нет, языки пламени проявляли живой интерес к этой маленькой компании, явно рассчитывая втянуть их в заливчатские пляски со смертью. Ворону удалось приручить раздутый Отто пожар и направить его против своих врагов. Алые проворные щупальца все ближе подбирались к Джереми и его спутникам. Если у него и были вопросы, может ли причинить ему вред этот огонь, то страшный жар быстро дал на них ясный ответ. Сам этот жар был вполне способен убить его.

Рядом с Джеремией страдали Каллистра и двое других. Пламя было порождено Серым, и потому вполне действовало на обитателей мира

теней. Даже если оно не могло их убить, то, несомненно, доставляло немалые мучения. В этом Джеремиа уже убедился.

Вдруг Отто схватил Джеремию за шиворот; не успели Каллистра с Аросом глазом моргнуть, обезьяноподобный привлек его к себе и был таков.

Там, где только что был Чикаго, теперь вздымались ввысь покрытые снегом горные вершины. Внизу простиралась долина.

Джеремиа повернулся к Отто:

— Ты что натворил? Как ты мог их бросить?

— Тебя нужно спасти, Джеремиа. Любой ценой.

Джеремиа уже хотел было ввязаться в спор со своим незадачливым спасителем, как вдруг тишину гор прорезал леденящий душу голос ворона:

— Ага, так вы решили прогуляться по Долине Тени Смерти! Так бойтесь же моего гнева!

Тень?

Джеремиа уже знал, что на них надвигается, однако все, что он смог сделать, это поднять над головой руки и крикнуть:

— Нет!

Расположившаяся за спиной его спутника тень пришла в движение.

Джеремии еще ни разу не доводилось видеть, чтобы тени могли развивать такую прыть. В мгновение ока она поглотила несчастного Отто, который даже не успел ее заметить. Она просто объяла его: он не успел ни понять, что проис-

ходит, ни закричать. Джеремии оставалось утешать себя тем, что кончина его оказалась скорой и безболезненной.

Вокруг него снова полыхал чикагский пожар. Действие с монотонной настойчивостью возвращалось в одно и то же место. Это было бы даже занудно, если бы не страшная судьба Отто. Джеремиа чувствовал себя игрушечным чертиком на ниточке, которого дети швыряют взад-вперед.

Сцена, явившаяся его взору, не вселяла надежды: Арос Агвилана, тыкая набалдашником трости в пламя, пытался отбиваться и от огня, и от его повелителя, но было ясно, что постепенно сдает позиции. Каллистра стояла у него за спиной, и выражение ее лица показывало, что она тоже участвует в битве. Что до ворона, то он весело кружил над головами злополучной тройцы, то и дело отпуская саркастические замечания в адрес Ароса.

— Проклятый демон, остановись и сражайся, как подобает воину! — С этими словами Арос ткнул набалдашником трости в небо. Волчья голова вытянулась, за ней показалось туловище, и наконец огромный волк отделился от набалдашника и кинулся на ворона. Ворон внезапно остановился в воздухе и воззрился на приближавшегося к нему хищного зверя.

Так и не достигнув цели, волк замер и рухнул на землю как подкошенный. Ударившись о мостовую, он, подобно фарфоровой чашке, разбился вдребезги. Осколки внезапно остекленевшего

волка брызнули во все стороны. Под их градом Арос и Каллистра, видимо, окончательно утратили способность противостоять огненному шквалу. Пламя с яростным ревом несло на них.

Отступая, Арос и Каллистра наконец увидели, что Джеремия вернулся. Каллистра подбежала к нему и прижала к себе. Затем подоспел и Арос, чье внимание отчасти все еще занимал пожар.

— Где Отто? — прорычал он. — Зачем он вернул тебя сюда?

— Это не он! — Из-за гула пламени ему приходилось кричать. — Ворон прикончил его! Тень... тень напала на него! Это ворон вернул меня!

Гримаса страха исказила и без того угловатое лицо Ароса.

— Это невозможно! Я же отвлекал его... Он был здесь!

— Там он тоже был!

— Не могу поверить, чтобы он был наделен такой властью!

— Ах, ты не можешь поверить? — Ворон кружил прямо над ними. Арос снова ткнул тростью в воздух, но если он ожидал, что это произведет эффект на ворона, его ждало разочарование.

Ворон укоризненно покачал головой.

— Так ты говоришь, не можешь поверить? Ах да, ведь не зря же говорится: не поверю, пока не увижу.

В пламени возникло какое-то мерцание. Джеремия по крайней мере видел только это, од-

нако Арос и Каллистра застыли, словно парализованные ужасом.

— Арос! — Каллистра была еще бледнее обычного — если такая характеристика вообще была к ней применима. — Как он мог?

— Совпадение. — Арос хотел выглядеть спокойным и уверенным, однако у него это плохо получалось.

Джеремия по-прежнему не понимал, какие вдруг могли возникнуть новые поводы для страха.

— В чем дело? — спросил он. — Я не заметил ничего подозрительного.

— Ты сейчас видишь мир таким, каким видим его мы, — сказал Арос, вглядываясь в пламя. — Ты должен попытаться увидеть реальный мир.

Все еще ничего не понимая, однако решив все же последовать совету долговязого, Джеремия мысленно представил мир, из которого он прибыл — таким, каким он должен быть.

Тени рассеялись и танцующие здания остановились и выпрямились, но в то же время все осталось по-прежнему. Теперь он видел Чикаго в обоих измерениях одновременно, призрачном и реальном. Он попробовал сконцентрировать волю на втором, призрачная версия померкла, хоть и не исчезла окончательно. Пожар стих.

И только в одном месте огонь не унимался.

— Ты видишь? — спросила его Каллистра. — Видишь пожар в твоём мире?

— В моем... мире?

— Джеремия, он раздул небольшой пожар в реальном мире, — объяснил Арос. — Неболь-

шой, но очень важный. Он может касаться твоего мира, мой друг. Касаться и заражать его своим злом.

Для Джеремии это не было откровением, он уже убедился в способности ворона вторгаться в жизнь людей. Именно из-за него погиб Гектор. Устроенный им пожар лишний раз демонстрировал, на что способна проклятая птица. Джеремию беспокоило другое, а именно: почему это открытие так поразило Ароса, единственного, который, как ему казалось, мог остановить ворона. От его воинственности не осталось и следа. Ворон показал, насколько ничтожными возможностями влиять на реальный мир обладал сам Арос.

— Вот летит он, герой-победитель! — каркал ворон, вращая кроваво-красным зрачком. — На колени перед лучшим из вас!

И Арос с Калистрой действительно опустились на колени, но было очевидно, что сделали они это не по собственной воле. Что было сил они сопротивлялись злой воле ворона, которая тянула их вниз, но устоять не смогли. В довершение ворон заставил их согнуть спины и поклониться до земли.

Джеремиа переводил недоуменный взгляд со своих товарищей по несчастью на ворона, потом на себя, потом снова на них. Он не чувствовал никакого побуждения вставать на колени. Ворон захохотал, но хохот его был каким-то запоздалым, словно так он старался замаять некую неловкость, оплошность.

— Так на чем же мы остановились? Ах да! Настало время воздать дьяволу дьяволовое! — Реальный мир исчез, и снопы огня взметнулись в небо, словно призванные подчеркнуть торжественность происходящего. — Смертный, пора отречься от короны, которой ты недостоин! Пора сбыться моему предназначению!

В жизни каждого человека случаются мгновения, когда решается судьба — несомненно, именно такое мгновение наступило для Джереми. Он лихорадочно соображал, пытаясь подсчитать все за и против. Ждать помощи от его спутников не приходилось. Все теперь зависело от него самого. Он мог либо добровольно сдать-ся, отказавшись от власти, которой был наделен, либо сразиться с крылатым дьяволом.

Джереми Тодтманн понимал, что победа птицы не была полной, окончательной. Будь могущество действительно настолько велико, как он пытался это представить, ему бы не потребовалось отнимать у Джереми его чары.

Джереми снова подумал о чарах. Мысль, которая как минимум дважды готова была осенить его, снова всплыла из глубин подсознания. Что такое ему говорили о чарах? Что они заряжаются и получают команду от избранного. Ворон скорее всего является порождением самих чар и ему необходим контроль над ними. В нем оказались аккумулированы страхи всех избранных смертных, которые когда-либо были связаны волшебными чарами, способными манипулировать его реаль-

ностью... Следовательно, избранник, носитель чар, должен уметь это делать...

Для Джеремии Тодтманна, короля Серых, все встало на свои места. Он знал — или надеялся, что знает, — что ему делать.

Джеремия покорно опустился на колени рядом с Аросом и Каллистрой и кивнул в их сторону:

— Чары в обмен на их свободу.

Зловещая тень рассмеялась, затем склонила голову набок:

— Чего-чего, а великодушия мне не занимать!

Джеремия сомневался в искренности вороны, но теперь это было не важно. Все, что от него требовалось, это отдать ворону то, что он просит... и надеяться, что это будет правильно.

— Так верни же то, что мне принадлежит по праву! — скомандовала птица. Ворон не спешил, впрочем, опускаться на землю. Очевидно, пока речь не шла о физическом контакте. Если бы это зависело от его желания, Джеремия совершил бы ритуал передачи, не касаясь пернатой твари.

Он приготовился к вторжению чудища в свое сознание.

Как и в первый раз, прикосновение было тягучим и чужеродным, только теперь Джеремия не сопротивлялся. Тело его сотрясилось от страха — страха, который так долго насаждала и взращивала черная птица. Джеремия позволил ворону соединиться с собой, чтобы передать ему проклятое наследие эльфов. Он сомневался, что эль-

фы и иные Серые узнали бы в теперешних чарах свое творение. Чары слишком очеловечились, и он был прав, когда думал о них как о некоей призрачной сущности, почти такой же, как прочие Серые, имеющей собственный разум. Больше всего он сейчас боялся не присутствия в себе ворона, а как раз того, что чары воспротивятся его намерению и постараются остаться частью его существа. Он понятия не имел, как ему быть в таком случае. Ведь при всем своем могуществе Джереми совершенно не умел его правильно применить. И ворон знал об этом.

Он постарался сосредоточиться только на процессе передачи. Ворон вряд ли мог читать его мысли, но наверняка чувствовал их. Сейчас, когда они по существу являли собой одно целое, птица, возможно, попытается глубже в них проникнуть. Джереми мысленно представил, что обладает некоей интеллектуальной защитой — в кино такое бывает сплошь и рядом, — однако он не мог с уверенностью сказать, что из этой затеи что-то вышло... Никакой разницы он не ощутил.

Ворон без всякого предупреждения прервал контакт.

— *Готово!* — Ворон, не скрывая своего ликования, взмыл ввысь. — Виктория! Теперь я состоялся! — И он разразился радостным смехом.

«Ну и черт с тобой», — подумал Джереми.

Он поразил ворона единственным своим оружием, которым он обладал на правах живого

человека, которое — возможно, ворон не понял этого — принадлежало исключительно ему, Джереми Тодтманну, а не являлось частью волшебных чар.

Джереми попробовал отделить свой собственный мир, такой, каким он хотел его видеть, от того, который находился во власти ворона. Разумеется, в его мире места ворону не нашлось.

Пламя погасло. Тени поспешно ретировались. Башни небоскребов обрели величавое спокойствие. Чикаго снова был наполнен живой жизнью, а не тьмой и разложением, которые олицетворял собой ворон.

— Дети есть дети! — мерзко цокнул ворон.

Мрачное зрелище объятого огнем города с его обезображенными, бесформенными зданиями, точно сошедшими с полотна Дали, — все вернулось.

Джереми заскрежетал зубами от ярости; его мозг готов был взорваться от титанических усилий, которые он прилагал, чтобы противостоять контратаке черной птицы. Но он не сдавался. Он вспомнил, что это дело времени. Главное было не дать птице опомниться, не дать ей понять, что происходит на самом деле.

Воображение подсказало иную картину, позаимствованную из опыта пребывания в мире Сырых. Город начал таять. Джереми вдруг подумал о городе как о живом существе; в тот момент он мог понять, что творится в душе Чикаго — ведь его самого столько раз швыряла судьба, столько

раз ему приходилось таять, чтобы потом возникнуть совершенно в другом месте. Но остановиться он не мог. Чикаго растворялся в воздухе, место его занимали луга и леса, а среди них появилось небольшое укрепленное поселение. Форт Дирборн. Возможно, это не был тот самый исторический форт, поскольку Джереми не умел вызывать конкретных предметов, — это было лишь его представление о том, каким был форт.

На сей раз ему не удалось завершить картину. Ворон настойчиво проталкивал свою версию мира, но теперь делал это уже не так стремительно. Джереми вновь воспрянул духом, хотя голова у него уже раскалывалась от страшного напряжения.

— Довольно игр! — прокаркал его крылатый соперник. Он вдруг с необыкновенной легкостью в несколько раз увеличился в размере. Ледяной взгляд его зрачка перехватил взгляд Джереми. Ворон словно вытягивал из него душу, манипулируя страхом, который ему удалось насадить и взрастить в человеке.

— Знать меня — значит бояться меня! Слабей ты — моя крепчает сила! Меня победа ждет, тебя — могила!

Джереми чувствовал, что почва ускользает у него из-под ног. Даже теперь, когда у Джереми больше не было чар, ворон все равно не отпускал его, высасывал его энергию. Пытаясь побороть страх, Джереми проклинал себя за то, что недооценил силу чертовой птицы.

Мягкие пальцы легко коснулись его правой ладони. Сквозь ужас и боль он различил голос Каллистры:

— Мужайся, Джеремя! Ты одолеешь его! Он больше не может одновременно удерживать нас и сражаться с тобой! Ты не должен сдаваться!

— Одна голова хорошо, а две лучше, — с другой стороны шепнул ему на ухо Арос. — А три еще лучше. Мы с тобой. Распоряжайся нами, и мы отдадим тебе свои силы.

— Одна, две, три — по мне хоть тридцать три! — продолжал бравировать ворон. Однако он уже не смеялся.

Страх улегся, а с ним спало и напряжение. Арос и Каллистра, видя его — пусть и неполный еще — успех, положились на него.

Джеремя снова атаковал реальность ворона. Но теперь он избрал целью самого ворона, решив проверить его на прочность.

«Сколько еще сил сохранилось у этой крылатой падали?»

Ворон встретил его атаку громким карканьем. На какой-то миг — не больше — он вдруг начал испускать призрачное мерцание. Но потом все кончилось. В смехе ворона снова слышались издевательские нотки. Атака захлебнулась.

Тяжело дыша, Тодтманн покачал головой. Мысли его путались; не помогала даже поддержка его спутников. В глубине души вновь зашевелился страх, угрожая в очередной раз подчинить его. На что он надеялся? Как победить того, кого победить нельзя?

— Крепись, он уже не тот, — прошептал Арос, в голосе его звучала уверенность. — Он не пошел в контратаку.

Как же он сам не обратил на это внимания? Несмотря на срыв, который пережил Джеремиа, ворон не спешил закрепить свое преимущество. Сострадание не входило в число его достоинств; отсутствие с его стороны активного противодействия могло означать только одно — силы птицы на исходе.

Вопрос теперь стоял так: кто из них двоих сломается первым?

Джеремиа встал, его спутники последовали его примеру. Он почти физически ощущал, как они концентрируют волю, стараясь поддержать его. Однако страх, что они, подобно эльфу, ставшему впоследствии Отто, не рассчитают силы и утратят идентичность — перестанут быть узнаваемыми, — не позволял Джеремиа особенно давить на них и требовать от них невозможного.

Должно быть, они догадались об истинной причине его нерешительности; по крайней мере Каллистра пожала его ладонь и прошептала:

— Джеремиа, делай все, что считаешь нужным, иначе мы все погибли.

— Выдерни этой вороне все перья, — поддерживал ее Арос.

Джеремиа устремил взгляд в небо. Ворон по-прежнему кружил над ними, но уже не так высоко, как прежде. Казалось, ему все труднее работать крыльями, к тому же он заметно уменьшился, почти до своего нормального размера.

— Ты ничтожество! — крикнул Джеремя. — Дурной сон! Тобой только детей пугать! У тебя даже нет плоти!

Каждая его реплика была очередной атакой на ворона. Черная птица пыталась отбиваться, но уже не предпринимала попыток перейти в наступление. Джеремя стоял на своем — он снова подчинил городской пейзаж своей воле. Пожар прекратился, тени отступили и больше не появлялись. Джеремя не верил своим глазам.

«Неужели моя взяла?»

Джеремя, король Серых, сделал несколько шагов вперед, его спутники неотступно следовали за ним. Ворон шарахнулся назад.

— Я живу! — не сдавался он. — Я наконец познал сладкую тайну жизни!

Джеремя покачал головой:

— Ты заблуждался все это время — с самого начала. Вся твоя жизнь — всего лишь кошмарный сон.

— Я заглянул в реальный мир, я прикоснулся к нему!

«Говорят, правда глаза колет. Посмотрим».

— Ты построил свою реальность вокруг меня и моих страхов, но это чары позволяли тебе существовать за счет меня. Теперь, когда чар у меня больше нет, ты больше не в состоянии паразитировать за мой счет. Единственный, у кого ты еще можешь черпать силы, — это ты сам, потому что чары теперь часть тебя.

— Быть или не быть — в том больше нет вопроса! — Ворон с трудом сдерживал ярость. — Я буду, ты — нет!

Мир превратился в истинный кошмар.

Дома дрожали как ртуть; улицы вспучило, затем они начали проваливаться. По небу разлился кровавый рассвет, который сменило пурпурное море, и наконец оно стало ярко-желтым. Рухнули фонарные столбы, едва не задев Джеремию и его спутников. Джеремия посмотрел под ноги и увидел свое тело — дрожащее, угловатое; на мгновение ему даже показалось, что он не в состоянии управлять им. Рядом с ним Арос и Каллистра отчаянно боролись, чтобы сохранить устойчивость формы. Фигуры их нелепо вытянулись, Джеремия понял, что им приходится совсем туго. Возможно, потому, что одновременно они старались подержать и его.

Это последнее соображение заставило его стряхнуть с себя оцепенение. Всею виной был ворон, который предпринял последнюю отчаянную атаку. Джеремия почувствовал, что к нему возвращается самообладание. Он верил, что теперь им недолго ждать. Что развязка близка. Надо было только как следует измотать ворона.

Джеремия не давал ворону ни секунды покоя. Он все время вносил незначительные коррективы в окружающий их мир — здесь было самое слабое место ворона. Тот еще продолжал сопротивляться, но ярость, которую он скопил для своей последней атаки, становилась все слабее... Пока, наконец, от его бывшего могущества

не осталось ничего, кроме жалкого птичьего каркаса.

Это был финал. Пародируя издевательскую интонацию ворона, Джеремиа объявил:

— А теперь все или ничего! Сражайся или умри!

Ворон злобно каркнул и расправил крылья, полный решимости покарать наглеца.

Но его боевой клич захлебнулся в невнятном клекоте удивления.

Крылья обернулись вокруг него саваном и замерцали. Ворон удивленно захлопал круглыми глазами. Вокруг него появился синий светящийся ореол.

Ворон исчезал.

— Он сам себя сжег, — прошептал Джеремиа, опасаясь, как бы произнесенное вслух слово не оказало обратного эффекта. Но ворону не судьба была восстать из пепла. С каждой секундой он становился все прозрачнее, призрачнее. Но даже теперь, когда ворон и сам уже, казалось, осознал, какая ему уготована участь, он не желал уступать. В последний раз он расправил крылья и, устремив зловещий взгляд на Джеремиа, открыл клюв, словно намереваясь говорить.

Но ему так и не удалось произнести свой предсмертный афоризм. Не успев издать ни звука, пернатый изгой замер... и его не стало.

Чикаго стал самим собой, городом, который Джеремиа знал и любил. Тодтманн вздохнул и едва не лишился чувств. Каллистра подхватила его под руку, Арос рассыпался в поздравлении-

ях, но в тот момент Джеремиа не замечал их. Точно замороженный он впивался взглядом в то место, где он в последний раз видел ворона. Того простыл и след — в его существовании просто не стало смысла.

Наконец Джеремиа повернулся к своим спутникам и спросил:

— Неужели все кончилось?

Увидев на их лицах счастливое выражение, он впервые позволил себе улыбнуться.

XVI

Он никогда не вернется домой, только теперь он сам сделал такой выбор.

Арос настоял на торжествах, поскольку это было так по-человечески, а потому так пристало Серым. Джеремиа нехотя согласился. Он мечтал о том, чтобы провести какое-то время в одиночестве — исключение он готов был сделать лишь для Каллистры. Ему нужно было время, чтобы подумать, как жить дальше. Но его новые друзья настаивали, и он вынужден был уступить.

В «Бесплодной земле» царило веселое оживление. Возможно, веселье это и было в известной степени фальшивым, но Джеремии все же показалось, что в воздухе, в атмосфере его было разлито — пусть слабое — ощущение надежды. Он

уже давно понимал, что Серый может стать чем-то большим, нежели простое отражение сознательного и бессознательного начал в Человеке. После исчезновения ворона он понял и то, чем не может стать Серый — *человеком*. В этом и крылась их ошибка; они полагали, что должны быть частью реального мира. Но им никогда не суждено было стать живыми — то есть в земном понимании этого слова, — так зачем же следовать по ложному пути? Они представляли собой иную форму жизни, происхождение которой столь же таинственно, как и происхождение самого Человека. Джеремиа пытался внушить им, что, хотя они и связаны с человечеством, им предначертан иной путь. Серые могут создать свой собственный мир, который в чем-то по-прежнему будет пересекаться с земным миром, а в чем-то будет жить своей жизнью.

Разумеется, среди них всегда будут встречаться призраки-сомнамбулы, поскольку, пока люди видят сны, они неизбежно будут воспроизводить их. Но главное, однако, в том, что многие, как Арос и Каллистра, способны развиваться, прогрессировать. С Аросом это произошло давным-давно. Джеремиа не знал, что послужило для него первотолчком, да и сам долговязый уже не помнил этого. Тодтманн подозревал, что не обошлось без эльфов, хотя Арос пошел намного дальше. Когда-то перед Обероном и ему подобными открывались большие возможности, но, едва обретая устойчивое обличье и иден-

тичность, они успокоились и закоснели. Эльфы как богам поклонялись своим обветшавшим от времени идеалам, которые были обусловлены формой их существования. Потому что в царстве снов форма слишком часто определяет функцию.

— Джеремия?

На лице Каллистры лежала печать тревоги. Он улыбнулся. Она тоже отличалась от той, которую он впервые увидел в пригородном поезде. Верно, что во многом Каллистре помогла его вера в нее, но она и без того была незаурядная натура. Она была уверена, что это Джеремия вырвал ее из когтей ворона, он же считал, что в этом заслуга только ее самой. Подобно ворону, она смогла стать настолько реальной, чтобы влиять на окружающий ее мир. Ошибка ворона состояла в том, что он уверовал в возможность вырваться за пределы этого мира. —

— Все в порядке, — сказал Джеремия. — Просто немного устал.

Поверил ли ему в конце концов ворон или нет? Осознал ли, что каким бы реальным ни рисовало его воображение смертных избранников, он всего лишь призрак и таковым останется?

Когда Джеремия объяснил это Аросу, тот улыбнулся и сказал:

— Выходит, мы все это время зря беспокоились? Ему, оказывается, было на роду написано сгинуть?

Но они оба знали, что это не совсем так. Учиненный вороном пожар — к счастью, быстро

потушенный городской пожарной командой, — доказал, что черная птица представляла собой серьезную опасность. Даже если бы ворон был обречен вечно оставаться призраком, от него все равно исходила бы угроза не только миру Серых, но и — хоть и косвенно — миру людей.

В зале танцевали тени. Казалось, они близки к тому, чтобы извлечь из этого праздника настоящее — реальное — удовольствие. До сих пор короли — включая Томаса О'Райана, — были на крючке у ворона, а потому рядовые Серые не особенно надеялись на них. Правда, случались и такие, которые, как тот же О'Райан, пользовались известным влиянием. Во многом благодаря им и существовали Серые, подобные Аросу и Каллистре. Теперь, когда — как выразились бы местные обитатели — прошлое похоронило своих мертвецов, Джереми надеялся, что все переменится. Серые заслуживали лучшей доли.

Арос Агвилана в облачении придворного отвесил Джереми поклон и произнес:

— Его Величество может спокойно есть, пить и веселиться, поскольку ворон мертв — и да здравствует король!

Джереми не мог не улыбнуться, услышав привычный набор избитых штампов, — впрочем, он подозревал, что Арос на это и рассчитывал. Однако же оба они прекрасно понимали, что ворон не был мертв в буквальном смысле этого слова. Верно, он прекратил свое существование, но то, что он собой олицетворял, навсегда останется с

ними, останется частью мира Серых. Зато теперь, когда они знали, что представлял собой ворон, угроза появления в их среде ему подобного становилась маловероятной. Но Джеремиа пообещал себе, что постарается, чтобы его наследники, те, которые когда-нибудь займут его место — а он надеялся, что это произойдет не скоро, — были готовы ко всему.

— Джеремиа, это скоро кончится, — прошептала Каллистра, неправильно истолковав его молчание. — Арос обещал. Знаешь, мне кажется, он немного побаивается тебя после того, что ты сделал с черной птицей.

— Что не мешает ему время от времени нашептывать мне на ухо ценные советы, не так ли?

Долговязый призрак уже подходил к нему с некоторыми своими соображениями. Джеремиа решил, что с ним надо держать ухо востро. Он будет выслушивать Ароса, но не станет раздавать никаких обещаний, прежде чем сам все не обдумает. Теперь, когда он решил остаться здесь, чтобы помогать обитателям Сумрака, всякое решение, которое он принимал, касалось и его собственной судьбы. Хотя бы из этих соображений он должен быть осторожнее.

Каллистра протянула ему кубок, который непонятно откуда вдруг оказался в ее руке. Джеремиа взял кубок и, подозрительно покосившись на Каллистру, заглянул внутрь.

— Не беспокойся. Это вино вовсе не такое сухое.

— Просто на всякий случай. — Вино действительно было сладкое.

Каллистра придвинулась к нему поближе:

— Знаешь, я счастлива, что ты остался... только я волнуюсь за тебя. Ради нас ты оставил свой мир, свою жизнь.

Джеремя Тодтманн, король и якорь Серых, вспомнил свою жизнь, какой она была до того момента, как его призвали сюда. Затем он окинул взором помещение клуба, наполненное существами, среди которых ему предстояло провести остаток дней. Они были самой различной формы — иногда просто невообразимой. Но какое бы обличье у них ни было, все они теперь зависели от него, короля Серых.

Джеремя снова посмотрел на сидевшую рядом с ним прекрасную призрачную женщину, само существование которой было лучшей гарантией того, что он никогда не отступит от поставленной им самим грандиозной задачи. Он поднес кубок к губам и ответил:

— Моя жизнь только-только начинается.

Литературно-художественное издание

Ричард Кнаак

КОРОЛЬ СЕРЫХ

Редактор М.Б. Левин

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.А. Воробьев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 16.06.99.

Формат 84х108 1/32. Усл. печ. л. 24,36

Тираж 7000 экз. Заказ № 3488.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО "Фирма "Издательство АСТ"

ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ИЗ ТУМАНА, ИЗ ТЕМНЫХ СУМЕРЕК
СМЕРТИ, ИЗ НЕБЫТИЯ ВЫЛЕТЕЛ ВОРОН.
ВОРОН, РОЖДЕННЫЙ В МИРЕ, ГДЕ
ОБИТАЕТ НАРОД ПРИЗРАКОВ,
В МИРЕ БЕСТЕЛЕСНОМ И ЗЫБКОМ,
В МИРЕ ВАМПИРОВ И МОНСТРОВ,
ЧУДОВИЩ И ПРИВИДЕНИЙ.
В МИРЕ, ГДЕ НЕ ЖИВУТ, НО ЖАЖДУТ ЖИТЬ.
ОН БЫЛ ВОРОН. ОН БЫЛ — ГОЛОД.
ОН ТОЖЕ ХОТЕЛ ОБРЕСТИ ЖИЗНЬ,
ХОТЕЛ ТАК СИЛЬНО, ЧТО ПОНЯЛ:
СИЛА ЕГО — В БОЛИ И СТРАДАНИИ
ДРУГИХ.
УБИВАЯ, УБИВАЯ И УБИВАЯ,
ОН СТАНОВИЛСЯ ВСЕ НЕУЯЗВИМЫМ,
ВСЕ НЕПОБЕДИМЫМ.
ТАК БЫЛО, ПОКА НЕ ВСТАЛ НА ЕГО ПУТИ
КОРОЛЬ — ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ЗВАЛИ
МЕРТВЕЦ.
И ТОГДА СХВАТИЛИСЬ В СМЕРТЕЛЬНОМ
БОЮ ТОТ, КТО ИЗ СМЕРТИ ПРОРВАЛСЯ
В МИР ЖИЗНИ, И ТОТ, КТО ИЗ МИРА
ЖИВЫХ ВЫРВАН БЫЛ МИРОМ МЕРТ-
ВЫХ...

ISBN 5-237-02904-3

9 785237 029048

